

С. Р. Минцловъ

ВЪГЛЕЦЫ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Изъ автобіографіи

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОСТОКЪ“ — РИГА

45
А. Воево
С. Р. Минцловъ

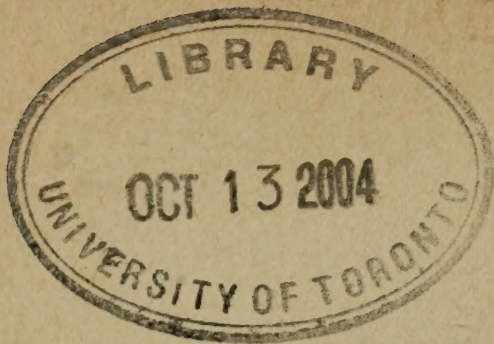
БЪГЛЕЦЫ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Изъ автобіографіи

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОСТОКЪ“ — РИГА

Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

4-ое исправленное издание

Типографія „Vārds“, Рига.
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 2-3-4-0-9.

Глава I

Мы жили въ Москвѣ. Я только что благополучно сдалъ экзамены изъ второго въ третій классъ реального училища, какъ по семейнымъ обстоятельствамъ мать отвезла меня въ Вильно къ своей родственницѣ Окушко.

Я съ горькими слезами разстался съ родными.

Дома я привыкъ къ небольшимъ, свѣтлымъ комнатамъ, къ шуму и говору, въ деревянномъ же одноэтажномъ, потемнѣвшемъ домѣ тетки, находившемся въ предмѣстьѣ Вильны - Поплавахъ — царило безмолвіе. Въ большихъ, высокихъ комнатахъ стоялъ полумракъ; тяжелыя, длинныя портьеры полукрывали окна и двери; въ углахъ виднѣлись старинныя горки съ хрусталемъ и фарфоромъ; на стѣнахъ висѣли темныя портреты въ золоченыхъ рамахъ; мебель прапрадѣдовъ стояла синяя важная и строгая; мнѣ казалось, что и она, и бюсты, и портреты — слѣдятъ за мною со всѣхъ сторонъ. Мягкіе, пушистые ковры устилали полы; только въ залѣ, огромномъ и непривѣтливомъ, ихъ не было: на выложенномъ паркетѣ ноги мои скользили, какъ на льду. Съ карнизовъ стѣнъ спускались на толстыхъ шнурахъ ста-

ринныя картины; подъ одной изъ нихъ чернѣло длинное фортепьяно. Иногда я осторожно подымалъ переднюю крышку его, тихо трогалъ одну изъ пожелтѣвшихъ клавишъ, и дребезжащій странный звукъ раздавался и замиралъ въ углахъ зала. Я извлекалъ второй звукъ, третій и мнѣ дѣлалось жутко: точно жизнь пробуждалась кругомъ; чудилось, что и мебель, и зеркала и всѣ вещи оживаютъ и вотъ-вотъ двинутся на меня. Я опускалъ крышку и на цыпочкахъ уходилъ къ себѣ по трещавшему паркету.

Населеніе всѣхъ семи комнатъ дома составляли — я, тетя и бѣлый котъ Юзекъ; внизу, въ подвальномъ этажѣ, гдѣ находилась кухня, помѣщались двѣ горничныя и старый, сизоусый и ворчливый поваръ Тадеушъ; темное лицо его казалось изрубленнымъ саблею — такія безчисленныя и глубокія морщины изборождали его; короткіе бѣлые волосы на головѣ торчали щетиною.

Тетѣ было лѣтъ около пятидесяти; она была бездѣтная вдова. Невысокую фигуру ея всегда облекало безукоризненное, черное платье; на чуть серебрившихся волосахъ она носила кружевную наколку; правую руку тети обвивали въ видѣ браслета темныя кипарисныя четки изъ Рима.

Мягкость была врожденною чертою ея; она сквозила и въ блѣдномъ лицѣ тети съ чуть изогнутымъ небольшимъ носомъ, и въ большихъ сѣрыхъ пронизательныхъ глазахъ. Голоса она никогда не возвышала. Всю ее проникали спокойствіе и увѣренность и было невозможно не исполнить любую просьбу ея.

Она была писательница; жизнь вела однообразную и замкнутую; гости приѣзжали рѣдко, прогулки тетя совершала только въ костель, или по саду. Остальное время она посвящала чтенію, писанію и, немного, хозяйству. Съ наступленіемъ сумерекъ въ кабинетѣ ея, уставленномъ шкапами съ книгами, на старинномъ бюро зажигалась лампа съ зеленымъ колпакомъ, и я долго, пока не засыпалъ, что случалось иногда и за полночь, видѣлъ на полу узкую полосу свѣта, проникавшаго черезъ темную смежную комнату, отдѣлявшую мою отъ кабинета. Или же доносились отдаленные звуки музыки — тетя любила играть въ полномъ одиночествѣ и всегда что-либо торжественное, или проникновенное. Меня она приняла очень ласково. Каждый разъ, когда она замѣчала, что я задумываюсь, или грущу по своимъ, — она откладывала книгу, или перо, подзывала меня къ себѣ и тоска моя незамѣтно разсѣивалась.

Домъ тети стоялъ между холмами, вѣрнѣе, онъ находился на днѣ оврага, который съ одной стороны выходилъ къ полотну желѣзной дороги; съ другой открывался видъ на рѣчку Вилейку и далекое Зарѣчье, лѣпящееся по горѣ надъ ней. За широкимъ дворомъ и невысокимъ, зеленымъ заборчикомъ тянулся желѣзнодорожный путь; далѣе подымались лѣсистые бугры. Во дворѣ, немного поодаль, подъ угломъ къ нашему дому стоялъ небольшой флигель; онъ отдавался въ наймы.

На желтомъ обрывѣ надъ домомъ росла кучка вѣковыхъ сосенъ; онѣ всегда шумѣли — тихо или громко, смотря по погодѣ. Лунными, а то и темными вечерами я не-

рѣдко прокрадывался на крыльцо и, весь замирая, глядѣлъ на необычную для меня картину. На холмахъ, облитыхъ блѣдно-синева-тымъ свѣтомъ луны, молчалъ очарованный лѣсъ. Надъ нимъ раскидывалось прозрачно-темное небо. Все казалось не то сномъ, не то сказкою; я видѣлъ себя въ волшебномъ краю; въ глубинѣ лѣса, - загадки, чудилось мнѣ, таится, сверкая и переливаясь какъ звѣзды, хрустальный замокъ; въ немъ творится что-то несказуемо дивное и неизвѣстное.

А надъ соннымъ дворомъ стоялъ чуть слышный, но властный шепотъ, — говорили сосны на обрывѣ. И мнѣ казалось, что это не деревья, а вставшіе во весь ростъ великаны осматриваютъ міръ, киваютъ головами и что-то сообщаютъ другъ другу.

Я убѣгалъ къ себѣ и, кутаясь въ одѣяло, силился угадать, что рассказываютъ сосны, что таится въ лѣсу, почему мерцаютъ звѣзды; засыпая, явственнo начиналъ слышать надъ изголовьемъ величаво-спокойный гулъ.

Въ темныя ночи, особенно, когда подымался хотя бы небольшой вѣтеръ, на дворѣ было страшно. Сосны сердились и ревѣли грозными голосами; лѣсъ за полотномъ дороги вторилъ и перекликался съ ними. И вдругъ изъ-за невидимыхъ холмовъ съ гуломъ и грохотомъ вылетало бѣшеное чудовище - поѣздъ, сверкало огненно-кровавыми глазами и, словно гонясь за жертвой, изрыгало пламя и искры и скрывалось за поворотомъ.

Тетя была слишкомъ погружена въ свое писательство, чтобы замѣтить мою излишнюю мечтательность.

Я пользовался полной свободой и уединяясь, жадно томъ за томомъ прочитывалъ всякія описанія путешествій и приключеній, отысканныя мною въ одномъ изъ шкафовъ, никогда не отворявшихся тетей.

Иногда по вечерамъ тетя рассказывала мнѣ легенды о подвигахъ древнихъ героевъ, преимущественно литовскихъ. Я слушалъ ее, весь охваченный интересомъ и дрожью.

Каждая улица, каждая площадь и камень въ неизвѣстной мнѣ Вильнѣ начали пріобрѣтать въ моихъ глазахъ совсѣмъ другой, полный таинственнаго значенія, обликъ. Я увидалъ въ нихъ безмолвныхъ свидѣтелей глубокой старины, созерцавшихъ и помнящихъ бесконечно много событій.

Страсть къ чтенію во мнѣ все усиливалась.

Вмѣстѣ съ нею росло желаніе и самому испытать что-нибудь похожее на то, что пережили мои герои. Не разъ, стоя на полотнѣ желѣзной дороги, я глядѣлъ на уходящія въ даль черныя линіи рельсовъ, на лѣсъ и холмы, провожавшіе ихъ со всѣхъ сторонъ, и желаніе побывать въ невѣдомыхъ краяхъ разгоралось во мнѣ.

Для начала я рѣшилъ изслѣдовать бугры противъ нашего дома, но прежде чѣмъ пуститься въ это странствованіе я сдѣлалъ себѣ лукъ и стрѣлы и напрактиковался въ стрѣльбѣ изъ него. Въ одинъ изъ знойныхъ полдней я забралъ свое оружіе и карманный ножикъ и взобрался на первый высокій холмъ за желѣзной дорогой.

Вершина его была заповѣдною чертой, за которую я не переступалъ еще ни разу и только жадно глядѣлъ съ нея на вздымавшіеся дальше песчаныя горы и густые лѣса.

Кругомъ было тихо. Развѣсистыя ели стояли неподвижно. Подъ ними царила тѣнь; ноги мои глубоко погружались въ мохъ.

Я спустился съ откоса, взобрался на новую крутизну и опять сошелъ внизъ.

Высокія, скругленные горки обступили меня со всѣхъ сторонъ. На бѣловатомъ, ровномъ, какъ скатерть, пескѣ не виднѣлось ни куста, ни травки, ничего, кромѣ камней да моихъ слѣдовъ.

Я воображалъ, что я первый открылъ тѣ мѣста, и радость, и гордость наполняли мое сердце. Оглядываясь и прислушиваясь, я направился дальше. Однако, идти по глубокому песку подъ горячими лучами солнца становилось трудно. Слѣва непрерывно тянулся лѣсъ; я свернулъ къ нему и скоро очутился подъ высокими соснами; по склонамъ горъ темнѣли кусты можжевельника. Лощина съуживалась и замѣтно понижалась.

Нѣтъ-нѣтъ, и вниманіе мое привлекали громадныя бурые камни, выступавшіе какъ утесы изъ моря, изъ окружавшаго ихъ песка. Я тщательно изслѣдовалъ каждый.

Мало-по-малу между мрачной зеленью можжевельника стали выглядывать веселые свѣтлыя листья ольхи. Дышать становилось легче. Навстрѣчу попался громадный развѣсистый вязъ; за нимъ еще и еще. Сосны исчезли.

Я вступилъ въ прохладный, полный густой тѣни, лиственный лѣсъ; скоро открылась полянка. По обѣ стороны ея подымались гущи орѣшника; въ глубинѣ его, изъ-подъ камней, оплетенныхъ корнями кряжистаго дуба, журча, выбивался родникъ; лента ручейка убѣгала въ чащу.

Я поспѣшилъ къ нему, припалъ на свѣжую траву и погрузилъ лицо въ холодную, кристальную воду. Вдругъ я услышалъ посвистываніе. Я поднялъ голову и увидалъ насмѣшливую фізіономію оборваннаго мальчишки.

Онъ сидѣлъ на камняхъ подъ дубомъ и, охвативъ поджатые босые ноги руками, вызывающе смотрѣлъ на меня.

— Попилъ? — спросилъ онъ, не мѣняя позы.

На загорѣломъ, пестромъ отъ веснушекъ, носатомъ лицѣ его стояло какое-то замысловатое выраженіе. Рыжеватые волосы выбивались гривой изъ-подъ замасленнаго картуза, сбитаго на затылокъ въ видѣ блина.

Я внимательно осмотрѣлъ мальчишку, опустилъ опять голову къ водѣ и, кончивъ пить, всталъ съ земли.

— А почему это ты не отвѣчаешь, когда съ тобой говорятъ, а?—спросилъ онъ, подымаясь въ свою очередь, и каріе, съ красными вѣками глаза его разгорѣлись.

Мальчишка значительно превосходилъ меня ростомъ и шириною плечъ.

— Потому, что когда пьютъ, тогда говорить нельзя!—отвѣтилъ я.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Лѣсъ осматриваю. А ты?

— Слушай!—рѣшительно произнесъ мальчишка, подступивъ ко мнѣ:—хочешь, я тебѣ сейчасъ морду разобью?

Предложеніе было странное.

— Нѣтъ! — возразилъ я. — Совсѣмъ не желаю!

— А не хочешь, такъ проваливай! Нечего тебѣ здѣсь дѣлать. Убирайся по добру по здорову!

— Развѣ это твой лѣсъ, что ты меня изъ него гонишь?

— Не мой, — а маршъ къ свиньямъ!

— Не твой, такъ ты и не командуй! — сдерживая волненіе, сказалъ я. — Я имѣю такое же право быть здѣсь, какъ и ты!

Мальчишка сжалъ кулаки и шагнулъ ближе.

— Берегись! — добавилъ я и направилъ на него лукъ.

Въ эту минуту слышался слабый пискъ и что-то хлопнуло въ кустахъ лѣвѣ насъ.

Готовый уже ринуться на меня врагъ мой разжалъ кулаки и стремглавъ бросился по направленію звуковъ. Я посмотрѣлъ туда же и увидѣлъ на вѣткѣ западню, въ которой билась попавшаяся птичка. Выждавъ немного, я вскинулъ свое оружіе на плечо и, несмотря на желаніе скрыться какъ можно скорѣе, медленно сталъ удаляться съ полянки.

— Эй? — донеслось мнѣ вслѣдъ. — Только явился еще разъ сюда, — такіе семафоры подъ глазами тебѣ поставлю, что поѣзда останавливать станешь!

— Посмотримъ! — крикнулъ я. — Еще у кого то они будутъ!

Въ отвѣтъ на это въ вѣтви надъ моей головой врѣзался камень, на меня посыпались сбитые листья.

За первымъ камнемъ послѣдовалъ второй.

— Плохо кидаешь! Поучись сперва! — Я засмѣялся насколько могъ громче и подъ градомъ камней, летѣвшихъ мимо меня, пошелъ своею дорогой.

Усталый, но гордый и довольный, полный разнообразных впечатлений, я вернулся домой передь самымъ обѣдомъ.

На нашемъ дворѣ стояло три воза съ мебелью и всякою всячиной. Около нихъ хлопотали еврей-извозчики и какія то женщины въ платкахъ. Изъ окна флигеля глядѣли два реалиста, приблизительно однихъ лѣтъ со мною.

Я съ любопытствомъ обозрѣлъ все и подошелъ къ Тадеушу, стоявшему у угла нашего дома.

Волосатая, какъ у обезьяны, руки его были въ карманахъ, въ зубахъ онъ держалъ трубку, желтые глаза ехидно смотрѣли на возъ съ кухонной обстановкой.

У ногъ Тадеуша сидѣлъ Брутъ, бѣлый съ коричневыми подпалинами, песъ его.

— Кто пріѣхалъ, Тадеушъ? — спросилъ я.

Онъ перевелъ взглядъ на меня, сплюнулъ, затыкнулъ раза два дымомъ и, наконецъ, отвѣтилъ: — жильцы!

— А реалисты эти тоже здѣсь жить будутъ?

— Здѣсь...

Тадеушъ усмѣхнулся и подмигнулъ мнѣ.

— Вмѣстѣ васъ пороть будутъ!

Я удивился.

— Какъ пороть? За что?

— Если васъ не пороть, такъ что же это и будетъ? На то Господь и березу растить!

— Господь въ порки не вмѣшивается! — возразилъ я. — Теперь и не порятъ никого!.. — И я отошелъ въ сторону.

Тадеушъ выпустилъ сквозъ усы густой дымъ и что то пробурчалъ подъ обрубленный носъ свой.

Глава II

Со вновь прибывшими реалистами я познакомился въ тотъ же день.

Старшаго, — стройнаго и красиваго четверо-классника съ румяными щеками, — звали Андреемъ. Въ карихъ глазахъ и тонкихъ губахъ его просвѣчивало что-то презрительно-снисходительное къ окружающимъ; проборъ въ каштановыхъ волосахъ его былъ сдѣланъ необычайно тщательно; вся фигура его свидѣтельствовала, что онъ превыше всего на землѣ.

Мнѣ онъ не понравился.

За то другой, оказавшійся моимъ одноклассникомъ и нахлѣбникомъ нашихъ жильцовъ, Богданъ Остапенко, коренастый и неуклюжій медвѣженокъ съ круглымъ лицомъ, украшеннымъ носомъ въ видѣ двойной картофелины и съ желтыми вихрастыми волосами, сразу расположилъ меня въ свою пользу.

Держался онъ солидно, но въ маленькихъ сѣрыхъ глазкахъ его свѣтилось столько юмора, что отъ взгляда на нихъ дѣлалось весело.

Я сошелся съ нимъ и, благодаря его рассказамъ, быстро ознакомился съ учителями, съ будущими товарищами и съ порядками въ моемъ новомъ училищѣ.

Андрей — фамилія его была Каштелянскій — рѣдко присоединялся къ нашимъ

бесѣдамъ, ведшимся обыкновенно гдѣ нибудь въ тѣни подъ заборомъ, или на скамѣ у воротъ. Чаше всего онъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, проходилъ мимо, окидывалъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ, изящно-небрежно притрагивался къ фуражкѣ и, напѣвая, отправлялся въ городъ.

Не разъ, въ порывѣ откровенности, я общалъ своему новому другу планы на будущее. Мнѣ хотѣлось стать путешественникомъ, повидать всѣ уголки міра, такъ упоительно заманчиво описанные въ книгахъ; я дошелъ даже до того, что предложилъ Остапенко немедленно бѣжать со мною.

— А тебя давно не пороли? — спросилъ онъ.

— Совсѣмъ никогда не пороли!

Я точно съ неба свалился.

— То-то и видно! А у моего батъки такой ремень есть, что послѣ него не только путешествовать—сѣсть не захочешь. Да и куда же бы мы побѣжали?

Но меня уже расхолодилъ тонъ его и я перевелъ разговоръ на мои изслѣдованія и открытія въ неизвѣстныхъ еще никому горахъ.

— Незвѣстныя горы?—повторилъ онъ—эти? — Онъ указалъ рукою на бѣлѣвшіе за дорогой высокіе холмы.

— Да.

Остапенко скосилъ глаза на меня, затѣмъ поднялъ ихъ къ небу и, не отвѣтивъ ничего, защемилъ себѣ кончикъ носа пальцами и началъ тереть его; это продѣлывалъ онъ всегда передъ тѣмъ какъ засмѣяться.

— Это подъ Вильной то?

— Да!

Остапенко фыркнулъ.

— Ну, да, неизвѣстныя — горячо возра-
зилъ я—туда никто не заходилъ; тамъ даже
слѣда нѣтъ ни одного!

— Да зачѣмъ туда заходить? песокъ что
ли распахивать? — отвѣтилъ Остапенко. — А
дальше, за горами за этими лежитъ боль-
шакъ на Ошмяны. А еще дальше Вилія те-
четъ!

— Мало ли что еще дальше! За всякими
неизвѣстными странами тоже лежатъ дороги
и рѣки!

Несмотря на недовѣріе, съ какимъ от-
несся Остапенко къ новымъ землямъ, онъ
все-таки вскорѣ отправился со мною взгля-
нуть на нихъ.

Мало по малу онъ увлекся этимъ не
меньше меня, и дни у насъ полетѣли весело
и незамѣтно. Врагъ мой,—оборванецъ маль-
чишка,—намъ не встрѣчался.

Подошелъ срокъ начала занятій.

Съ волненіемъ приблизился я въ первый
разъ къ старому и невзрачному зданію учи-
лища.

Со мной шли Остапенко и Каштелянскій.

Изъ закрытыхъ оконъ второго этажа
доносился гулъ, виднѣлись лица и мундиры
реалистовъ. Мы поднялись по лѣстницѣ и
Остапенко провелъ меня къ дежурному над-
зирателю.

По счастью я оказался записаннымъ въ
параллельное отдѣленіе, въ то же, гдѣ нахо-
дился и Остапенко. Вмѣстѣ мы отправились
въ классъ, и только отворили дверь, — меня
охватили духота, шумъ и говоръ. По сво-
бодному отъ партъ пространству сновали,
бѣгали и возились реалисты; всѣ кричали
и спорили.

Остапенку привѣтствовали взрывомъ криковъ; меня молча осматривали.

— Господа, это новый товарищъ нашъ!— во всю мочь заораль, указывая на меня, Остапенко. Я неловко поклонился и остановился у крайней парты, не зная, куда мнѣ садиться.

Остапенку окружила толпа и засыпала его разспросами.

Вдругъ возня и шумъ прекратились.

Я оглянулся и увидалъ входившаго длиннаго и тощаго, еще совсѣмъ молодого, бѣлокураго надзирателя съ пушистой бородкой и румянцемъ во всю щеку. Держался онъ величественно.

Фамилія его была Дунаевъ.

— Угломонитесь! — повелительно сказалъ онъ.—Гольдбахъ?

Съ передней парты торопливо всталъ высокій мальчикъ.

— Покажите мѣсто новичку, — добавилъ надзиратель.—И тише ведите себя!

Онъ повернулся и вышелъ.

Свободныя мѣста оказались, конечно, только на первой партѣ: въ нашемъ классѣ, какъ и вездѣ, любили укромныя уголки.

Рядомъ съ Гольдбахомъ—первымъ ученикомъ—помѣстился Остапенко; съ краю около него я.

Одинъ за другимъ стали появляться учителя; одни диктовали названія необходимыхъ учебниковъ, другіе говорили о сортахъ бумаги, карандашей, линеекъ и т. п. Занятій, собственно говоря, не начиналъ никто. Точно и учителямъ, какъ и намъ всѣмъ, неловко и трудно было послѣ долгаго отдыха сразу приняться за серьезный трудъ.

Въ перемѣну я вышелъ въ рекреационную залу; словно рой пчелъ жужжали и кишѣли въ ней мальчики; я постоялъ, посмотрѣлъ на величаво гулявшаго Дунаева и отправился обратно.

Со слѣдующаго дня начались настоящія занятія; я скоро освоился съ новыми товарищами и порядками, и ученье пошло обычной колеей.

На одной партѣ со мной сидѣлъ первый ученикъ, сдѣланный поэтому старшимъ въ классѣ, — Гольдбахъ. Съ непомѣрно узкими плечами, со впалою грудью, худой и вмѣстѣ съ тѣмъ очень высокій и словно развинченный, онъ не могъ пробыть ни минуты въ покоѣ и удивительно напоминалъ миногу. То онъ схватывалъ книгу, затыкалъ уши и усиленно начиналъ долбить урокъ, уже вызубренный имъ слово въ слово, то черезъ минуту вдругъ срывался со скамьи, безтолково метался по классу, по пяти разъ провѣряя, — на мѣстѣ ли мѣлъ для учителя, есть ли журналъ и т. п.

Первымъ головорѣзомъ у насъ считался Славцовъ; онъ и его послѣдователи засѣдали на заднихъ партахъ. Во время уроковъ оттуда летѣли въ доски жеванныя бумажки, иногда бумажныя стрѣлы; всякіе заговоры и шалости исходили оттуда же. Обитатели этого квартала говорить старались басами, отвѣчать выходили не иначе какъ съ ладонями, исписанными отвѣтами; нѣкоторые ухитрялись помѣщать на ногтяхъ пальцевъ цѣлыя задачи; другіе отправлялись «со шпаргалками» въ рукавахъ.

Если учитель спрашивалъ кого-нибудь изъ «галерки», какъ звали у насъ заднія парты, не требуя къ доскѣ, то слышалось

сперва схожее со змѣинымъ шипѣньемъ подсказыванье, а затѣмъ уже заикающійся, неувѣренный отвѣтъ вызваннаго. Если учитель при этомъ не ходилъ по классу, а оставался на каѳедрѣ, спрошенные отвѣчали бойко: къ спинѣ сидящаго впереди прислонялась книга, и вызванный отвѣчалъ, къ удивленію преподавателя, урокъ слово въ слово. Иногда отвѣтъ вдругъ прерывался кашлемъ; отвѣчающій прикрывалъ ротъ ладонью и раздавался раздраженный шепотъ: «да переверни же, чертъ!» Это означало, что сосѣдъ зазѣвался и забылъ перевернуть уже прочитанную страницу.

Классъ понемногу осваивался съ учителями, и шалости, а также чтеніе постороннихъ книгъ на урокахъ сдѣлалось занятіемъ обычнымъ.

Особенно увлекался этимъ я и съ жадностью поглощалъ, розысканныя мною у тети, сочиненія Сенкевича, Сырокомли. Мицкевича и другихъ писателей.

Ученье мое отъ этого, конечно, ухудшалось.

Несмотря на всѣ ухищренія Остапенко по части подсказыванія мнѣ, несмотря на всѣ посылаемыя имъ шпаргалки при вызовахъ къ доскѣ, — двойки все чаще и чаще стали пестрить мой бальникъ.

— «Эхъ, балда ты!» укоризненно говорилъ Остапенко, когда я, только что оторванный учителемъ отъ какого-нибудь упоительнаго романа Сенкевича и еще не придя въ себя, весь красный отъ волненія, опускался на свое мѣсто послѣ продолжительнаго и краснорѣчиваго молчанія у доски. «Я жъ тебѣ подсказывалъ; что у тебя уши, что ли, собаки съѣли?!»

Онъ внимательно принимался слѣдить за рукою учителя.

— «Эхва! Опять колъ!» вполголоса восклицалъ Остапенко и моталъ вихрастою головою.

Подсказы пріятеля я слышалъ явственно, но мгновенное и неожиданное перенесеніе изъ польскихъ лѣсовъ, изъ среды Володыевскихъ и Скшетусскихъ въ желтую комнату предъ пронизательный взоръ учителя такъ дѣйствовало на меня, что я на время какъ бы лишился языка.

Г л а в а III

Наступила зима; все одѣлось бѣлымъ уборомъ; лѣсъ превратился во что-то волшебное.

Въ лунныя ночи онъ—весь синевато-серебряный — зачаровывалъ меня красотой и таинственнымъ безмолвіемъ.

Проникнуть въ него я желалъ болѣе прежняго, но послѣ двухъ-трехъ попытокъ отказался отъ своей затѣи: метели нанесли столько снѣгу, что мѣстами сугробы доходили мнѣ до пояса; въ лощинахъ же между горами можно было увязнуть съ головою.

Не имѣя возможности бродить по лѣсу, я принялся читать еще больше.

Тетя стала замѣчать, что мои отмѣтки дѣлаются все хуже и хуже. Она допытывалась у меня о причинѣ этого, спрашивала, понимаю-ли я заданное, не утомляетъ ли меня хожденіе въ училище, здоровъ ли я и т. п.

Я отвѣчалъ, что здоровъ и уроки понимаю.

— Почему же у тебя столько двоекъ?

Я смущался и на этотъ вопросъ не давалъ отвѣта.

Тетя начала внимательнѣе слѣдить за мной и вскорѣ узнала причину моихъ неуспѣховъ.

Однажды, когда я открылъ ранецъ, чтобъ достать тетрадь съ отмѣтками, среди учебниковъ ей бросился въ глаза хорошо знакомый синій корешокъ съ золотымъ тисненіемъ.

— Сенкевичъ? — съ удивленіемъ спросила она. — Это у тебя учебная книга?

Я весь вспыхнулъ.

Тетя вынула изъ ранца романъ и положила его на письменный столъ.

— Я очень рада, что ты любознательный мальчикъ,—начала она, поглядѣвъ на меня.— Но я надѣюсь, что съ сегодняшняго дня ты больше начнешь отдавать времени ученью, чѣмъ это дѣлалъ до сихъ поръ. Не такъ-ли?

— Да!... — проговорилъ я.

— И если ты дашь слово, что будешь читать только въ дѣйствительно свободное время, — тетя подчеркнула слово дѣйствительно, — я оставлю книги въ твоёмъ распоряженіи. Или, можетъ быть, тебѣ это не по силамъ и лучше нанять репетитора?

— Нѣтъ, по силамъ! — воскликнулъ я, задѣтый за живое. — Я буду учиться, тетя, и не стану читать, пока не приготовлю уроковъ!

— Хорошо.. посмотримъ!

И тетя отпустила меня.

Разговоръ этотъ отрезвилъ меня.

Несмотря на все нетерпѣніе докончить въ тотъ же вечеръ полный интереса романъ, я принялся сперва за уроки и терпѣливо сталъ учить ихъ. Тутъ я замѣтилъ, какъ много мною пропущено и какъ трудно учить середину предмета, не зная начала его.

Я откровенно сознался въ этомъ тетѣ и, съ ея разрѣшенія, предложилъ Остапенкѣ приходить заниматься со мною.

Онъ учился не блестяще, но толково и основательно; хромали у него только языки.

По вечерамъ у меня зажигалась стоячая лампа съ зеленымъ абажуромъ и теплая уютная комната съ двумя турецкими диванами у стѣнъ и письменнымъ столомъ принимала еще болѣе уютный видъ.

Остапенко сидитъ, бывало, рядомъ со мной, склонившись надъ книгой; въ единственное, полузатянутое ледяными узорами окно глядитъ темная, морозная ночь. Я оглядываюсь. Мягкій диванъ манитъ къ себѣ; хорошо было бы забраться на него съ ногами поближе къ бѣлой кафельной печкѣ. И я дѣлаю перерывъ, вскакиваю на диванъ и свертываюсь какъ котъ, въ клубокъ. Остапенко располагается на другомъ, и у насъ начинаются бесѣды.

Я подробно рассказываю ему про любимыхъ героевъ моихъ и про ихъ подвиги; онъ слушаетъ внимательно; я вижу, что повѣствованіе мое увлекаетъ его, и это придаетъ горячность и краски моему языку.

Наконецъ Остапенко вспоминаетъ, что къ завтрашнему дню не все еще приготовлено, и мы опять принимаемся за учебники.

Однажды утромъ мы съ Остапенко явились въ гимназію позднѣе обыкновеннаго и застали весь классъ въ волненіи.

Никто не смѣялся и не возился; между партами совѣщались кучки; всѣ были озабочены. Оказалось, что одного изъ нашихъ гимназистовъ поколотили на улицѣ.

Виновникъ торжества, какъ называлъ его Остапенко, — невзрачный и рябой послѣ-

дователь Славцова, весь пунцовый отъ потасовки, — чуть не въ двадцатый разъ повѣствовалъ о случившемся.

— Бить гимназистовъ! — крикнулъ на весь классъ Славцовъ, ударяя кулакомъ по партѣ.

Въ эту минуту вошелъ учитель русскаго языка, Котловцовъ; всѣ стихли и встали.

Гольдбахъ пробормоталъ молитву; онъ ее начиналъ всегда внятно и медленно, съ намѣреніемъ такъ же истово дойти до конца, но уже съ половины пускался въ карьеръ и лопоталъ съ такой быстротой, что казалось, что онъ не говоритъ, а мотаетъ колокольчикомъ.

Котловцовъ былъ изъ семинаристовъ. Большеротое, всегда раздраженное лицо его съ рѣдко разставленными зубами и маленькими, посверкивавшими глазками, украшала всегда растрепанная и изжеванная борода, которую онъ имѣлъ обыкновеніе въ минуты вниманія записывать себѣ въ ротъ.

Ноги у него были тоненькія, какъ макароны и какъ бы подламывались подъ нимъ на ходу, отчего казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ пустится въ плясъ.

Переспросовъ онъ не терпѣлъ и всегда сердился, если его просили повторить что либо.

Мы сѣли.

Котловцовъ заявилъ, что будетъ диктантъ и велѣлъ приготовить тетради. Кругомъ задвигались, зашуршали бумагой, вынимали ручки, затѣмъ наступила тишина.

Гольдбахъ, ревниво относившійся къ своимъ трудамъ, сѣлъ такъ, чтобы лѣвое

плечо его мѣшало Остапенкѣ заглядывать въ тетрадь къ нему.

Остапенко, будто нечаянно, ткнул его локтемъ въ бокъ. Гольдбахъ чуть не вскрикнулъ и вполголоса принялся браниться.

— А ты сиди прямо! — внушительно заявилъ Остапенко. — Чего тебя скрючило? Мнѣ неудобно, — я тебя всегда толкать буду!

Гольдбахъ слегка измѣнилъ позу; диктантъ начался.

Растягивая фразы, Котловцовъ ходилъ между партами, слѣдя, чтобы не списывали.

Остапенко косилъ глаза, насколько возможно, но угловатое плечо Гольдбаха опять закрыло отъ него тетрадь. Тогда Остапенко полѣзъ будто бы за платкомъ въ карманъ и на обратномъ пути далъ такого тумака въ ребра Гольдбаху, что тотъ чуть не слетѣлъ отъ испуга съ лавки.

— Съ ума сошелъ? — запипѣлъ онъ, обращиваясь къ Остапенко.

— Я жъ тебя предупреждалъ!.. — отвѣтилъ невозмутимо тотъ, не глядя на него.

— Гольдбахъ, молчать! — крикнулъ Котловцовъ. — Не спрашивайте ничего у Остапенки!

— Я не спрашиваю! — возбужденно отвѣтилъ Гольдбахъ, сорвался съ мѣста и опять сѣлъ, на этотъ разъ уже прямо.

Онъ сфискалилъ бы на Остапенко, но страхъ передъ дружной расправой товарищей не позволялъ сдѣлать это. Отъ безсильной злости на глазахъ у него блеснули слезы. Фискальство у насъ преслѣдовалось сурово.

Урокъ продолжался; плечо Гольдбаха мало по малу снова начало оберегать тетрадь отъ взоровъ сосѣда.

— Опять ты?! — внимательно глядя въ свою тетрадь, прошепталъ Остапенко.

Гольдбахъ поднялъ на него разсерженное до нельзя лицо; онъ весь кипѣлъ и дергался.

— Что вамъ угодно? Что вы пристаєте ко мнѣ?

— Гольдбахъ, не списывать! Опять вы къ Остапенкѣ въ тетрадь смотрите?

— Да я...

— Молчать! Я вамъ сбавлю баллъ, если вы хоть разъ еще спросите его о чемъ-нибудь!

Остапенко весь трясся отъ беззвучнаго смѣха и уже безпрепятственно «сдулъ» диктантъ у сварливаго сосѣда.

Послѣ урока всѣ мы разсыпались по рекреационному залу, сообщая незнавшимъ еще новость объ оскорбленіи нашего училища.

На бурномъ совѣщаніи нѣсколькихъ классовъ рѣшили немедленно начать мстить этимъ давнишнимъ врагамъ нашимъ; по окончаніи уроковъ мы, какъ обыкновенно, шумной гурьбой высыпали на улицу.

По противоположной сторонѣ шла кучка гимназистовъ.

Среди нашихъ раздался свистъ и улюлюканье.

Враги, видя наше численное превосходство, молча и поспѣшно уходили; въ нихъ полетѣли снѣжки; одному тугой снѣжный комокъ залѣпилъ ухо; шапка съ него скатилась.

Наши привѣтствовали удачный ударъ смѣхомъ.

— Всѣхъ васъ будемъ бить! — послышались голоса. — Покажитесь только намъ!

Гимназистъ подобралъ свою фуражку, погрозилъ кулакомъ и кучка ихъ скрылась за поворотомъ.

Война была оффиціально начата и объявлена.

— Ну, братъ, кому, кому, а намъ съ тобою влетить! — замѣтилъ Остапенко, удаляясь со мною отъ мѣста стычки.

— Почему? — спросилъ я. — Какимъ образомъ?

— Безъ образа: въ Поплавахъ на нашей дорогѣ противъ монастыря пять человѣкъ гимназистовъ живетъ! — Остапенко былъ правъ: обойти этотъ вражескій дворъ было невозможно, такъ какъ переулокъ, по обѣ стороны котораго тянулись ряды непрерывныхъ высокихъ частоколовъ, являлся единственнымъ путемъ сообщенія съ городомъ. Имѣлась, правда, возможность пробраться въ училище по полотну желѣзной дороги, но этотъ путь былъ кружный и дальній.

Въ истинѣ словъ Остапенки скоро мнѣ пришлось убѣдиться на дѣлѣ.

Глава IV

На слѣдующее утро мы съ Остапенкой запаслись палками и вышли за ворота.

Переулокъ безлюдствовалъ, какъ всегда. На извилинахъ его мы осторожно выглядывали изъ угловъ и, убѣдившись, что опасности нѣтъ, шли дальше.

Наконецъ заборы кончились; забѣлѣла покрытая снѣгомъ площадка; лѣвѣе подымалась гора, обнесенная по гребню стѣнами древняго монастыря.

— Взгляни! — вдругъ сказалъ Остапенко, останавливая меня.

Я посмотрѣлъ впередъ и увидаль у самой нашей дороги точно чудомъ выросшую, зубчатую снѣговую крѣпость; задней стѣной ей служилъ отвѣсъ горы. Оледенѣвшія отъ поливки водою толстыя стѣны ея сверкали въ яркихъ лучахъ солнца.

Мы притаились.

Крѣпость безмолвствовала.

— Есть тамъ кто или нѣтъ, какъ ты полагаешь? — шепотомъ спросилъ я.

— Есть...

Остапенко не сводилъ глазъ съ бойницъ.

— Видишь, вонъ чернѣетъ что-то... За-сада тамъ!..

Возвращаться и идти другимъ путемъ не оставалось времени; необходимо было прорваться силой.

Мы подтянули потуже ранцы, скатали по парѣ снѣжковъ и бѣгомъ бросились мимо крѣпости.

Въ бойницахъ показались лица. Остапенко швырнулъ съ размаха свой комокъ и угодилъ кому-то въ носъ. Въ крѣпости загремѣло «ура», въ насъ полетѣли такіе же снаряды; нѣсколько заледенѣвшихъ глыбъ обрушилось на наши шеи и спины. Враги съ крикомъ высыпали въ погоню, но, увидавъ въ нашихъ рукахъ палки, остановились и безуспѣшно принялись осыпать насъ снѣжками.

Мы отвѣтили нѣсколькими доволь-но мѣткими посылками и, торжествуя,

скрылись за угломъ монастырской стѣны. Въ кустахъ мы спрятали палки и быстро направились къ училищу.

Во всѣхъ классахъ, даже въ старшихъ, только и толковали, что о многочисленныхъ стычкахъ съ гимназистами; рассказъ о нашемъ сраженіи подлилъ масла въ огонь.

Во время большой перемѣны я сталъ въ углу у окна рекреационнаго зала и занялся бутербродами.

Кругомъ шумѣли и разговаривали.

Не кончилъ я своего завтрака и на половину, — откуда-то съ хохотомъ и крикомъ вылетѣлъ, весь измазанный въ паркетной мастикѣ Славцовъ и набросился на одного изъ моихъ сосѣдей. Тотъ съ силой ударился объ мое плечо; я не удержался и покатился на полъ; на меня упало нѣсколько человѣкъ.

— Куча мала! Вали, вали, братцы! — изступленно вопилъ Славцовъ, толкая кого попало на насъ, и валясь затѣмъ въ азартѣ на верхушку груди.

Я выбивался изо всѣхъ силъ, но это не помогало.

Вдругъ все кругомъ стихло, и я почувствовалъ себя на свободѣ; давившая меня куча исчезла, какъ по мановенію волшебника.

Я поднялся, едва переводя духъ, и увидалъ надъ собою бѣло-розовое лицо Дунаева.

— Очень хорошо, — протянулъ онъ: — весело вы время проводите! Срамники! — перешелъ онъ на жесткій тонъ. — Извольте остаться послѣ уроковъ на два часа сегодня! Подберите свою булку!

И онъ закинулъ назадъ голову; борода его выставилась впередъ и онъ, вывертывая ноги, величаво поплылъ дальше.

Отъ неожиданнаго и несправедливаго наказанія на глазахъ у меня вскипѣли слезы негодованія.

— Да ты попроси его потомъ, онъ простить! — сочувственно заговорили кругомъ товарищи, но я былъ слишкомъ оскорбленъ для того, чтобъ идти объясняться и направился по корридору.

Навстрѣчу мнѣ попался Остапенко; я рассказалъ ему, что случилось.

— Э-эхъ! — проговорилъ Остапенко, выслушавъ меня. — Какъ же теперь быть? Одинъ ты пойдешь, — вздуютъ тебя у крѣпости!

— Да вѣдь и ты одинъ пойдешь?

— Я — я раньше уйду! — недовольно возразилъ Остапенко. — По полотну отправлюсь... Или подождать тебя?

— Нѣтъ! — поспѣшно возразилъ я. — Зачѣмъ это? — Я и одинъ проберусь!..

— Да чего одинъ!.. Коли боишься, скажи, — вмѣстѣ пойдемъ!

Слово «б о и ш ь с я» задѣло меня; я отказался наотрѣзъ отъ услугъ пріятеля и со сквернымъ чувствомъ въ душѣ сталъ достигать уроки.

Послѣдній звонокъ возвѣстилъ окончаніе ихъ.

Большинство товарищей уложило книги еще заранѣе; всѣ шумно повскакали съ партъ и бросились къ выходу; только нѣсколько человѣкъ закопались съ уборкою учебниковъ, но и они скоро исчезли.

Я сидѣлъ недвижно на своемъ мѣстѣ и молча слѣдилъ, какъ пустѣлъ классъ.

Необычайная тишина охватила меня; въ корридорѣ нѣтъ-нѣтъ и слышались быстрые шаги запоздавшихъ; наконецъ и они стихли.

Зданіе словно вымерло. Безмолвіе начало давить меня. Чтобъ убить время, я всталъ и принялся прохаживаться; обѣ, стоявшія на треногахъ, доски были исчерчены какими-то замысловатыми рисунками и страшными рожами; я стеръ ихъ, взялъ мѣлъ и началъ рисовать, но ничего не выходило. Тогда я положилъ мѣлъ, отворилъ дверь, на ципочкахъ вышелъ въ пустынный корридоръ, прислушался и, заглядывая во всѣ двери, тихо какъ воръ, сталъ пробираться дальше.

На перекресткѣ я снова остановился.

— Куда? — проговорилъ вдругъ за спиной у меня грубый голосъ.

Я вздрогнулъ и оглянулся.

Въ углубленіи около теплой печки, откинувшись къ стѣнкѣ, сидѣлъ на табуретѣ бородатый сторожъ, звонившій у насъ перемѣны; онъ зорко глядѣлъ на меня бѣлѣвшими въ полумракѣ глазами.

— Да такъ... гуляю... — отвѣтилъ я.

— А нешто гулять полагается? — про-нически возразилъ онъ. — Коли оставили, такъ по положенію въ классѣ и сидѣть должны. Или не знаете?

Онъ всталъ.

Я заложилъ руки за спину и молча отправился назадъ.

Сторожъ, тяжело ступая и что-то ворча послѣдовалъ за мною. Войдя въ свое отдѣленіе, я усѣлся на окно и услыхалъ, какъ онъ подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

Я почувствовалъ себя, какъ въ тюрьмѣ: стало тоскливо и горько. Читать было не-

чего; учить уроки былъ не въ состояніи; время тянулось нескончаемо.

Стало смеркаться. Классъ нашъ выходилъ на дворъ; въ окнахъ противоположныхъ зданій зажигались огни.

Самыя черныя мысли шли мнѣ въ голову: послѣ того, что произошло, казалось мнѣ, я уже не могъ оставаться въ училищѣ, но какъ освободиться, куда уйти, что дѣлать?

Я припалъ лицомъ къ холодному стеклу и безцѣльно глядѣлъ на занесенный снѣгомъ пустынный дворъ.

Мало-по-малу въ меня стало закрадываться безпокойство: не забыли-ли обо мнѣ? Перспектива ночевки одному въ пустомъ и уже погрузившемся во тьму зданіи устрашила меня. Я вскочилъ, хотѣлъ закричать и броситься къ двери, но переломилъ охватившее меня волненіе, рѣшилъ ждать, и сѣлъ опять на подоконникъ.

Прошло еще немного времени, — послышались шаги Тимофеича — сторожа — и звяканье ключей; онъ отворилъ дверь и объявилъ, что я свободенъ.

Ряды пустыхъ вѣшалокъ въ едва освѣщенной швейцарской казались скелетами; я надѣлъ шинель и вышелъ изъ подъѣзда.

Горѣли фонари; улица представлялась безконечной аллеей огоньковъ; я оглядѣлъ ее и направился къ дому.

Новая забота, — какъ избѣжать враговъ на пути — стала охватывать меня по мѣрѣ приближенія къ Поплавской улицѣ. Въ отдаленіи смутно начали вырисовываться очертанія церкви и стѣнъ монастыря. Улица спускалась подъ гору. Я отыскалъ въ кустахъ свою палку и вступилъ на площадь.

Впереди, направляясь къ переулку, торопливо шла какая-то темная фигурка; я взглянулъся въ нее и убѣдился, что то была дѣвочка; на пустырь не виднѣлось больше ни души.

Я ускорилъ шаги; дѣвочка оглянулась на меня и побѣжала. Только что она скрылась за крѣпостью, до меня долетѣлъ испуганный визгъ; въ тотъ же мигъ показалась и она сама, во всю прыть мчавшаяся обратно.

За нею, швыряя въ нее снѣжками и крича, гналось трое сѣрыхъ тѣней.

Я пришелъ въ азартъ. Съ размаху ударилъ я первую изъ нихъ палкою по рукѣ и сшибъ съ ногъ вторую. Не ожидавшіе нападенія мальчишки кинулись въ рассыпную; несмотря на темноту, я видѣлъ, что то были тимназисты.

Дѣвочка стояла поодаль и плакала. Я подозвалъ ее и, взявъ за руку, быстро, пока враги еще не пришли въ себя, миновалъ съ нею ихъ дворъ и скрылся въ нашемъ темномъ, не освѣщавшимся ни единымъ фонаремъ, переулкѣ. Преслѣдованія тамъ опасаться было уже нечего.

— Гдѣ ты живешь? — спросилъ я свою спутницу.

— А тамъ...

Она указала на свѣтившееся неподалеку окно лачужки, лѣпившейся высоко на обрывѣ, близъ яркихъ звѣздъ, усыпавшихъ небо.

— Мнѣ сюда надо... Прощай!

По голосу ея я слышалъ, что дѣвочка ободрилась и довѣрчиво относится ко мнѣ.

— Не боишься одна идти?

— Нѣтъ.

— Ну, когда такъ,—прощай!

Мы разошлись, — она налѣво, я прямо.

— А какъ тебя зовутъ, — крикнулъ я вслѣдъ ей и остановился.

Изъ темноты слышался серебристый смѣхъ.

— Юзей зовутъ! — звонко донеслось до меня.—А ты пани Окушко племянникъ!

— Почему ты знаешь?—удивился я.

Невидимая собесѣдница моя снова за-смѣялась.

— Знаю!

И я услыхалъ скрипъ снѣга; она побѣжала, напѣвая пѣсенку.

До дома я добрался благополучно.

Глава V

На слѣдующее утро мы съ Остапенкой отправились въ училище по шпаламъ. Каштелянскій уже давно предпочелъ этотъ длинный путь болѣе опасному.

Обратно мы вернулись втроемъ тою же дорогой.

Каштелянскій шелъ недовольный; ему вообще крайне не нравилась заварившаяся кутерьма, изъ за которой ему пришлось отказаться отъ излюбленныхъ прогулокъ по Большой улицѣ.

Мы съ Остапенкой оживленно разговаривали; я доказывалъ ему, что необходимо разрушить крѣпость враговъ и навести страхъ на нихъ частыми нападеніями; инсго средства къ самозащитѣ я не видѣлъ. Остапенко оспаривалъ меня, затѣмъ согласился. На приглашеніе наше принять участіе въ этомъ дѣлѣ Каштелянскій отказался.

— Я на улицахъ не дерусь!—процѣдилъ онъ, едва разжимая зубы. — Вамъ нравится ходить въ синякахъ,—вы и сражайтесь!

— Желаю, чтобъ тебя поскорѣе поколотили; мы и одни обойдемся!—отвѣтилъ Остапенко и обратился опять ко мнѣ.

Уроковъ въ тотъ вечеръ, конечно, мы не учили, было не до нихъ.

Часовъ около десяти вечера мы захватили двѣ лопаты и тихо выбрались за ворота.

Глаза ничего не различали. Немного погодя, благодаря снѣгу и слабому свѣту звѣздъ, мы разобрали очертанія частокола и двинулись дальше.

Тишина стояла торжественная; только хрустѣнье снѣга подъ нашими ногами нарушало ее; небо казалось необъятнымъ куполомъ.

Я чувствовалъ себя героемъ—воиномъ, прокрадывающимся ночью въ непріятельскій станъ; было жутко и хорошо. Остапенко, вѣроятно, испытывалъ то же самое; еще задолго до послѣдняго поворота онъ вдругъ поднялся безъ всякой надобности на ципочки и, погрозивъ мнѣ, сталъ, крадучись, пробираться впередъ.

Ворота и калитка вражескаго стана, гдѣ обитали гимназисты, оказались закрытыми; мы прижались къ забору и долго прислушивались,—нѣтъ ли кого во дворѣ; оттуда не доносилось ни звука.

Мы перебѣжали къ крѣпости. Она высилась мрачная и пустынная.

Я и Остапенко скрылись въ ней, и желѣзные лопаты наши, скрипя, врѣзались въ ея твердыя стѣны.

Работать было трудно, но я крушилъ свою стѣну, не щадя рукъ; Остапенко производилъ то же позади меня. Нѣтъ, нѣтъ, и снѣговья глыбы шуршали и глухо рушились подъ его ударами; одна стѣна подавалась ту же. Наконецъ, я подкопалъ ее по всей длинѣ; она осѣла и вдругъ тяжело повалилась во внутрь; я едва успѣлъ отскочить, она ухнула о площадку и разбилась на куски.

Я вытеръ потъ съ лица, и вонзилъ желѣзо въ послѣднюю часть твердыни.

Остапенко громилъ ее, отсѣкая сверху огромные куски.

— Кто тутъ?—произнесъ вдругъ чей-то голосъ, и въ проломѣ стѣны показалась голова въ темной высокой шапкѣ.

Я вздрогнулъ; словно по командѣ мы прекратили работу.

— Мы!—отвѣтилъ, оправившись черезъ мигъ, Остапенко.

— Что вы дѣлаете? Зачѣмъ ломаете крѣпость?

— Хотимъ и ломаемъ!—возразилъ Остапенко.—Вамъ что отъ насъ надо?

— Ничего!—отвѣтилъ незнакомецъ. Онъ усмѣхнулся. — Мнѣ показалось, здѣсь ни вѣсть что творится!

Испугавшая насъ голова скрылась; неизвѣстный пошелъ своею дорогой.

Мы перевели духъ и набросились на остатки стѣны; скоро послѣдній уголъ, имѣвшій видъ башни, тяжело повалился на дорогу: вражья крѣпость лежала въ развалинахъ!

Прямо передъ нами за частоколомъ свѣтились окна домика, гдѣ жили гимназисты. Я внимательно посмотрѣлъ на каждое изъ нихъ, но сквозь опущенныя бѣ-

лая шторы ничего видно не было: за ними изрѣдка мелькали тѣни людей.

— Смотри?.. — прошепталъ Остапенко, указывая на дверь дома.

Мнѣ почудилось, что она отворяется.

И вдругъ безотчетный страхъ овладѣлъ нами; прыгая черезъ груды снѣга мы стремглавъ бросились на дорогу и помчались по переулку. Страхъ, какъ налетѣлъ, такъ же мгновенно смѣнился неописуемымъ весельемъ; мы кричали, смѣялись и радостные, довольные, достигли своихъ воротъ и разошлись по домамъ.

Глава VI

Утромъ я и Остапенко несмотря на желаніе, не рискнули идти вдвоемъ мимо развалинъ крѣпости.

Нападеніе на враговъ мы отложили до слѣдующаго дня—воскресенья, и рѣшили въ этотъ день призвать къ себѣ на помощь трехъ товарищей изъ училища.

Каштелянскій, узнавъ о нашей ночной продѣлкѣ, обезпокоился; лицо его даже поблѣднѣло.

Въ училище онъ отправился вмѣстѣ съ нами и, несмотря на то, что мы шли по полотну желѣзной дороги, поминутно оглядывался и все ожидалъ чего-то.

Дорога пролежала въ глубокой выемкѣ; по бокамъ подымались высокіе откосы; справа по гребню горы тянулись заборы; слѣва шли холмы; виднѣлись лѣса, кладбище и выходящая съ горы на гору дорога къ нему.

Мы подходили уже къ мосту. Миновавъ его, надо было своротить вправо и спуститься на Остробрамскую улицу.

Только что мы вступили подъ желѣзные своды, гулко грянули крики и изъ-за каменныхъ быковъ высыпали гимназисты.

Чувствовавшій себя уже въ безопасности и потому развязно ушедшій впередъ, Каштелянскій присѣлъ и въ ужасѣ безпомощно замахалъ руками.

По немъ замолотили кулаки.

Напавшихъ было пять человекъ; я узналъ въ нихъ тѣхъ, чью крѣпость мы разрушили наканунѣ; бѣжать было поздно.

Мы отвѣтили съ Остапенкой дружнымъ «ура» и кинулись впередъ.

Я съ яростью сыпалъ удары, не чувствуя боли отъ получаемыхъ и ощущая лишь глухую барабанную дробь по головѣ и по всему тѣлу.

— Канава сзади, — крикнулъ я Остапенкѣ, видя, что его тѣснятъ враги: — упадешь, смотри!

Но и самъ я отступалъ. Тяжелое пальто и ранецъ мѣшали свободно владѣть руками; я задыхался.

Еще немного, и я оступился бы въ глубокой ровъ со снѣгомъ и вполнѣ очутился бы во власти нападавшихъ.

— Бей синюю говядину! — неожиданно раздалось съ верхней дороги, и съ откоса кубаремъ слетѣлъ какой-то парень и кинулся мнѣ на помощь.

Въ одну секунду оба моихъ противника барахтались по поясъ въ снѣгу, въ канавѣ. Я поспѣшилъ къ Остапенкѣ, но его враги, завидѣвъ подмогу, уже удирали, уто-

пая въ снѣгу и цапаясь по откосамъ какъ зайцы.

Побѣда наша была полная.

Каштелянскій въ пылу гнѣва и удали, пробудившихся въ немъ съ минуты бѣгства гимназистовъ, носился по краю канавы и кричалъ, грозя кулаками имъ въ вслѣдъ.

Тутъ только взглядылся я въ нашего союзника и съ удивленіемъ узналъ въ немъ мальчишку, такъ негостепріимно встрѣтившаго меня лѣтомъ въ лѣсу. Потертая круглая мѣховая шапка сильно измѣнила лицо его; на плечахъ болталось старое драповое пальтишко.

— Спасибо тебѣ! — сказалъ я ему.

— Всыпали бы намъ, кабы не ты! — заявилъ Остапенко. — Ну, мы тебѣ, — придетъ нужда, — тѣмъ же отплатимъ! Какъ тебя звать?

— Яномъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Приходи къ намъ! — пригласилъ я его. — вмѣстѣ играть будемъ. Вѣдь ты знаешь, гдѣ мы живемъ?

Раскраснѣвшееся, некрасивое лицо его освѣтилось улыбкой.

— Знаю... — отвѣтилъ онъ. — У Окушко въ домѣ!

— Ну, вотъ. Ты и приходи къ намъ. Мы рассказываемъ много другъ другу; я тебѣ разныя вещи покажу!

— Ладно... — Онъ опять улыбнулся. — Ну, прощайте, мнѣ идти пора!

И онъ быстро пошелъ прочь отъ насъ.

У стрѣлки Янъ остановился и оглянулся.

— Я потому за тебя вступился, что ты Юзкѣ помогъ! — крикнулъ онъ намъ. — Сестра она мнѣ!

И онъ пошелъ дальше.

Возбужденные и веселые, явились мы въ училище.

По странной игрѣ судьбы изъ насъ троихъ одинъ только Каштелянскій, такъ ревниво оберегавшій свою наружность, предсталъ предъ товарищами съ припухшей губой и синякомъ подъ глазомъ. Для меня и Остапенки битва обошлась благополучно.

Состояніе классовъ, когда мы вошли въ корридоръ, можно было сравнить лишь съ озеромъ въ бурю.

Оказалось, война кипѣла во всю; въ разныхъ мѣстахъ города происходили битвы.

Нашъ классъ неистовствовалъ, такъ какъ побитыхъ въ немъ оказалось болѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Основательнѣе всѣхъ отдѣляли Гольдбаха.

Я переступилъ порогъ и чуть не оглохъ отъ шума и хаоса. Дунаевъ носился изъ отдѣленія въ отдѣленіе, умиряя всѣхъ, но едва дверь затворялась за нимъ, какъ крики возобновлялись съ новою силой.

— Господа, — давайте отказываться отъ уроковъ! — провозгласилъ Славцовъ, вскочивъ на парту. — Вчера никто не могъ учить ничего!

— Вѣрно! Отказываться! — съ восторженнымъ ревомъ подхватили ближайшіе.

Кое-кто запротестовалъ, но къ нимъ обратились угрожающія лица, и тѣ замолчали.

«Бить зубрилъ!» — раздались крики.

«Кто отвѣчать станетъ — бить!»

Первый урокъ былъ батюшки. Его «заговорили».

Дѣлалось это очень просто.

Къ словоохотливому и добродушному батюшкѣ обращались съ какимъ-нибудь вопро-

сомъ, и онъ, если интересовывался, закрывалъ журналъ и пускался въ объясненія.

Вторымъ ожидался Котловцовъ.

«Господа!» слышались мнѣнія во время перемѣны: «онъ злопамятный, ему отказываться опасно, давайте лучше просить диктовку устроить!»

Благоразумный совѣтъ одержалъ верхъ.

Звонокъ возвѣстилъ окончаніе перемѣны. Всѣ усѣлись по партамъ.

Котловцовъ не показывался.

Наконецъ дверь распахнулась, и появился учитель: всѣ чинно встали.

— Садитесь, садитесь!.. — проговорилъ онъ, проходя къ каѳедрѣ.

Въ классѣ воцарилась необычайная тишина.

Котловцовъ усѣлся на стулъ и, раскрывъ журналъ, выискивалъ, кого вызвать.

— Иванъ Семеновичъ?.. — раздался несмѣлый голосъ; всѣ разомъ оглянулись.

Говорилъ избранный классомъ извѣстный тихоня и скромникъ, добродушный Потаповъ. Щеки его алѣли, какъ маковъ цвѣтъ.

Котловцовъ поднялъ лицо.

— А?

— Нельзя-ли устроить диктантъ? Мы всѣ просимъ васъ объ этомъ.

— Диктантъ? Почему?

— Слабы мы въ немъ!.. — поддержали Потапова со всѣхъ сторонъ. — Пожалуйста! Намъ стыдно, что мы такъ плохо пишемъ!..

Котловцовъ умилился; его всегда трогало, когда мы становились умными и такъ покорно высказывали желаніе работать и учиться.

— Ну, хорошо! — открывъ отъ довольной улыбки всю свою страшенную пасть, проговорилъ онъ. — Берите тетради...

Камень свалился съ плечъ увсѣхъ; большинство облегченно вздохнуло.

Диктантъ начался и кончился благополучно.

Слѣдующій урокъ, — исторія, — былъ не опасенъ: происходило разъясненіе какихъ то древнихъ событій.

— Господа, а вѣдь послѣ большой перемѣны нѣмецъ будетъ! — крикнулъ голосъ когда историкъ вышелъ изъ класса. — Неужели откажемся?

Точный, какъ хронометръ, ставившій всякое лыко въ строку, Фильдингъ былъ страшнѣе всѣхъ для насъ, — отвлечь его отъ разъ задуманнаго не могли никакія силы; онъ обладалъ къ тому же еще скверной привычкой жаловаться изъ за каждаго пустяка инспектору.

Все это заставляло призадуматься. Мы въ перебой стали предлагать способы отдѣлаться отъ урока, — но всѣ оказывались неподходящими.

— Знаете что, — заявилъ вдругъ Остапенко: — подпустимъ ка мы чего нибудь вонюченькаго?

Восторженный вой и плясъ привѣтствовали слова хитроумнаго Одиссея.

Во время большой перемѣны двое изъ нашихъ тайкомъ пробрались въ химическую лабораторію и тамъ ихъ кто то снабдилъ пущырькомъ съ темной жидкостью.

Къ звонку мы всѣ чинно сидѣли на мѣстахъ и ждали дальнѣйшихъ событій. Многихъ, въ томъ числѣ и меня, пробиралъ ознобъ.

За стеклянную дверь показался нѣмецъ и въ то же мгновеніе по классу стала распространяться невѣроятная вонь.

Фильдингъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Черные глаза его выпучились.

— Что это? — проговорилъ онъ, зажавъ себѣ носъ—большой и всегда красный:—кто это повелъ себя по скотински?..

— Никто, Иванъ Ивановичъ! — отвѣтило нѣсколько страдальческихъ голосовъ. — Это изъ лабораторіи напустили! Сидѣть просто невозможно.

Фильдингъ тревожно оглядѣлъ насъ всѣхъ темными глазами, приблизился къ каедрѣ, сѣлъ и отнялъ отъ лица руку.

Мы замерли въ страхѣ, но волненіи, но напрасно: нѣмецъ опять ухватилъ носъ въ пригоршню и почти бѣгомъ бросился изъ класса.

Мы гурьбой ринулись за нимъ и столпились въ корридорѣ; пузырекъ былъ сейчасъ же выброшенъ въ форточку.

Черезъ пару минутъ явился величавый Дунаевъ.

— Что это значитъ? — обратился онъ къ намъ и распахнулъ дверь, но его мгновенно вышибло изъ класса обратно; онъ захлопнулъ дверь.

— Кто это такъ навонялъ?

— Никто не вонялъ,—весь багровый, залопоталъ Гильбахъ.—Эта химическій кабинетъ, химія!

— А вы зачѣмъ смотрѣли? — повысивъ голосъ, сказалъ надзиратель.—Знаю я какая это химія! Всѣ послѣ уроковъ останьтесь на часъ! Отворите окно сейчасъ же! Свинство съ!

Дунаевъ повернулся и удалился.

День кончился благополучно урокомъ рисованія.

Глава VII

По возвращеніи домой, — на этотъ разъ мы съ Остапенко въ качествѣ побѣдителей гордо прошли мимо развалинъ крѣпости, Каштелянскій же предпочелъ кружный путь — я пообѣдалъ съ тетей и, выйдя на дворъ, увидалъ у воротъ нашего дома Яна.

Онъ дулъ въ кулаки и перескакивалъ съ ноги на ногу.

Я поздоровался съ нимъ и сталъ звать къ себѣ въ комнату, но онъ не отказался.

Тогда я вынесъ свой лукъ, къ намъ присоединился Остапенко, и мы начали стрѣлять въ цѣль.

Спустя нѣкоторое время я предложилъ пройтись церемоніальнымъ маршемъ мимо двора гимназистовъ.

Мысль мою одобрили съ восторгомъ, и мы тотчасъ же привели ее въ исполненіе.

Въ развалинахъ крѣпости копались двое враговъ; завидѣвъ насъ, они, какъ молнія, пролетѣли въ свои ворота и скрылись.

Мы подошли къ калиткѣ, заглянули въ нее и, заложивъ руки за спины, принялись разгуливать взадъ и впередъ по дорогѣ.

На дворъ высыпали всѣ пять гимназистовъ.

Они сбились въ кучу около дверей въ сѣняхъ домика и, не предпринимая ничего, глядѣли на насъ.

«А-а-а!» — неожиданно заревѣлъ не своимъ голосомъ Остапенко и сдѣлалъ видъ, что бросается во дворъ.

Враги разсыпались во всѣ стороны.

Мы проводили ихъ смѣхомъ и нѣсколькими смѣжками и, безконечно довольные и гордые, возвратились къ себѣ. На слѣдую-

щій день, въ воскресенье, мы дважды повторили ту-же прогулку и запугали своихъ сосѣдей до того, что они удирали, завидѣвъ издалека хотя одну изъ нашихъ фуражекъ.

Въ понедѣльникъ насъ ждала новость.

О происходившей по всему городу войнѣ узнало начальство, и съ обѣихъ сторонъ инспектора приняли энергичныя мѣры.

Всѣ классы были собраны и намъ заявили, что если хоть кто-нибудь словомъ, не только что дѣйствіемъ, осмѣлится задѣть гимназистовъ, то съ нимъ раздѣлаются скоро и круто.

То-же объявили и въ гимназіи.

Война прекратилась разомъ, и жизнь наша вошла въ обычную колею.

Новый знакомецъ Янъ заглядывалъ къ намъ довольно часто. Мало по малу мнѣ удалось уговорить его зайти въ домъ и онъ, торопливо скинувъ съ себя старое пальто и, засунувъ его въ видѣ комка за сундукъ или въ уголъ передней, — на вѣшалку онъ ни за что не соглашался его вѣшать, — оглядываясь и обдергиваясь, на ципочкахъ проходилъ за мною.

Въ комнатахъ Янъ дѣлался неузнаваемымъ.

Насколько на улицѣ онъ держалъ себя самоувѣренно и свободно, настолько, очутившись подъ кровлею, онъ становился неловкимъ; лицо его дѣлалось напряженно-тревожнымъ, словно онъ каждую минуту ждалъ, что вдругъ за нимъ щелкнетъ рѣшетка и онъ очутится въ западнѣ, какъ птица.

Мои рассказы о дальнихъ странахъ, о путешествіяхъ и приключеніяхъ заинтересовали его не сразу. Онъ молча выслушивалъ меня, и по глазамъ его я замѣчалъ, что онъ равнодушенъ къ нимъ и даже не особенно довѣряетъ словамъ моимъ и часто думаетъ совсѣмъ о другомъ.

Но бывать у меня ему понравилось. Каждый вечеръ, едва только я кончалъ свои уроки и подымалъ штору на окнѣ въ знакъ того, что я свободенъ,—на порогѣ моей комнаты появлялся Янъ и, если я въ ту минуту стоялъ спиною къ нему, каплялъ въ руку, чтобы привлечь мое вниманіе; затѣмъ, когда я оглядывался, онъ осторожно входилъ окончательно.

Мы усаживались и начинались бесѣды. Я рассказывалъ съ увлеченіемъ, фантазія уносила меня въ безграничную даль. Остапенко, почти всегда присутствовавшій при этомъ, зачастую бывалъ увлеченъ не меньше меня, но все таки, хотя и изрѣдка, какимъ нибудь ѣдкимъ и практическимъ замѣчаніемъ выливалъ мнѣ ушатъ холодной воды на голову.

Самъ онъ читать не любилъ и предпочиталъ мои пересказы.

Къ книгамъ Янъ относился почтительно, чуть не благоговѣйно. Если я просилъ его достать съ ближайшей къ нему полки книгу и передать мнѣ,—онъ осторожно, какъ цѣнный хрусталь, доставалъ ее и бережно вручалъ мнѣ.

— А въ книгѣ это написано? — спрашивалъ онъ иногда, выслушавъ какую-нибудь исторію.

— Написано!

И я немедленно доставалъ томъ Жюль Верна, Майнъ Рида или другіе и показывалъ картинки въ нихъ. Хотя русской грамоты Янъ не зналъ, но убѣждался, что онѣ, дѣйствительно, отвѣчаютъ разсказу и мало по малу, на свой ладъ, конечно, заразился моей страстью къ путешествіямъ и приключеніямъ.

Мы всѣ трое относились къ нимъ различно: я увлекался и жаждалъ ихъ безкорыстно; Остапенко предпочиталъ слушать о нихъ съ сытымъ желудкомъ, сидя въ теплѣ, на диванѣ; испытывать же самому всякія тревоженія ему не улыбалось, за что я и прозвалъ его будущимъ Пацюкомъ изъ Гоголевской «Ночи подъ Рождествомъ». Янъ, выросшій среди нужды, не боялся ничего и глядѣлъ отчасти съ моей точки зрѣнія, но здравая практическая жилка брала перевѣсъ въ немъ: кромѣ жажды новизны и любви къ природѣ онъ ставилъ еще и иную цѣль путешествіямъ — разбогатѣть, чтобы было чѣмъ жить его «мамкѣ», къ слову сказать не молодой и болѣзненной женщиной, занимавшейся поденной стиркой.

Тетя на мою дружбу съ Яномъ смотрѣла снисходительно. Мать Яна и его самого она знала давно.

Если тетя заходила ко мнѣ вечеромъ, — что случалось рѣдко, — Янъ торопливо вскакивалъ, густо краснѣлъ и кланялся ей.

— Здравствуй, мальчикъ, здравствуй! — говаривала она, взглядывая на него ясносѣрыми глазами. — Читаете? Хорошо... А уроки ты приготовилъ, конечно?

— Приготовилъ, тетя!

Она кивала головою и уходила къ себѣ.

Глава VIII

Быстро пролетѣло Рождество; въ Великомъ посту солнце стало пригрѣвать сильнѣе; въ воздухѣ потянуло тепломъ; съ крышъ закапалъ дождь; по улицамъ, журча, побѣжали ручьи.

Къ Пасхѣ на деревьяхъ закудрявилась мелкая, еще блѣдная, молодая зелень.

Меня съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй стало тянуть на волю: ученье сдѣлалось невыносимымъ. Что я усваивалъ прежде въ какойнибудь часъ, — на то сталъ тратить три. Безпомощно просиживалъ я надъ книгой и не могъ сосредоточиться — мысли разбѣгались, какъ весеннія облака. Мои рассказы утратили для меня и Яна прежнюю прелесть и прекратились. Теперь уже Янъ почувствовалъ себя силой и рассказывалъ мнѣ о лѣсѣ, о жизни въ немъ, о птицахъ и ловлѣ ихъ.

Въ этой области онъ былъ знатокъ; отъ его повѣствованій и отъ него самого дышало весною и волей.

По праздникамъ я съ утра исчезалъ съ нимъ и мы бродили по лѣсамъ, или ставили западни на птицъ. Иногда тайкомъ перелѣзали черезъ заборъ въ чей-нибудь садъ и, замирая отъ волненія, подманивали тамъ выслѣженныхъ Яномъ пичугъ.

Благоразумный хохоль Остапенко въ нашихъ экскурсіяхъ не участвовалъ; онъ усиленно налегъ на учебники и готовился къ экзаменамъ.

Дружба моя съ Яномъ крѣпла не по днямъ, а по часамъ. Онъ открылъ мнѣ новый волшебный міръ — природу, которую зналъ лучше, чѣмъ я Жюль Верна. Онъ обра-

щаль мое вниманіе на каждый кустъ, на каждую травку; черезъ него я познакомился съ жизнью растений, узналъ, что и какъ растетъ и живетъ въ лѣсу; цѣлый снопъ яркихъ, неизвѣданныхъ еще ощущеній ворвался, благодаря ему, въ мою раскрывшуюся душу.

Ученье пошло опять плохо.

Я сознавалъ, что поступаю нехорошо, и мучился, видя свое безсиліе сдержать слово, данное тетѣ. Всѣ говорили, что я худѣю и блѣднѣю.

Замѣтила это и тетя и когда она спросила о причинѣ моихъ неуспѣховъ, я заплакался и, захлебываясь, объяснилъ ей такъ-же неясно, какъ самъ ощущалъ, что я могу и хочу хорошо учиться, и не могу вмѣстѣ съ тѣмъ теперь.

Тетя поняла мое душевное состояніе, приласкала меня и успокоила.

Съ этого дня она стала обращать больше вниманія на мои уроки и, уловивъ по моему лицу, что мнѣ не дается что-либо, подсаживалась и помогала мнѣ.

Присутствіе ея дѣйствовало на меня благотворно; я тотчасъ же переставалъ нервничать и легко постигалъ хитрыя измышленія Малинина и Буренина и злѣйшаго врага своего — Евтушевскаго.

Мало по малу лихорадочное возбужденіе мое улеглось; отмѣтки улучшились, и тетя, видя, что все пошло хорошо, опять погрузилась въ свои занятія.

Скоро наступило напряженно-тревожное время — экзамены.

На первомъ же, — нѣмецкомъ экстемпоралѣ — я срѣзался.

Я всегда чувствовал отвращеніе къ языкамъ, а къ этому въ особенности, и не столько учился ему, въ теченіе зимы, сколько выѣзжалъ на подсказахъ и списываньяхъ.

Ничѣмъ этимъ на экзаменѣ воспользоваться не удалось.

Хитрый нѣмецъ, явившись въ классъ, приказалъ раздвинуть парты вдоль стѣнъ, и такимъ образомъ, между ними образовались огромные промежутки; затѣмъ онъ принялся рассортировывать насъ; хорошихъ учениковъ посадилъ съ хорошими, дурныхъ съ дурными и потирая руки, торжествующій и злорадный, принялся расхаживать по огромному пустому пространству среди класса, слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ cadaго.

Списать было не у кого; разсылать шпаргалки хорошіе ученики боялись.

Не видя выхода, я мрачный, какъ туча, прочелъ кусокъ русскаго разсказа, заданный намъ для перевода, и началъ писать, думая уже не о вѣрности, а тѣмъ болѣе о грамотности, а единственно о томъ, чтобы составить необходимыя десять строкъ изъ какихъ бы то ни было, хоть и не идущихъ къ дѣлу, нѣмецкихъ словъ. Я связалъ свою ахинею всякими *ist* и *geworden* и только что хотѣлъ закрыть тетрадь, чтобъ подать ее, какъ меня дернули за руку.

— Пстой?! — прошепталъ голосъ, — я еще не кончилъ.

Я поднялъ глаза и увидалъ, что Славцовъ, новый сосѣдъ мой, неимовѣрно кося глаза, усердно списываетъ мой переводъ.

— Вѣдь я все навралъ! — шепотомъ возразилъ я ему.

Славцовъ потрясъ головою.

— Все едино! — угрюмо отвѣтилъ онъ. — Ты хоть нѣмецкія слова пишешь, а я три русскихъ вклеилъ, — чортъ ихъ знаетъ, какъ ихъ по нѣмецки перевести!

— Эхъ, — едва слышно сказалъ съ досадой мой сосѣдъ съ другой стороны, — а я то думалъ, что ты знаешь, и списалъ все! Попалъ въ компанію!!

Я всталъ, подаль первымъ тетрадь, опѣшившему отъ такой моей прыти, учителю и удалился изъ класса.

Г л а в а IX

Дорогой меня грызла мысль, что сказать тетѣ, если она спросить, какъ идутъ экзамены.

Солгать ей такъ, какъ лгали мы въ гимназіи, претило мнѣ. Тамъ ловкая ложъ являлась доблестью и необходимостью, но дома тѣ же поступки окрашивались въ моихъ глазахъ совсѣмъ въ иной цвѣтъ.

Съ другой стороны сказать правду было стыдно и почему то страшно.

Первымъ, кого я встрѣтилъ, подходя къ дому, былъ Янъ. Онъ шелъ изъ лѣса, возбужденный и счастливый; весь шесть, который онъ держалъ въ рукѣ, покрывали небольшія клѣточки и западни, полныя всевозможныхъ птицъ.

— Знаешь, что! закричалъ онъ, увидавъ меня. — Удача намъ! Я вчера на Виліѣ лодку выловилъ!

— Ну? чья она?

— Да ничья! — весь сіяя отъ радости, отвѣтилъ онъ. — Плыла вверхъ дномъ, я ее и

перехватилъ у излучины! Хорошая—ѣздить по рѣкѣ будемъ! Пойдемъ, я тебѣ покажу!

Перспектива была заманчивая.

— Хорошо!—Отвѣтилъ я. — Подожди. Я сейчасъ только у тети спрошусь!

И я стремглавъ бросился въ комнаты. Тети дома не оказалось; она уѣхала куда-то въ городъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ я выскочилъ обратно. Янъ ждалъ меня у воротъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ быстро зашагали по переулку.

Янъ занесъ къ себѣ клѣтки, захватилъ хлѣба, топоръ и палку. Мы пересѣкли желѣзнодорожный путь и приблизительно черезъ полчаса очутились на низменномъ и песчаномъ, усѣянномъ камнями берегу Вилии.

Темныя, чуть красноватыя въ томъ мѣстѣ воды ея, шумно разбиваясь о торчавшія скалы, быстро мчались на западъ, къ Нѣману.

Внизъ по теченію темнѣли высокія, покрытыя лѣсами, горы; ихъ изрѣзывали красныя, глинистыя овраги, вездѣ въ безпорядкѣ выступали обнаженные, полосатыя кручи; въ сосновой рошѣ неподалеку ютилось нѣсколько домиковъ.

На отмели, среди громадныхъ сизыхъ камней, я замѣтилъ вытащенную до половины изъ воды старую темную лодку.

— Вотъ она!—съ гордостью воскликнулъ Янъ и, подбѣжавъ, гулко похлопалъ ее ладонью.

— Пособи ка вытащить ее,—осмотримъ, нѣтъ ли пробоинъ!

Мы дружно ухватились за поломанныя уключины, съ усиліемъ втащили всю лодку

на песокъ и опрокинули ее вверхъ килемъ. Днище оказалось прогнившимъ; Янъ принялся выстукивать его обухомъ топора и онъ вдругъ провалился внутрь; Янъ качнулъ головою и продолжалъ изслѣдованія; днище провалилось и въ другомъ мѣстѣ.

Янъ выпрямился.

— Надо нѣсколько досокъ раздобыть, — сказалъ онъ съ озабоченнымъ лицомъ; — почину ее, залью смолой и хоть куда лодка будетъ! Борта вишь какіе, — крѣпче новыхъ! — И онъ крѣпко стукнулъ по нимъ, — лодка выдержала. Янъ разсмѣялся отъ охватившаго его удовольствія.

Мы побродили съ нимъ по берегу, заставили попрыгать по водѣ плоскіе камешки, полазили по огромнымъ валунамъ, высывавшимся изъ песка и, закусивъ хлѣбомъ запасливаго Яна, отправились въ обратный путь.

Добычу досокъ и нужныхъ матеріаловъ я принялъ на себя; Янъ на свою долю взялъ починку и надзоръ за лодкой.

Досокъ у насъ во дворѣ не оказалось и мнѣ пришло на умъ, что, можетъ, что-нибудь подходящее отыщется на чердакѣ, на который до той поры я еще не заглядывалъ. Ходъ въ него велъ изъ комнатъ.

Я забралъ съ собою Яна, отворилъ запертую задвижкой дверь, и попалъ въ небольшой темный корридоръ; я вернулся за свѣчей, зажегъ ее, и мы пошли дальше. Изъ корридора вела стоячая лѣстница; мы взобрались наверхъ и очутились подъ черепичною кровлей.

На чердакѣ было почти темно; надъ головами у насъ перекрещивались огромныя

балки; въ нѣсколькихъ мѣстахъ глазъ различалъ широкія печныя трубы.

Полусогнувшись, тщательно осматривая закоулки, мы подвигались все дальше и наткнулись на досчатую перегородку, отдѣлявшую часть чердака; отыскалась дверь, мы отодвинули деревянный засовъ и вступили въ каморку, заваленную до крыши всякимъ старымъ хламомъ.

Грудами лежали безногіе стулья, продавленные диваны и кресла со свисавшими ключьями обивки; на нихъ валялась мѣдная клѣтка для попугая, почернѣлая отъ времени картина въ облупленной золоченой рамѣ и т. д. Въ дальнемъ углу стоялъ длинный, обитый телячьей кожей, сундукъ съ желѣзными поперечными обручами; все было покрыто пылью и паутиной.

Я осторожно приподнялъ крышку и замеръ. Сундукъ былъ наполненъ всевозможнымъ старымъ оружіемъ. Тамъ находились заржавленные шпаги, тяжелое пистонное ружье — одностволка съ широкимъ, какъ у пушки, дуломъ, кремневые пистолеты, двѣ сабли, старинные поясные ножи, пороховницы, киверъ и много другихъ предметовъ.

Мы присѣли около сундука и съ восхищеніемъ принялись перебирать сокровища.

На днѣ нашелся дубовый ящичекъ. Я открылъ его и увидалъ пару великолѣпныхъ шомпольныхъ пистолетовъ. При нихъ отыскался полный приборъ и пули.

Восторгу нашему не было предѣловъ.

О своемъ злополучномъ экзаменѣ я забылъ и думать и только грезилъ о томъ, какъ съ настоящимъ оружіемъ въ рукахъ отправлюсь въ самую глушь лѣса, или же

поѣду на лодкѣ и стану поражать пулями выдающіеся изъ воды камни.

— Хорошо было бы намъ кое что себѣ забрать! — замѣтилъ Янъ, останавливая горящій взлядъ то на ружьѣ, то на пистолетахъ.

Слова Яна пробудили во мнѣ мысль о неудачномъ экзаменѣ.

— Не позволить, пожалуй, тетя! — произнесъ я упавшимъ голосомъ. — Учиться, скажетъ, надо теперь!.. А чего учиться! — И я съ горечью рассказалъ Яну, что срѣзался и что навѣрно не выдержу и другихъ экзаменовъ.

— Вишь ты, — замѣтилъ Янъ, видимо сочувствуя мнѣ. — Какъ же ты такъ?.. Ну, да ничего, — тебя вѣдь бить не станутъ! — добавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Оба мы, сидя другъ противъ друга на полу, призадумались. Трепетное пламя огарка, прикрѣпленнаго мною на уголкѣ сундука, освѣщало каморку и кучи оружія, лежавшія по сторонамъ.

Вдоволь налюбовавшись всѣмъ, мы уложили вещи обратно въ сундукъ и сошли внизъ. Въ корридорѣ я задулъ свѣчу, отворилъ дверь въ комнаты и лицомъ къ лицу столкнулся съ проходившей мимо тетей.

Янъ замѣтилъ ее изъ за моей спины и притаился въ темномъ углу.

— А, ты дома? — привѣтливо произнесла тетя не замѣтивъ Яна. — Ну, что твой экзамень?

— Кажется, плохо...

У меня покраснѣли даже уши.

Тетя подняла вверхъ брови.

— Плохо? Сколько же ты получилъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ я: — отмѣтокъ пока не выставляли.

— А, такъ значитъ еще неизвѣстно, какъ ты сдалъ его! — проговорила она. — На устномъ экзаменѣ сможешь поправиться, да?

— Да... — еще гуще краснѣя, подтвердилъ я.

Тетя напомнила мнѣ о данномъ ей словѣ учиться и удалилась.

Я убѣжалъ къ себѣ въ комнату и, бросившись на постель, зарылъ лицо въ подушки.

Слова кажется и да, сказанныя мной, тогда какъ я навѣрное зналъ, что больше чѣмъ плохо сдалъ экзаменъ и не смогу поправиться устнымъ отвѣтомъ, больно жгли мою совѣсть. Я не могъ простить себѣ, что у меня не хватило духа прямо сказать тетѣ всю истину и не понималъ, почему все такъ случилось.

Ниже пасть, казалось мнѣ, было нельзя.

За обѣдомъ я всячески избѣгалъ взглядовъ тети. Чтобъ не разговаривать съ нею, я сдѣлалъ видъ, будто у меня болятъ зубы, и попросивъ позволенія, скоро ушелъ къ себѣ.

Мысли одна чернѣе другой проносились въ головѣ моей. Будущность представлялась мнѣ страшною; я несомнѣнно долженъ былъ позорно остаться на второй годъ въ классѣ и разомъ потерять любовь и довѣріе тети. Въ этомъ было для меня что то ужасное.

Вечеромъ во мнѣ созрѣлъ планъ. Съ рѣшимостью охватившаго меня отчаянія я задумалъ бѣжать.

Съ этою мыслью я заснулъ, и мнѣ грезились зловѣщіе сны: представлялись носороги и множество другихъ хищныхъ звѣрей; они слѣдили за мной изъ черной чащи тро-

пическихъ лѣсовъ фосфорическими зрачками и вдругъ съ воемъ бросились на меня со всѣхъ сторонъ; въ ужасѣ, обливаясь холоднымъ потомъ, я побѣжалъ отъ нихъ, съ розмаха сорвался въ звѣздную бездну, стремглавъ полетѣлъ внизъ и, замирая, видѣлъ кругомъ себя звѣзды и ночь безъ конца.

Съ бьющимся, какъ молотокъ, сердцемъ, я проснулся и сталъ одѣваться. Впечатлѣнія отъ страшнаго сновидѣнія разсѣялись подъ лучами дня.

Вмѣсто того, чтобы готовиться къ еще далекому, но злѣйшему изъ всѣхъ, экзамену—алгебрѣ, я сложилъ учебники, взялъ палку и отправился въ лѣсъ отыскивать Яна.

Янъ ставилъ западни у ключа.

— Я пришелъ къ тебѣ по важному дѣлу! —сказалъ я.

Янъ мелькомъ взглянулъ на меня, и тонъ моего голоса и выраженіе лица должно было поразить его.

— Что такое? — спросилъ онъ.

— Я хочу сѣжать, — твердо выговорилъ я. — Хочешь со мною?

Веснушчатое лицо Яна слегка поблѣднѣло. Подъ маленькими карими глазами его проступила синеватая тѣнь; они потемнѣли и уставились на меня.

И раньше не разъ сдавалось мнѣ, что Янъ затаилъ какую то мысль и молча вынашиваетъ ее. Теперь я сразу прочелъ все въ глазахъ его: онъ думалъ о томъ же, о чемъ и я!

— Куда же?—спросилъ онъ.

— Въ Америку.

И усѣвшись на мшистыхъ камняхъ подъ густымъ навѣсомъ вѣкового дуба, я принялся излагать свой планъ.

Онъ заключался въ слѣдующемъ.

Такъ какъ денегъ на переѣздъ у насъ не имѣлось, то мы, сдѣлавъ необходимые запасы пищи, должны были спуститься на лодкѣ по Виліи до Нѣмана, затѣмъ по Нѣману къ Балтійскому морю и тамъ поступить юнгами на одинъ изъ кораблей, отправляющихся въ Америку. Все дальнѣйшее — богатство и слава — являлись къ намъ сами собой.

Янъ жадно слушалъ меня.

— Ну, что же, идешь со мною? — закончилъ я. Янъ запустилъ въ густые рыжіе волосы обѣ руки и застылъ на минуту.

— Иду! — твердо проговорилъ онъ и всталъ.

На мигъ меня охватила жуть: возврата назадъ послѣ этого уже мнѣ не было.

Ловля птицъ разомъ потеряла для насъ всякій интересъ.

Янъ быстро собралъ западни, и мы двинулись къ Поплавамъ.

— Ну, братъ! — говорилъ Янъ, быстро шагая рядомъ со мною. — Попаду въ Америку, — помру, а пришлю мамкѣ денегъ! Щеглами то не больно много удавалось пособлять ей. Будетъ ей чужое бѣлье стирать!

Онъ бѣгомъ отнесъ свои клѣтки домой и, запыхавшись, явился въ мою комнату. Мы забрались въ уголъ и шепотомъ принялись обсуждать, что и въ какомъ количествѣ надо захватить съ собой и когда выѣхать. Предстояло исправить лодку, запастись съѣстными припасами, порохомъ, котелкомъ, рыболовными снастями, цѣлой уймой предметовъ; оружіе мы рѣшили взять изъ сундука на чердакѣ.

Бѣгство назначили на одиннадцать часовъ ночи, черезъ недѣлю.

Срокъ этотъ былъ необходимъ для выполнения всѣхъ предначертаній плана; ночное же время мы выбрали, чтобъ на случай погони имѣть по крайней мѣрѣ часовъ десять впереди, въ теченіе которыхъ никто не хватился бы меня, тогда какъ днемъ за такой же срокъ я не могъ ручаться. Время, оставшееся до отъѣзда полетѣло незамѣтно.

На имѣвшіяся у меня небольшія карманныя деньги я купилъ котелокъ, спички, разную мелочь и пороху. Изъ оружія мы выбрали два поясныхъ ножа, два пистолета, одноствольное короткое ружье съ широкимъ дуломъ, двѣ пороховницы, столько же истертыхъ охотничьихъ сумъ и саблю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я съ жадностью Плюшкина копилъ и сушилъ на выступахъ кухонной трубы чердака груды черного хлѣба, предварительно посыпаннаго солью.

Нашествія на буфетъ доставили намъ чай и сахаръ и кое-какую провизію въ видѣ ветчины и колбасъ.

Проба оружія и другія безчисленныя хлопоты поглощали все мое время; Янъ возился съ починкою лодки.

Остапенку, по совѣту Яна, я не посвящалъ въ тайну.

Ученье, училище, — все это было забыто и ушло въ даль для меня. По вечерамъ, когда я оставался одинъ въ своей комнатѣ, мной овладѣвало щемящее чувство.

Я испытывалъ то же, что въ знаменательномъ сновидѣніи своемъ, когда летѣлъ въ бездну. Сонъ уходилъ отъ меня. Я метался по постели и, несмотря на отворенное настежъ окно въ садъ, сбрасывалъ все съ себя, не зная, куда дѣваться отъ сжигавшаго меня внутренняго жара.

Насталъ наконецъ послѣдній день.

Утромъ мнѣ предстояло идти на экзаменъ исторіи. Я оставилъ дома книгу Иловайскаго, которой не раскрылъ ни разу за всѣ эти дни, и отправился въ училище.

Увѣренность, что я не выдержу, и сознаніе близкой свободы вселили въ меня удивительное спокойствіе.

Безъ малѣйшаго волненія я вынулъ изъ ряда разложенныхъ на столѣ передъ сонмомъ учителей билетовъ одинъ, прочелъ его и вдругъ увидалъ, что великолѣпно знаю его.

Я даже усмѣхнулся и, когда дошла моя очередь, отвѣтилъ отлично.

Я такъ много читалъ всего, что касалось любимой мной исторіи, что могъ бы, не подозрѣвая того, отвѣтить безъ подготовки на какой угодно билетъ.

Вызванъ я былъ однимъ изъ послѣднихъ и, освободившись, оглядѣлъ пустынные корридоры и спустился въ швейцарскую.

Училище вдругъ стало мнѣ дорого и симпатично. Стараясь не поддаваться размягчающе дѣйствовавшему на меня чувству сожалѣнія къ настоящему, я вышелъ со Славцовымъ на улицу и, мысленно прощаясь со всѣми зданіями Вильны, медленно направился къ дому.

Сборы наши уже закончились и торопиться было не зачѣмъ. Передъ обѣдомъ я обошелъ садъ, побродилъ по знакомымъ мѣстамъ въ тихо шумѣвшемъ лѣсу, словно посылавшемъ мнѣ послѣдній привѣтъ, затѣмъ вернулся въ комнаты и, чтобъ убить нестерпимо тянувшееся время, въ десятый разъ принялся перечитывать исторію Литвы.

Г л а в а X

— До свиданья, мой мальчикъ! — сказала вечеромъ тетя, прощаясь со мною.

Меня кольнуло въ сердце. Я крѣпко, крѣпче обыкновеннаго, обнялъ, расцѣловалъ ее и убѣждалъ къ себѣ. Еще немного, еще одна ласка тети, и я разрыдался бы. Дрожащею рукой я написалъ ей письмо гдѣ изложилъ всю правду и только скрылъ одно, куда бѣжимъ мы. Затѣмъ я запечаталъ письмо въ конвертъ, крупными буквами написалъ на немъ, кому оно адресовано, и положилъ на серединѣ стола. Оно бѣлымъ пятномъ выдѣлялось на черной клеенкѣ, и я, шагая изъ угла въ уголъ, невольно поглядывалъ на него.

Не только тетя и далекая семья, но и домъ тети, каждый стулъ въ немъ, все, всякая мелочь вдругъ сдѣлались мнѣ особенно дороги.

Я посмотрѣлъ на старинные часы—колонну, стоявшіе у стѣны.

Стрѣлки показывали десять. До прихода Яна оставался еще часъ. Янъ долженъ былъ проникнуть въ садъ черезъ открытую уже мною калитку и постучать въ окно ко мнѣ.

Минутная стрѣлка двигалась медленно. Огромный маятникъ мѣрно и важно ходилъ за стекломъ изъ стороны въ сторону, и казалось порой, что это живое существо, что оно глядитъ на меня и съ укоромъ, покачиваетъ головою.

Къ половинѣ одиннадцатаго ждать спокойно не хватило силъ.

Я распахнулъ окно и меня обдало прохладой и ароматомъ цвѣтовъ. Раскидывалась тихая звѣздная ночь. Деревья сада стояли

въ оцѣпенѣніи; кое-гдѣ въ окнахъ далекихъ домиковъ, лѣпившихся по обрывамъ, свѣтились огоньки; глухо прозвучала телѣга; ее привѣтствовалъ слабый собачій лай, и опять все стихло.

Я вдругъ вспомнилъ, что еще не переоделся въ заготовленное со вчерашняго дня штатское платье, и съ лихорадочной поспѣшностью бросился къ шкафу.

Черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ въ темнозеленой, похожей на охотничью, курточкѣ, въ высокихъ сапогахъ и круглой соломенной шляпѣ на головѣ. Черезъ руку я перекинулъ свѣтлое лѣтнее пальто, затѣмъ передумалъ, надѣлъ его въ рукава и только что усѣлся за столъ, — какъ напряженный слухъ мой уловилъ хрусть песка въ саду.

Я вскочилъ, отодвинулъ столъ и выскочилъ наружу.

На зелени ближайшихъ жасминовыхъ кустовъ лежалъ полукругъ свѣта отъ лампы; на дорожкѣ намѣчалась темная фигура: то былъ Янъ, навьюченный всякою всячиной.

Я окинулъ послѣднимъ взглядомъ свой дорогой уголокъ, гдѣ такъ хорошо жилось мнѣ, перекрестился, погасилъ лампу и выпрыгнулъ въ садъ.

Мы быстро миновали аллею; вѣтви деревьевъ мягко задѣвали меня по лицу; я отыскалъ въ темнотѣ калитку и мы очутились въ переулкѣ.

Я остановился и хотѣлъ взять отъ Яна свою часть ноши.

— Не здѣсь... Въ лѣсу подѣлимся! — тихо отвѣтилъ Янъ, не прерывая хода.

Мы пересѣкли желѣзнодорожное полотно и поднялись на песчаный холмъ, съ котораго я когда-то въ первый разъ смотрѣлъ

на лѣсъ. Съ вершины его я оглянулся на нашъ домъ: въ окнѣ тети блестѣлъ огонекъ.

Онъ словно манилъ меня изъ мрака невѣдомаго будущаго и слалъ привѣтъ отъ стараго милаго дома, казавшагося неясной громадой.

Мы спустились въ безпросвѣтную тьму лощины; Янъ передалъ мнѣ мою связку, я закинулъ ее за спину и мы пустились дальше.

Рядомъ подвигаться было нельзя; извилистую, узкую тропку можно было угадывать только чутьемъ. Янъ шелъ впереди, перекидывался со мной короткими фразами.

Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то дышетъ за нами; я оборотился, но никого не было; тѣмъ не менѣе я ощутилъ толчокъ подъ колѣно.

— Янъ! — позвалъ я, останавливаясь. — Здѣсь что-то есть!

— Что?

— Не знаю...

Я ошарилъ руками впотѣмахъ кругомъ себя.

— Да это собака! — воскликнулъ я. — Бруть!

Послышался визгъ и песъ счастливый тѣмъ, что его узнали, подпрыгнулъ и лизнулъ меня въ щеку.

Обрадованные присоединеніемъ его къ намъ, мы двинулись дальше. Бруть въ нашей экспедиціи являлся драгоцѣннымъ помощникомъ и сторожемъ на предстоявшихъ почевкахъ въ лѣсахъ.

Между мною и имъ давно существовали симпатіи; забитый Тадеушемъ песъ, въ отсутствіи своего хозяина, постоянно изъяс-

лялъ ихъ мнѣ и получалъ въ отвѣтъ ласку и лакомые куски.

Вѣрное собачье сердце угадало, что я совсѣмъ ухожу изъ дома, и не выдержало; онъ оборвалъ ремень, на которомъ сидѣлъ всегда въ углу кухни, и отыскалъ меня среди лѣса.

Деревья, наконецъ, исчезли; стали попадаться камни. Вилія была уже близко; скоро я слышалъ шумъ ея и увидѣлъ черный силуэтъ лодки. Она стояла въ неприкосновенности. Мы повернули ее на киль, стащили до половины въ воду, положили вдоль бортовъ весла и принялись нацѣплять на себя оружіе и размѣщать въ носовомъ и кормовомъ тайникахъ свои запасы.

— Ну, садись, — коротко сказалъ Янъ, кончивъ все. Онъ уперся босыми ногами въ берегъ и лодка, скрипя по песку, тихо сдвинулась въ рѣку. Янъ оттолкнулся и вскочилъ на корму.

— Въ часъ добрый! — проговорилъ онъ, снимая шапку и осѣняя себя крестомъ. Я сдѣлалъ то-же.

Черная, какъ вороново крыло, вода съ дрожащими въ ней отраженіями звѣздъ разстилалась кругомъ; впереди едва бѣлѣли kloкочущіе безчисленные буруны.

Мнѣ сдѣлалось страшно.

— Янъ, не видно вѣдь ничего? — промолвилъ я — того и гляди на камень напоремся; какъ ты править будешь?

— Не безпокойся! — самоувѣренно возразилъ Янъ, берясь за руль. — Я здѣсь каждый вершокъ на рѣкѣ знаю!

Грести было не нужно; лодка медленно заворотила носомъ по теченію и вступила въ него. Насъ подхватило и понесло.

Я повернулся и увидалъ огни Вильны, амфитеатромъ раскинувшейся далеко позади.

Отлогій лѣвый берегъ повышался; и словно черная зубчатая пелена покрыла его — то былъ Звѣринецъ, заповѣдный боръ великихъ князей Литвы. Скоро отдѣльные холмы слились въ одну громадную гору, и черный, какъ бы изломанный, отвѣсъ ея высоко поднялся надъ нашими головами.

Лодка неслась стрѣлой.

Янъ, крѣпко держа руль, вглядывался въ темноту.

Мы то и дѣло влетали въ узкіе проливы между камнями, смутно обозначавшимися надъ водой, и окаймленными пѣной. Мнѣ казалось, что суденышко наше разобьется въ щепки, — съ такой стремительностью мчалось оно на скалы; я замиралъ, но не успѣвалъ моргнуть глазомъ, какъ уже видѣлъ себя среди клокотанья и кипѣнья; секунду спустя буруны ревѣли уже позади насъ.

Путешествіе было захватывающее, необычайное; мало по малу я привыкъ къ опасности и съ жаднымъ любопытствомъ сталъ вглядываться въ берега рѣки.

Свѣжѣло; я запахнулъ плотнѣе пальто и, пригрѣтый имъ и Брутомъ, прижавшимся къ ногамъ моимъ, размечтался о будущемъ.

Камни между тѣмъ исчезли; шумъ, такъ долго сопровождавшій насъ, утихъ; править стало безопаснѣе.

Я предложилъ Яну помѣняться со мною мѣстами, но онъ, боясь моихъ неопытныхъ рукъ, заявилъ, что не усталъ совсѣмъ.

— Что твой поѣздъ летимъ! — самодовольно сказалъ онъ, — верстъ по двадцати въ часъ отмахиваемъ!

А ночь, чарующая и безмолвная, окружала насъ. Высоко на темно-синемъ небѣ, словно алмазами вымощенная дорога въ иной міръ, изгибался и исчезалъ за черной громадой лѣваго берега млечный путь.

Нѣтъ, нѣтъ, и какая нибудь звѣзда срывалась съ мѣста и, чертя огненный штрихъ, исчезала невѣдомо гдѣ.

— Слушай, ты обѣщаль рассказать о томъ, какъ построилась Вильна? — началъ опять Янъ, полулежа на кормѣ; я устроился рядомъ съ Брутомъ на днѣ лодки и, не отрываясь, глядѣлъ на небо.

— Расскажи теперь, — спать все равно нельзя...

— Давно, давно, — началъ я, — задолго еще до появленія христіанства въ Литвѣ, та долина среди горъ, гдѣ стоитъ теперь Вильна, славилась своей красотой и какъ мѣсто охоты; называлась она долиною Свенто-рога *).

Однажды пріѣхалъ туда изъ Трокъ, — главнаго города въ то время, — великій князь Гедиминъ и до самаго вечера гонялся за турами. Одного изъ нихъ онъ убилъ на высокой, поросшей лѣсомъ горѣ, что зовется теперь его именемъ и стоитъ у сліянія Вилии и Вилейки.

На ночь князь и его охотники расположились у подошвы горы; подъ вѣковыми дубами запылали костры, раздались пѣсни, зашумѣлъ веселый пиръ, а когда кончился онъ,

*) По имени князя, особенно любившаго ее. По смерти, тѣло его торжественно было сожжено въ той же долині

князь Гедеминъ отошелъ на покой. И приснился ему сонъ: видитъ онъ, будто на горѣ, гдѣ свалилъ онъ тура, стоитъ громадный желѣзный волкъ и воетъ, глядя на востокъ, протяжнымъ, тысячеголосымъ воемъ.

Рано, еще до свѣта, проснулся князь и велѣлъ охотѣ собираться и ѣхать обратно въ Троки. Не могъ понять Гедеминъ, что значилъ сонъ его, не могли разгадать его и приближенные. Тогда посовѣтовали позвать знаменитаго Криве-Кривейто *) — Лездейко, и тотъ объяснилъ сонъ. «Желѣзный волкъ», сказалъ мудрый жрецъ, «знаменуетъ, что великій и сильный городъ раскинется на мѣстѣ томъ; громкій вой волчій предвѣщаетъ громкую славу ему».

Гедеминъ тотчасъ же приказалъ заложить замокъ на Турьей горѣ: наверху—для себя, а внизу, у подошвы, для свиты.

Башня и развалины стѣнъ, что ты видѣлъ тамъ—это и есть часть верхняго замка; нижній исчезъ безслѣдно.

А ближе къ Виліѣ, тамъ гдѣ теперь площадь, росла священная дубовая роща; еще сынъ Свенторога, князь Гермундтъ велѣлъ сложить среди нея изъ валуновъ башню и безкровельный длинный храмъ, ромове, для бога Перкуна. Это былъ высшій богъ Литвы, богъ грозы и молній; статуя его была изъ дерева, голову окружали языки огня изъ чистаго золота, и она, казалось, испускала лучи и пламя; въ поднятой рукѣ онъ держалъ кремень — знакъ власти надъ огнемъ.

— Кто былъ этотъ Лездейко?—задумчиво спросилъ Янъ.

*) Жрецъ первосвященникъ.

— Главный жрецъ, — отвѣтилъ я. — А рассказываютъ о немъ вотъ что. Однажды братъ Гедемина, князь Витень, выѣхалъ на охоту и вдругъ среди дремучаго лѣса услышалъ, долетѣвшій съ кручи надъ Виліей, крикъ ребенка.

Князь послалъ людей на развѣдки, и ему донесли, что на вершинѣ высокаго дуба въ орлиномъ гнѣздѣ лежитъ ребенокъ. Одинъ изъ воиновъ вызвался достать его и дѣйствительно досталъ. Князь отдалъ ребенка на воспитаніе жрецамъ и изъ него вышелъ самый знаменитый изъ нихъ.

А то мѣсто, гдѣ нашли Лездейку, князь назвалъ Верками и донынѣ оно зовется такъ.

— А что значить Верки?

— Плачь, — отвѣтилъ я, и оба мы, охваченные чѣмъ то невѣдомымъ, смолкли.

— Возьми руль, — проговорилъ спустя нѣкоторое время Янъ. — Я усталъ, съ утра мыкался. Пока не опасно; смотри, изъ рукъ только не выпускай его! Камней теперь до Понарскихъ горъ не будетъ; мы туда раньше разсвѣта не поспѣемъ.

Онъ передалъ мнѣ руль, мы закусили, покормили Брута, и Янъ, сладко потягиваясь, растянулся на днѣ лодки.

— Когда устанешь, — кликни! — сказалъ онъ, завертываясь въ пальто. — Ахъ, какъ хорошо!

Ночь, тишина и прохлада дѣйствовали усыпляюще; чудилось, что я въ люлькѣ и она, баюкая, несетъ меня къ звѣздамъ.

Ровное дыханіе Яна показало, что онъ заснулъ; стали понемногу слипаться и мои глаза, я крѣпился, теръ ихъ поочередно то правой, то лѣвой рукой, смачивалъ водой, но

черезъ минуту-другую ихъ склеивало еще сильнѣе.

Несмотря на тишину и отсутствіе зыби я такъ пошатнулся, что чуть не упалъ за бортъ; на мигъ я отрезвился, затѣмъ, держа руками веревки руля, сползъ съ сидѣнья кормы и подвалился спиною къ ней: такъ показалось безопаснѣе. Я глянулъ еще разъ на темный путь впереди, усѣянный, какъ небо, звѣздами и погрузился въ сонъ.

Глава XI

Мнѣ мерещилось будто я стою въ лѣсу; начиналась гроза; шумъ и гулъ деревьевъ увеличивались; я быстро пошелъ впередъ, затѣмъ побѣжалъ и вдругъ упалъ отъ сильнаго удара въ голову.

Я очнулся, вскочилъ со дна лодки, куда опрокинуло меня толчкомъ и кровь оледенѣла во мнѣ.

Стояла еще глухая ночь; кругомъ рокотали откуда то взявшіеся буруны, пѣна взлетала вверхъ и брызгала мнѣ въ лицо; лодка во время моего сна задѣла за камень и повернувшись бокомъ, неслась теперь на цѣлую грядку ихъ, грозно бѣлѣвшую впереди.

— Янъ! — крикнулъ я не своимъ голосомъ.

Янъ вскочилъ, увидалъ, въ чемъ дѣло и бросился къ рулю.

Но было уже поздно.

Лодка со всего маху наскочила на острую скалу. Я упалъ на бортъ и судорожно уцѣпился за него; раздался трескъ и

въ проломъ на днѣ высунулся камень. Лодка быстро наполнялась водою.

— Спасай вещи! — крикнулъ я оцѣпившему на кормѣ Яну. — Тонемъ!

И я быстро сталъ хватать и навьючивать на себя что попало. Янъ дѣлалъ то-же.

Брутъ закинулъ вверхъ морду и завылъ жалобнымъ, надрывающимъ душу, воемъ.

Лѣвый бортъ лодки, на который обрушивалось теченіе, вдругъ накренился. Янъ возился еще у кормы по колѣно въ водѣ.

— Прыгай, прыгай сюда! — внѣ себя закричалъ я, выскочилъ на скользкую скалу и еле удержавшись на ногахъ, ухватилъ Яна за плечо. Послышался новый трескъ — словно гигантскій орѣхъ хрустнулъ въ щипцахъ; лодка разомъ исчезла и вдругъ двѣ половинки ея всплыли и понеслись прочь.

Можно было разглядѣть, что камней было нѣсколько; они торчали шагахъ въ двухъ-трехъ влѣво и вправо отъ насъ; дальше рѣка неслась свободно и быстро; ни у береговъ, ни на поверхности ея ничего не различалъ глазъ; слѣва, вздымалась къ небу какая то черная, неровно очерченная стѣна.

— Гдѣ мы?

— Не знаю! — стуча зубами отвѣтилъ Янъ.

— Придется ждать разсвѣта! — сказалъ я, стараясь сдержать дрожь, прохватывавшую меня, какъ и Яна.

Вода съ насъ текла ручьями; платья промокли до нитки.

Отъ быстроты струй, несшихся мимо насъ начала кружиться голова; мы сѣли и положили на колѣни спасенное добро; чтобы согрѣться, Брутъ забрался между нами.

Камень, послужившій намъ островомъ, выдавался надъ рѣкой не болѣе, какъ вершка на два; площадка его была такъ мала, что какъ мы ни подбирали ноги, волны захлестывали насъ. Иногда ревъ вдругъ усиливался и насъ словно изъ ведра оплескивало водою.

Мы молчали. Обрушившееся на насъ несчастье подавило насъ. Слышался только гулъ воды кругомъ.

— Не Понарскія-ли это горы? — спросилъ я.

— Мо... можетъ быть...—отвѣтилъ Янъ. — Какъ это все случилось?

Я отвѣтилъ.

— Да, это Понары — сказалъ Янъ, взглядываясь въ высоты слѣва. — Конечно такъ; я проспалъ! Что теперь станемъ дѣлать?! — въ порывѣ отчаянія воскликнулъ онъ.

— Э, всего то бѣды, что лодку разбило! — сказалъ я дѣланно равнодушнымъ голосомъ. — Не велика потеря! Мы рассчитывали съ тобой дней черезъ десять у моря быть, — ну, теперь черезъ двадцать будемъ, только и всего!

— Какъ же мы доберемся до него?

— А пѣшкомъ!

Янъ поднялъ голову.

— Это такъ! — проговорилъ онъ и надежда на благополучный исходъ снова овладѣла нами.

Небо начало бѣлѣть; звѣзды одна за другой таяли въ выси; скоро можно стало

разсмотрѣть, что мы находимся почти посрединѣ Виліи. Отъ низкаго, поросшаго кустарникомъ, праваго берега насъ отдѣлялъ широкій и быстрый проливъ; онъ весь дымился; влѣвъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга тянулись грядой камни. Сдерживаемая ими рѣка бушевала вокругъ нихъ, какъ изступленная.

Легкій дымокъ надъ водой густѣлъ и усиливался; скоро молочный туманъ плотной завѣсой закрылъ все и только высоко съ лѣвой стороны виднѣлся клочекъ засинѣвшаго неба; словно взлетѣвшій отъ земли, висѣлъ въ воздухѣ острый крутой обрывъ Понарской вершины.

Холодъ пробиралъ крѣпко; мы съ завистью поглядывали вверхъ, гдѣ еще не касаясь земли, играли солнечные лучи. Наконецъ они пронизали пелену тумана и онъ быстро сталъ осѣдать на воду.

Со всѣхъ сторонъ уходили въ синеватую даль мягко очерченныя, покрытыя темною и свѣтлою зеленью, горы; лѣсъ подходилъ къ самой Виліѣ, близъ воды бурѣли громадныя камни. Ни селеній, ни людей замѣтно не было. Спасаться, стало быть, намъ предстояло своими средствами.

Солнечный свѣтъ дѣйствовалъ живоительно.

Мы стали осматривать съ Яномъ сохранившееся добро и распредѣлили его между собою.

Уцѣлѣли два пистолета, ружье и ножи, надѣтые на насъ; изъ двухъ полныхъ пороховницъ и охотничьихъ сумъ оказалось по одной; провизіи осталось не болѣе четверти; прочее все погибло въ волнахъ рѣки.

Размѣстивъ кое-какъ на себѣ ношу, я поднялся на затекшія ноги, расправилъ ихъ и, чуть не сорвавшись въ воду, перескочилъ на сосѣдній камень. Оправившись я перескочилъ на слѣдующій. Янъ, опираясь на ружье, слѣдовалъ за мною. Брутъ, оставшійся одинъ на мѣстѣ крушенія, завылъ и закружилъ, не рѣшаясь прыгнуть черезъ проливчикъ.

— Брутъ, Брутъ! — крикнулъ я. — Сюда ко мнѣ!

Онъ перемахнулъ первый пролетъ и пустился за нами.

Въ иныхъ мѣстахъ приходилось дѣлать опасные, чуть не саженные прыжки. У Яна при одномъ изъ нихъ соскользнула нога; онъ взмахнулъ ружьемъ и полетѣлъ въ воду; по счастью, онъ успѣлъ уцѣпиться правой рукой за выступъ камня и послѣ нѣсколькихъ усилій, тяжело взобрался на него; какими то судьбами ружье онъ удержалъ, за то провизию, взятую имъ на свое попеченіе, унесло теченіе.

До берега оставалось немного; мы передохнули и пустились дальше; слѣдующій промежуточный камень находился подъ водою; я прыгнулъ на него и очутился по колѣно въ ней. Дальше прыгать было некуда. До берега оставалась еще довольно широкая полоса воды; приблизительно на аршинѣ глубины желтѣло песчаное дно.

Промокнуть больше, чѣмъ это уже случилось, не представлялось возможности. Я снялъ пороховницу и пистолеть, поднялъ ихъ надъ головой, и вбродъ добрался до берега.

Янъ шелъ за мною. Брутъ, фыркая, вплавъ опередилъ его; выскочивъ на отмель,

онъ залаялъ и принялся стряхиваться и кататься по песку.

Твердая земля вернула намъ хорошее настроеніе духа; смѣясь и шутя надъ нашей ночевкой на скалахъ, мы съ Яномъ принялись раздѣваться и выжимать бѣлье и платье, затѣмъ разложили все на камняхъ сушиться, а сами, съ волчьимъ, аппетитомъ стали шарить въ моей охотничьей сумкѣ.

Въ ней отыскался подмокшій черный хлѣбъ, кусокъ сыру, нѣсколько сырыхъ картофеля и спички.

Сокровища эти были вытащены и разложены на огромномъ обломкѣ гранита; онъ замѣнилъ столъ.

Янъ выкопалъ ямку и сложилъ надъ нею костеръ; я съ большимъ трудомъ зажегъ одну изъ всѣхъ мокрыхъ спичекъ и языки огня весело лизнули затрещавшіе сучья. Когда часть ихъ прогорѣла, Янъ осторожно разгребъ горячую золу, положилъ въ ямку картофелины и засыпалъ ихъ той же золою.

Янъ нѣсколько разъ тыкалъ палочкой въ картофель и убѣдившись, что тотъ наконецъ испекся, выкатилъ его изъ костра и мы, перебрасывая его изъ руки въ руку, принялись закусывать.

Брутъ обладалъ удивительнымъ аппетитомъ. Онъ проглатывалъ все, что ни давали ему: хлѣбъ, обуглившуюся картофельную шелуху, корки сыра, — все это разомъ исчезало въ его бездонной утробѣ.

Бѣлье скоро высохло; мы облачились въ него и разлеглись на песокѣ.

Отъ Вильны мы находились верстахъ въ двѣнадцати по прямому пути. Дальнѣйшей дороги къ Нѣману мы не знали и такъ какъ рассчитывали благополучно добраться до не-

го водою, то я не захватилъ съ собою ни карты ни компаса.

Направляться къ Нѣману, держась изви-
листыхъ береговъ Вилии,—значило удлинять
путь и напрасно утомлять себя. Единствен-
ное же, что было извѣстно намъ—это, что
Нѣманъ находится на западъ отъ Вильны и
что между ними лежитъ городокъ Троки.

Я предложилъ добратъся до Трокъ, осто-
рожно разспросить тамъ про дорогу къ Нѣ-
ману и перебираться такимъ образомъ изъ
мѣстечка въ мѣстечко; въ случаѣ же если
бы гдѣ нибудь не удались развѣдки, я рѣ-
шилъ опредѣлять направленье по солнцу.

Янъ согласился со мной.

Немного погодя, онъ ощупалъ платье и
объявилъ, что можно одѣваться; по его оп-
редѣленію было часовъ около семи утра.

Мы одѣлись, тщательно перетерли ору-
жіе, зарядили пистолеты, — пороха и писто-
новъ вода не коснулась — заткнули ихъ за
пояса, я вскинулъ ружье на плечо и мы
бодро принялись карабкаться на гору.

Г л а в а XII

Громадныя, пороспія угрюмымъ боромъ,
Понарскія горы еще не такъ давно пользо-
вались мрачною славой. Съ давнихъ временъ,
глубокіе, какъ пропасти, овраги ихъ служили
разбойничьими притонами; пролежавшая черезъ
нихъ дорога въ Польшу, именовавшаяся Вар-
шавскимъ шляхомъ, считалась самой опасной.

Нынѣ разбойниковъ нѣтъ на ней, но мно-
жество сказаній о дѣлахъ, творившихся въ
тѣхъ мѣстахъ, и о зарытыхъ тамъ кладахъ

живуть до сей поры и окружають вершины Понарскихъ горъ страшнымъ и загадочнымъ ореоломъ.

Съ трудомъ взбирались мы съ Яномъ по сыпучему песку. Ружье оттянуло мнѣ плечо; наконецъ мы достигли вершины и пріютились подъ неохватными для обоихъ насъ соснами. Знойный, пропитанный смолою воздухъ былъ душенъ; тишина царила необычайная; шумъ Виліи, оставшейся далеко въ сторонѣ, не долеталъ до насъ.

На голубомъ горизонтѣ, окутанная дымкой, видѣлась Вильна. Глазъ различалъ Замковую гору съ неясными развалинами на ней и каѳедральный костель внизу, возведенный на мѣстѣ древняго Ромове. Въ долину по округлымъ зеленымъ холмамъ извивалась, направляясь къ намъ, дорога, мѣстами она сбѣгала въ овраги; слѣва, вся въ уборѣ изъ живописныхъ горъ, синѣла Вилія.

Передохнувъ, мы вступили въ лѣсъ и отыскивали видѣнную нами дорогу. Она врѣзывалась въ гору по глубокому ущелью съ почти отвѣсными стѣнами; мы спустились въ него, но нестерпимая духота заставила насъ опять подняться и идти въ тѣни сосенъ.

Скоро начался спускъ; дорога углубилась въ густой лиственный лѣсъ; полутьма и прохлада охватили насъ. Шагалося легко, на душѣ было весело; Брутъ носился впереди и обнюхивалъ придорожные кусты.

Встрѣчныхъ не попадалось. Изрѣдка лѣсъ обрывался, развертывались покрытые рожью поля, но они почти сейчасъ же опять смѣнялись деревьями.

Солнце давно уже перевалило за половину неба, т. е. было, значитъ, около двухъ

часовъ дня, когда я почувствовалъ, наконецъ, что идти дальше не въ состояніи. Янъ шагаль бодрѣе, но и онъ подумывалъ объ отдыхѣ.

Мы свернули въ сторону и, отойдя съ полверсты, наткнулись на глухую полянку, закрытую со всѣхъ сторонъ зарослями орѣшника. Я бросилъ ружье и съ наслажденіемъ повалился на траву.

Янъ сложилъ около меня вещи, захватилъ котелокъ и отправился отыскивать воду.

Вставать было лѣнь; я потянулъ къ себѣ лежавшую неподалеку сумку и заглянулъ въ нее.

На холщевомъ днѣ ея сиротливо темнѣлъ одинъ единственный ломоть чернаго хлѣба. Какъ ни шарилъ я во всѣхъ уголкахъ сумки,—ничего больше не оказалось.

Необходимо было отправиться на охоту. Не имѣя мѣрки къ ружью, я натрясъ на ладонь изрядную кучку пороха и всыпалъ его въ дуло; почему-то порція эта мнѣ показалась недостаточной, я добавилъ еще столько же, забилъ пыжъ, затѣмъ хотѣлъ вложить пулю, но разсудивъ, что мы еще не въ Америкѣ и встрѣчи съ бизонами ожидать нечего, замѣнилъ ее пригоршней дроби, находившейся въ мѣшкѣ съ пулями у меня за поясомъ. Поверхъ всего этого я опять вогналъ тугой пыжъ.

Вся эта операція, благодаря моему полному неумѣнію, заняла много времени.

Брутъ, положивъ голову на лапы, внимательно слѣдилъ за мной.

Я бережно помѣстилъ поперекъ колѣнъ ружье и, не безъ волненія, сталъ ожидать Яна.

Наконецъ, кусты раздвинулись и онъ появился съ котелкомъ, полнымъ воды.

Я сказалъ, зачѣмъ иду и, съ сознаніемъ важности принятой на себя обязанности, углубился въ лѣсъ.

Почва понизилась, сдѣлалась кочковатою, дубы и березы быстро смѣнились осинникомъ и кустами; сталъ попадаться папоротникъ, овѣяло сыростью и гнилымъ листомъ.

Брутъ вдругъ насторожился, вытянулся и быстро пошелъ впередъ.

Я весь охваченный первымъ охотничьимъ ознобомъ и, держа ружье наготовѣ, сталъ красться за нимъ.

Въ просвѣтѣ кустовъ блеснула вода. Она открывалась все больше и больше; на ней показались широкіе листы кувшинокъ; подъ ногами у меня хлюпало, но я, не отрывая глазъ, смотрѣлъ не внизъ, а впередъ на середину озера.

Брутъ вдругъ сталъ, какъ вкопанный.

Меня точно ударило въ сердце: шагахъ въ двадцати, за сквозившимъ кустомъ, плавала стая дикихъ утокъ.

Я прицѣлился въ середину ея, но дрожалъ такъ, что ружье ходуномъ ходило въ рукахъ.

Видя, что не попаду при такихъ условіяхъ, я уперъ конецъ ствола въ развилокъ сучка; онъ чуть хрустнулъ, и всѣ утки, какъ одна, застыли и вытянули шеи.

Я быстро дернулъ спускъ; грянулъ выстрѣлъ.

Меня съ силой толкнуло въ плечо, и я почувствовалъ, что почему-то лежу на мокрой землѣ, и у меня нѣтъ ничего въ рукахъ.

Я быстро вскочилъ на ноги и схватилъ ружье, валявшееся шагахъ въ трехъ позади

меня. Оно было невредимо, но дымилось, какъ фабричная труба.

Я бросился ближе къ озерку и увидалъ Брута, гонявшагося по водѣ за подстрѣленною уткой. Брызги летѣли во всѣ стороны.

Три другихъ птицы плавали у берега брюшками вверхъ. Внѣ себя отъ восторга, я пригналъ ихъ ближе прикладомъ и выхватилъ изъ воды. Утки были отборныя.

Брутъ сцапалъ, наконецъ, за голову вынырнувшую около самой его морды, раненую птицу и вышелъ съ нею на берегъ. Я присоединилъ ее къ тремъ остальнымъ и напрямикъ, сквозь кусты, бѣгомъ пустился на мѣсто привала.

— Эге?! — услыхалъ я гдѣ-то среди деревьевъ испуганный, какъ мнѣ показалось, голосъ Яна. — Гдѣ ты, ау?

— Здѣсь! — торжествующе крикнулъ я, пробираясь на встрѣчу Яну и, завидѣвъ его, поднялъ вверхъ добычу.

— А я думалъ, ружье у тебя разорвало! — съ облегченіемъ сказалъ онъ, не взглянувъ даже на утокъ. — Такъ грохнуло, ажъ у меня звонъ въ ушахъ до сихъ поръ стоитъ!

Мы вернулись на полянку, и я увидалъ торѣвшій, блѣдный отъ дневного свѣта, костеръ; надъ нимъ дрожали и переливались струи воздуха.

Сейчасъ же мы принялись щипать и чистить птицъ.

Я рассказалъ про свою охоту, но чтобы не поколебать уваженія, съ которымъ глядѣлъ на меня Янъ, про паденіе свое и боль въ плечѣ умолчалъ.

Янъ вырѣзалъ пруть, нанизалъ на него утокъ и подвѣсилъ надъ огнемъ; аппетитный

запахъ распространился по полянкѣ; Брутъ, облизываясь, глядѣлъ на нихъ.

Мы дружно принялись уничтожать вкусное жаркое.

Ярко-голубое небо, смотрѣвшее на полянку, уже утратило знойный блескъ; солнце сквозило на западѣ въ просвѣты деревьевъ; они бросали длинныя тѣни; начинала чувствоваться свѣжесть.

— Пора и въ путь! — замѣтилъ Янъ, укладывая оставшееся жаркое въ сумку.

Мы напились воды изъ котелка, остатки вылили на догоравшій костеръ и тронулись дальше.

Я съ удовольствіемъ остался-бы лежать гдѣ нибудь подъ деревомъ, но самолюбіе не позволяло выказать передъ своимъ спутникомъ слабость въ какомъ-бы то ни было отношеніи; къ тому же я зналъ, что въ лиственномъ лѣсу ночью холоднѣе чѣмъ въ хвойномъ и потому молчалъ и терпѣливо тащилъ ружье, давившее меня, какъ пудовая гиря.

Дорога на которую мы выбрались, пошла по песку. Чернотѣсье смѣнилось боромъ; запахъ смолы опять охватилъ насъ. Идти становилось все труднѣе; подходящаго мѣста для ночлега не встрѣчалось.

Янъ, посвистывавшій сначала, скоро замолкъ и началъ оглядываться.

До заката солнца времени оставалось немного.

— Троки, должно быть, еще далеко, — замѣтилъ Янъ, — до нихъ не дойдемъ сегодня.

— А вотъ сейчасъ остановимся! — отвѣтилъ я и указалъ на замѣченные мной справа за дорогой конусообразные песчаные буг-

ры, поросшіе елями. Они производили впечатлѣніе зубчатой короны, поставленной на золотистомъ блюдѣ.

— Тутъ и ночь проведемъ; и огонь развести можно будетъ, никто не замѣтитъ съ дороги!

Мы добрались до бугровъ, отыскивали укромную котловинку, похожую на дно кратера, и рѣшили остаться въ ней.

Лучшаго мѣста желать было невозможно; со всѣхъ сторонъ его закрывали высокія песчанныя стѣны, увѣнчанныя по гребню шатрами елей.

— Славно спать будеты! — замѣтилъ Янъ — песокъ то теплый еще!

Мы наготовили ворохъ сучьевъ, развели небольшой костеръ и улеглись по сторонамъ его.

Не помню, чтобъ когда нибудь я съ такимъ наслажденіемъ растягивался на постели, съ какимъ сдѣлалъ это на голомъ пескѣ!

За отсутствіемъ подушки я подгребъ себѣ подъ голову кучку песку и покрылъ ее носовымъ платкомъ.

— Хорошо, что Брутъ съ нами! — замѣтилъ Янъ. — Сторожить ночью не надо. Доброй ночи!

И онъ закутался въ свое дырявое пальто. Я сдѣлалъ то-же.

Пріятная теплота отъ огня и пріютившагося около меня Брута разливалась по жиламъ и нѣжила.

Еще голубѣвшее небо пронизывали блѣдно алые, послѣдніе лучи солнца. Свѣжѣвшій воздухъ вливалъ въ грудь какое-то особенное, упоительное чувство, схожее съ тѣмъ, когда видишь во снѣ, что летишь куда-то.

Я перевелъ взглядъ съ вышины на песчаную вершину холма, увидалъ какой то бѣлѣвпій тамъ камешекъ и вѣки мои сомкнулись.

Г Л А В А XIII

Когда я проснулся, свѣжѣло утро. Нѣсколько минутъ я не могъ придти въ себя и понять что со мной. Я лежалъ на днѣ глубокой песчаной ямы подъ открытымъ небомъ; солнце румянило острыя вершины елей; нижнія части ихъ оставались еще въ тѣни.

Около потухшаго костра спали Янъ и Брутъ. Послѣдній поднялъ морду, поглядѣлъ на меня и сунулъ ее опять подъ брюхо.

Голова у меня болѣла, все тѣло ныло; до плеча, благодаря вчерашней охотѣ, больно было дотронуться. Я разстегнулъ куртку и осмотрѣлъ его — оно все вспухло и посинѣло.

Я всталъ и почувствовалъ такую слабость, что зашатался.

Тѣмъ не менѣе все ускоряя шагъ, я описалъ нѣсколько круговъ по котловинѣ, продѣлалъ, стиснувъ зубы отъ боли въ плечѣ, ручную гимнастику и это нѣсколько укрѣпило меня.

Тогда я подошелъ къ Яну и разбудилъ его.

Онъ высунулъ изъ подъ пальто растрепанную голову, поглядѣлъ на меня мутными глазами и хотѣлъ опять нырнуть въ тепло.

Я сдернулъ съ него пальто и рѣшительно заявилъ, что пора трогаться въ путь. Янъ сладко зѣвнулъ и поднялся.

— Ты нездоровъ?—вдругъ спросилъ онъ взглянувъ на меня.

— Нѣтъ, а что?

— Такъ... Лицо у тебя блѣдно очень!

Я ощупаль почему то щеки руками и отвѣтилъ, что не привыкъ спать безъ подушки и оттого у меня болитъ голова.

Умыться было нечѣмъ. Мы съ Яномъ принудили себя съѣсть для подкрѣпленія силъ по утиной ножкѣ; я зарядилъ ружье, причемъ наученный горькимъ опытомъ, раза въ три уменьшилъ количество пороха и дробы.

Какъ было условлено заранѣе, въ этотъ день очередь стать охотникомъ была за Яномъ. Я съ удовольствіемъ передалъ ему все принадлежности для охоты и мы пустились въ путь.

Освѣтившее насъ солнце подѣйствовало на меня благотворно; лучи его придали мнѣ силы, и скоро я окрѣпъ настолько, что началъ шутить и смѣяться.

Лѣсъ остался позади; открылся широкій просторъ зеленыхъ луговъ. Черезъ нѣсколько верстъ начался подъемъ на отлогій, но довольно высокій пригорокъ, закрывавшій отъ насъ часть горизонта. Обсаженная старыми, развѣсистыми березами дорога огибала его слѣва.

Мы направились по ней.

Изъ-за края пригорка выглянулъ бѣлый домикъ, за нимъ другой, третій.

— Что это?—спросилъ я.—Не Троки-ли?

Янъ тоже не зналъ. Мы остановились.

Показаться въ городъ было опасно, но на одну охоту въ незнакомой мѣстности рассчитывать не приходилось и необходимо было запастись съѣстными припасами.

Мы условились, что отвѣчать на случай разспросовъ, и двинулись дальше.

Небольшой, кое какъ разбросанный городокъ, нѣкогда столица Литвы, съ кривыми, узкими улицами и низенькими строеніями открывался все болѣе и болѣе. На встрѣчу попадались евреи, — большею частью оборванные. На насъ кидали любопытные взгляды; нѣкоторые даже останавливались и подолгу глядѣли намъ вслѣдъ; заговаривавшимъ съ нами мы не отвѣчали, такъ какъ иначе никогда не добрались бы до города.

Скверный запахъ и превратившаяся въ сплошныя и грязныя колдобины дорога, указали, что мы въ самомъ городѣ.

Съ обѣихъ сторонъ, словно нищіе на паперти, тянулись въ два ряда низенькіе, искалѣченные временемъ домики; у иныхъ прогнили крыши и обвалились трубы, другіе покосились на бокъ, у третьихъ выбитыя стекла были залѣплены бумагой, отчего они производили впечатлѣніе глазъ, заклеенныхъ пластырями.

У многихъ мезониновъ выступали на улицу кокетливые когда то балкончики; на нихъ сушилось бѣлье и матрацы весьма живописнаго вида. На облитой помоями улицѣ играли кучки чумазыхъ, полуголыхъ ребятшекъ.

Растрепанная еврейка, выливъ грязное ведро чуть не на сапоги намъ, остановилась и уставилась на насъ. Изъ полуотворенныхъ дверей и оконъ выглядывали женщины; онѣ стрекотали и перекидывались черезъ улицу бранью и какими то замѣчаніями на нашъ счетъ.

Не торопясь мы дошли до перваго угла и свернули вправо. Закоулки, въ которые

мы вступили, были пусты и тихи; жизнь затихала по мѣрѣ удаленія отъ главной улицы городка.

— Куда мы идемъ? — съ недоумѣніемъ обратился ко мнѣ Янъ. — Вѣдь, навѣрное, той улицы держаться надо!

— На озеро взглянемъ, — отвѣтилъ я. — Оно за бугромъ должно быть!

Впереди вздымались громадные, частью уже рухнувшія, кирпичныя стѣны.

— Это что? — спросилъ Янъ, оглядывая ихъ.

Я ускорилъ шаги и, рассказывая ему исторію темноокрасныхъ развалинъ, не сводилъ съ нихъ глазъ. Волненіе захватывало меня. Давнишняя мечта исполнялась, — я приближался къ преддверію мѣстъ, къ которымъ относился съ любовью и благоговѣніемъ!

Передъ нами высились развалины мужского монастыря и храма Рождества Богородицы, основанныхъ великимъ княземъ Витовтомъ. Въ 1623 году они перешли въ руки базилианъ, а въ XVIII вѣкѣ къ доминиканцамъ, у которыхъ и сгорѣли во время большого пожара въ Трокахъ.

Сводовъ надъ стѣнами не было. Одинъ изъ обваловъ открывалъ огромную, поросшую кустами и травой залу; ее усѣивали груды кирпичей и мусора: въ глубинѣ чернѣли отверстія исчезнувшихъ дверей; въ высоко пробитыя готическія окна голубѣло небо.

По узкой тропкѣ, пролегавшей между высокими безмолвными стѣнами, мы направились дальше и очутились на покрытомъ камнями и поросшемъ травою бугрѣ; вершину его занималъ просторный и ши-

рокій дворъ, обнесенный хорошо сохранившимися красными крѣпостными стѣнами и башнями. *) На зубцахъ ихъ недвижно бѣлѣли поджавшіе ноги аисты. Тишина и полное безлюдье довершали красоту двора.

Я глянулъ впередъ, и меня приковало къ мѣсту. Всю необъятную даль захватывала разстилавшаяся внизу голубая гладь. На самомъ горизонтѣ кутались въ синь лѣса; вдоль далеко отстоящихъ другъ от друга береговъ зеленѣли камыши. Среди озера вставалъ изъ воды островъ съ развалинами замка Кейстута; башни и стѣны, окаймлявшія его, частью рухнули, частью выглядывали изъ за густыхъ шапокъ деревьевъ. За ними тянулась цѣпь все уменьшавшихся островковъ.

Не знаю, сколько времени провелъ я, забывъ все, на вершинѣ холма, крутымъ мысомъ вдававшегося въ озеро. Меня растормошилъ Янъ и потащилъ къ отысканному имъ выходу; ветхая калитка стояла открытой; мы прошли черезъ нее и, лѣпясь по обрыву, спустились къ водѣ. У берега спали старыя, чуть не современные замку, огромныя, неуклюжія лодки.

На меня нашло непреодолимое желаніе прокатиться по озеру; кругомъ не было ни души и нанять лодку не представлялось возможности; мы взяли самую маленькую. Янъ раздобылъ двѣ доски, замѣнившія весла, и дощаникъ нашъ, тяжело покачиваясь, отошелъ отъ берега.

*) Тридцать лѣтъ спустя я былъ въ тѣхъ же мѣстахъ и не узналъ ихъ: ничего не осталось отъ величавыхъ развалинъ на берегу!

Гребъ Янъ; я свѣсилъ черезъ бортъ и глядѣлъ въ воду—прозрачную, глубокую, зеленую. Несмотря на близость берега, глубина доходила до нѣсколькихъ сажень; на песчаномъ днѣ виднѣлись небольшіе камни, колыхались длинныя, блѣдныя водоросли.

Мнѣ вспомнилось древнее преданіе про это озеро — Гальву.

Ходятъ рассказы, что никогда не отдаетъ оно утонувшихъ въ немъ. Островъ Кейстута стоитъ, будто бы, на прозрачныхъ скалахъ, а внутри ихъ идутъ ходы въ огромный залъ. Въ немъ среди жрецовъ-вайделотовъ, на черномъ жертвенномъ камнѣ сидитъ, опершись на жезлъ, послѣдній великій Криве-Кривейто — сѣдобородый Гинтовтъ и слушаетъ, что творится на свѣтѣ.

Красноглазыя рыбы приводятъ къ нему утопленниковъ, и старецъ спрашиваетъ о событіяхъ на землѣ, затѣмъ киваетъ головою, приведенные превращаются въ камни, и въ подводномъ гротѣ опять наступаетъ безмолвіе.

Криве-Кривейто ждетъ чудной вѣсти: она расторгнетъ прозрачные своды грота, и сизымъ дымомъ взвѣются навѣрхъ всѣ заключенные въ немъ. Ждетъ Гинтовтъ вѣсти, что сброшенъ крестъ и колоколъ съ древней башни въ долину Свенторога, что разрушена Вильна, и на мѣстѣ ея шумитъ, какъ прежде, священный дубовый лѣсъ; что окруженный литовцами Эвартъ-криве *) стоитъ, подъявъ руки, весь въ бѣломъ, у пылающаго жертвеннаго костра и шлетъ жаркую молитву великому избавителю — огневолосо-

*) Второй первосвященникъ.

му богу Перкуну и кровью козла *) окропляетъ присутствующихъ.

Но золоченый крестъ по прежнему сіяетъ и висится на древней башнѣ надъ Ромове, и сѣдой Криве-Кривейто напрасно ловить звуки извнѣ. Нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ среди тишины ему чудятся переливы свирѣлей изъ камыша и пѣніе, но то волны шепчуть, лаская берега островка.

Бури, гудя надъ равниной воды, заставляютъ вздрагивать стараго Гинтовта; тяжкія ухастья обросшихъ мохомъ камней, срывающихся со стѣнъ и башенъ замка Кейстута, отдаются въ сердцѣ его; не топотъ ли это косматыхъ коней литовцевъ, не дружины ли ихъ, трубя въ рога, мчатся на Вильну изъ чащи дикихъ лѣсовъ своихъ?..

Нѣтъ... спятъ по курганамъ храбрыя дружины Литвы; безмолвны засыпанные землей звонкогрозные рога ихъ...

Дощаникъ ткнулся въ берегъ островка и толчекъ прервалъ мечты мои; я клонулъ носомъ въ свисавшія надъ водой длинныя вѣтви густыхъ кустовъ, переплетенныхъ цѣпкою ежевикой и расцарапалъ себѣ лицо. Но я почти и не замѣтилъ этого; вѣдь я стоялъ на землѣ, по которой ходилъ Кейстутъ!

Стѣны, когда-то сплошь окружавшей островъ, на мѣстѣ нашего причала не существовало.

По грудамъ кирпича и щебня я поднялся во внутренній дворъ; Янъ остался привязывать лодку.

У стѣнъ, изъ башенъ, въ углахъ двора—вездѣ подымались деревья. По изрубленнымъ

*) Жертвенное животное въ древней Литвѣ.

временемъ гребнямъ стѣнъ зеленѣла трава, цѣплялись кусты и низкорослыя деревья; вправо, на усѣянномъ обломками кирпича холмѣ, вставалъ замокъ.

Стѣны его высоко вздымались къ небу. Я подошелъ ко входу.

Открылся залъ; небо служило ему кровомъ; полъ устилали обросшіе бархатно-зеленымъ мохомъ камни. Во внутреннихъ стѣнахъ изгибались арки—входы въ другія залы и комнаты; въ одномъ изъ угловъ обозначалось мѣсто ведшей когда то навѣрхъ винтовой лѣстницы; въ нишахъ главнаго зала можно было различить писанные нѣкогда красками портреты дамъ и князей.

Долго не сводилъ я съ нихъ глазъ и въ смутныхъ очертаніяхъ лицъ силился угадать, кто они—эти тѣни прошлаго, какова была ихъ жизнь, что сдѣлали они на землѣ?

Тишина царила неизъяснимая.

Чуть ступая, боясь нарушить безмолвіе замка, рассматривая каждый уголъ, я пробирался впередъ, и предо мною опять блеснуло и засинѣло озеро. Закрывавшая его въ былые годы передняя стѣна лежала во прахѣ; камни ея осыпали весь скатъ высокаго холма.

Въ какомъ то опьянѣніи я опустился у подножія уцѣлѣвшей стѣны на землю и глядѣлъ, и не могъ наглядѣться на окрестности.

Замокъ у котораго я сидѣлъ, былъ выстроенъ въ XIV вѣкѣ княземъ Гедединомъ и подаренъ затѣмъ сыну его Кейстуту. Этотъ островъ служилъ любимѣйшимъ мѣстопробываніемъ легендарному герою Литвы.

Тамъ же родился знаменитый Витовтъ присоединившій къ Литвѣ почти всю Южную Россію...

Глава XIV

Янъ тѣмъ временемъ заглядывалъ во всѣ пролазы и ямы во дворѣ, въ надеждѣ отыскать входъ въ тайники, гдѣ, по преданію, хранились сокровища великихъ князей.

Брутъ, предполагая, вѣроятно, что Янъ голоденъ и ищетъ кротовъ, усердно тыкался въ землю носомъ и разгребалъ норы ихъ лапами.

Я присоединился къ нимъ, но, несмотря на всѣ поиски наши, входа въ подземелья не отыскалось.

Голодъ заставилъ насъ вспомнить, что надо возвращаться въ городъ и запасаться провизіей.

Стоявшее отвѣсно солнце палило по африкански.

Прозрачная свѣтлая вода соблазняла меня. Я раздѣлся, спрыгнулъ съ кормы и ухватился за киль; лодка тихо плыла впередъ и влекла меня за собою. А я, полный неизъяснимаго блаженства, неподвижно лежалъ съ тѣневой стороны; мнѣ чудилось, что я потерпѣлъ крушеніе и плыву одинъ среди шири океана; сердце замирало. Словно чьи то длинныя цѣпкія руки, тянулись со дна гибкія водоросли; до поверхности онѣ не достигали. Нѣтъ нѣтъ и я погружалъ лицо въ воду, открывалъ глаза и видѣлъ все въ иномъ, желтоватомъ освѣщеніи. Лучи солнца серебристо-пыльными полосами прорѣзывали воду. Иногда на самомъ почти днѣ появлялись и по долгу, словно сторожа меня, неподвижно простаивали большія рыбы.

Брутъ нѣсколько разъ выглядывалъ изъ лодки. Наконецъ онъ не выдержалъ, бултых-

нулся какъ чурбанъ, въ воду и поплылъ рядомъ со мною.

— Эй?! — окликнулъ черезъ нѣсколько времени Янъ, и я увидалъ, что онъ перевѣсился черезъ бортъ и глядитъ на меня. Лодка накренилась.

— Что ты не выходишь? Я ужъ думалъ не утонулъ-ли ты! Вылѣзай скорѣе!

Мы поставили лодку на прежнее мѣсто и отправились въ городъ. Янъ взялъ на себя закупку провизіи, я долженъ былъ развѣдать про дорогу на Нѣманъ; чтобы не возбудить подозрѣній, мы рѣшили не показываться вмѣстѣ и условились встрѣтиться въ развалинахъ монастыря. Въ кустахъ у одной изъ внутреннихъ стѣнъ мы спрятали наше оружіе, прикрыли его камнями и пустились каждый по своимъ дѣламъ.

Выбравшись изъ мертвенно тихихъ и пустынныхъ закоулковъ на болѣе людную улицу, я засунулъ руки въ карманы и, принявъ безпечный видъ, завернулъ въ первую попавшуюся лавченку.

За крохотнымъ прилавкомъ умѣщалась толстая торговка въ черномъ парикѣ—обычномъ головномъ уборѣ еврейскихъ замужнихъ женщинъ.

На темныхъ полкахъ виднѣлись кое-гдѣ спички, вакса, табакъ, пучки морковки, связки сушеной рыбы; я обвелъ все это взглядомъ и затруднился, что спросить себѣ.

— Что панычу угодно? — вкрадчиво сказала хозяйка.—Можетъ шеколаду? и шеколадъ у меня есть.

Я обрадовался.

— Вотъ, вотъ! Дайте шеколаду!

Еврейка вынула откуда то палочку съ испорченной солищемъ и мухами оберткой.

Я заплатилъ деньги, сѣлъ на табуретъ у прилавка, переломилъ палочку и, спрятавъ одну половину для Яна, медленно сталъ смаковать другую. Шеколадъ сильно смахивалъ на дерево.

— А панычъ не здѣшній? — опять заговорила она. — Вы откуда?

— Я изъ Минска... Въ Ландваровѣ*) ждать пришлось, такъ мы приѣхали сюда на озеро взглянуть.

— А кто еще съ панычемъ? Родственники?

— Да... — уклончиво отвѣтилъ я. — А что Нѣманъ далеко отсюда?

— Нѣ-ѣманъ? Нѣманъ, охъ далеко? Зачѣмъ панычу Нѣманъ?

— Да такъ спросилъ. Говорятъ красивая рѣка очень. Я слыхалъ, что Троки на Нѣманѣ?

— Це це це!.. — Еврейка закачала головой. — Это посмѣялся кто то надъ панычемъ! Сто верстъ до Нѣмана, вотъ сколько отсюда до Нѣмана!

— Не можетъ быть! — съ изумленіемъ воскликнулъ я.

— Ну, и можетъ быть! — возразила еврейка. — И какъ-же не можетъ быть, когда надо ѣхать на Старыя Троки, а оттуда на Рудзишки, а оттуда на Душмяны, а оттуда на Пуне? Я же знаю, — тамъ торговля у насъ!

*) Станція желѣзной дороги неподалеку отъ Трокъ

— Это вы крюкъ даете! — увѣренно замѣтилъ я. — Къ Нѣману можно и ближе проѣхать!

— Какъ это можно ближе? Вы думаете на Дерсунишки надо? А что намъ въ Дерсунишкахъ дѣлать, когда мы торгуемъ въ Пуне?

Въ Дерсунишкахъ, дѣйствительно, въ такомъ случаѣ дѣлать ей было нечего. Я замолкъ; еврейка продолжала сыпать словами; въ нѣсколько секундъ я узналъ, гдѣ ихъ лавка въ Пуне, чѣмъ торгуютъ, и сколько дѣтей у нихъ. У меня начало трещать въ головѣ.

— За то на Дерсунишки дорога лучше, — ночью поѣзжай, не собьешься! — перебилъ я потокъ рѣчей хозяйки.

— Дорога-а? на Пуне лучше! На Пуне большакъ идетъ, — его за милю видно. А на Дерсунишки проселками ѣхать надо, и все болота кругомъ, а комары!.. — вотъ такіе комары! — она растянула пальцы на добрую четверть. — Укусятъ — семь дней чешется! И вовсе не дальше Дерсунишекъ: Пуне на милю ближе!

— Ну желаю вамъ хорошей торговли! — проговорилъ я, вставая. Все, что требовалось — было мною развѣдано. — Что, я не опоздалъ еще къ поѣзду?

— А какой поѣздъ панычу надо?

— На Вильну.

— Еще панычъ спать можетъ лечь, и то поспѣетъ.

Я купилъ пару коробокъ спичекъ, распрощался со словоохотливой еврейкой и направился къ мѣсту свиданія.

Янъ былъ уже тамъ; онъ сидѣлъ на камняхъ и укладывалъ закупленные имъ

чай, сахаръ, хлѣбъ, соль, картофель, два стакана и яйца въ сумку и въ только что приобрѣтенный имъ небольшой мѣшокъ.

Мы закусили, накормили Брута и, рассказывая другъ другу свои похождения, пустились къ Старымъ Трокамъ.

Безмолвные закоулки города скоро остались за нами; озеро и развалины скрылись. Мы вышли на зеленый выгонъ и скоро очутились на перекресткѣ.

Гдѣ лежали Старыя Троки, я хорошо зналъ изъ исторіи; поэтому я увѣренно направился по вновь встрѣтившейся дорогѣ.

Жаръ спадалъ. Судя по солнцу, было часовъ около пяти. Идти приходилось въ гору.

Не больше, какъ черезъ часъ, мы завидѣли убогую деревушку, состоявшую всего изъ четырехъ курныхъ избенокъ. Онѣ то и изображали Старыя Троки.

— Только и всего? — сказалъ Янъ, оглядѣвъ ихъ. — Вотъ такъ городъ! Я думалъ, что онъ больше тѣхъ Трокъ! — И онъ повелъ и фыркнулъ носомъ, что выражало у него презрѣніе.

А между тѣмъ въ началѣ Х вѣка тамъ, гдѣ стояли мы, находился богатый городъ Гургони — резиденція кунигасовъ Довштрунговъ.

Русскій князь Владиміръ Святой разрушилъ Гургони, — на пепелищѣ ихъ заложилъ Троки и оставилъ въ немъ намѣстника и дружину для сбора дани. Въ XIII вѣкѣ Троки взяли и разрушили нѣмецкіе рыцари. Въ 1320 году Гедеминъ перенесъ городъ къ озеру Гальвѣ и воздвигъ неурistusный замокъ среди него. Старыя Троки пришли въ запустѣніе.

Не осталось ни стѣнъ, ни рововъ, ничего, что напоминало бы о бурномъ прошломъ славнаго города; только зеленое море ржи колыхалось и шелестѣло на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ онъ...

Передъ нами пролегали четыре проселка; всѣ они шли на Юго- и Сѣверо-Западъ; знаменитаго, виднаго «з а м и л ю» большака, о которомъ говорила еврейка, не было и слѣда.

На перекресткѣ высился громадный черный крестъ съ распятіемъ посрединѣ *).

Думая, что проглядѣли «большакъ», мы вернулись къ другому концу деревеньки и опять осмотрѣлись. Нѣтъ, — равнина открывалась верстъ на пять кругомъ и только рожь кланялась со всѣхъ сторонъ. Далеко, далеко синѣлъ лѣсъ.

Приходилось обратиться съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ.

Сколько ни стучали мы въ грязное окошко первой избы, — никто не отозвался.

Мы перешли ко второй и барабанили въ нее до тѣхъ поръ, пока не показалась трясущаяся голова древней, беззубой старухи. Я по-польски спросилъ ее, гдѣ дорога на Рудзишки.

Старуха не поняла.

Я перешелъ на русскій языкъ, затѣмъ на литовскій, — результатъ былъ тотъ же.

Я безпомощно оглянулся на Яна.

Старуха глядѣла на насъ почти слѣпыми, бѣлыми глазами и молчала.

*) Польскій обычай, перешедшій въ Литву. Такіе кресты или же каменные столбы, находятся не только на перекресткахъ, но и вообще у дорогъ.

— Глухая, глухая... — прошамкала, наконецъ, она по литовски. — Нѣтъ въ деревнѣ никого, я одна!

Я махнулъ рукою и отошелъ.

За сосѣднимъ плетнемъ играли на землѣ бѣлоголовые ребятишки. Завидѣвъ насъ, они, какъ зайцы, бросились въ разсыпную и скрылись во ржи, подступавшей вплотную къ дверямъ.

Что оставалось дѣлать?

Посоветовавшись съ Яномъ и выбравъ наиболѣе наѣзженную дорогу, мы направились по ней.

Близился закатъ; красный кругъ солнца погружался за горизонтъ; алѣлъ только край его, наконецъ, и онъ исчезъ. Косые, стлавшіеся по землѣ лучи яркимъ вѣеромъ раскинулись на небѣ; длинныя тѣни отъ кустовъ исчезли, сплылись съ сумерками; даль заволакивалась сизымъ туманомъ.

Съ выборомъ мѣста для ночлега приходилось торопиться. Мы ускорили шаги, затѣмъ свернули на межу и очутились въ молчаливомъ сосновомъ лѣсу. Тепло и аромать охватили насъ. Въ полѣ было свѣжѣе.

Долго не находили мы подходящаго мѣста для ночлега; необходимо было, чтобъ хоть неподалеку отъ насъ имѣлась вода. Наконецъ, Янъ напалъ на двѣ смежныхъ полянки съ небольшимъ болотцемъ среди одной изъ нихъ.

На краю другой выступала развѣсистая сѣдая ель. Мы сложили подъ нее вещи и Янъ принялся собирать хворостъ для костра; я захватилъ котелокъ и отправился къ болотцу.

Мочежинка была мелкая; вода чуть покрывала мельчайшій илъ и, только что я

жоснулся ея краемъ котелка, — она замутилась, и я зачерпнулъ одну грязь. Сколько ни ухитрялся я добыть чистой воды, — ничего не выходило; выручилъ Янъ.

Онъ взялъ палку, съ силой воткнулъ ее въ топкую землю у края болотца и тотчасъ же выдернулъ обратно. Изъ образовавшагося отверстія забилъ фонтанъ; я успѣлъ подставить котелокъ, въ него набралось немного чистой воды, — и фонтанъ изсякъ.

Янъ пробилъ второй, третій, и котелокъ наполнился. Костеръ трещалъ и озарялъ насъ, мшистыя вѣтви ели, и неподвижную, тускло-зеркальную поверхность болотца; чаща кругомъ быстро темнѣла.

Вода начала вскипать; за отсутствіемъ чайника Янъ всыпалъ нѣсколько щепотокъ чаю прямо въ котелокъ и мы дружно, съ волчьимъ аппетитомъ, принялись уничтожать только что вынутый изъ золы горячій картофель и яйца и запивать ихъ чаемъ.

Неподвижно лежавшій до тѣхъ поръ въ сторонѣ Брутъ, не выдержалъ; онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и въ видѣ деликатнаго напоминанія о своемъ существованіи протянулъ мнѣ грязную, словно въ черный чулокъ одѣтую, лапу; я уклонился отъ этой любезности, и онъ неожиданно всѣмъ языкомъ лизнулъ меня по лицу.

Сколько онъ съѣлъ послѣ этого изліянія хлѣба, шелухи и картофеля, — прямо уму непостижимо.

— Разорветъ тебя, чертъ! — съ укоромъ сказалъ Янъ, глядя на него.

Брутъ «улыбался», какъ выучилъ его Тадеушъ, т. е. подымалъ углы верхней губы, отчего обнажались бѣлые зубы, и стучалъ по землѣ крѣпкимъ, какъ веревка, хвостомъ

Ему дали еще хлѣба, и мы принялись устраиваться на ночь.

На мягкій и густой коверъ подѣ елью натаскали еще моха, вещи всѣ уложили около ствола дерева; костеръ во избѣжаніе какой-нибудь случайности мы загасили и точно въ тепломъ гнѣздѣ улеглись подѣ шатромъ ели, нависшимъ до самой земли.

Я прикрылся пальто и со сладкимъ чувствомъ закрылъ глаза; черезъ минуту я открылъ ихъ. Сквозь вѣтви искрились на черномъ небѣ звѣзды; вѣковая чаща кругомъ стояла недвижно.

— Хорошо тебѣ, Янъ? — спросилъ я соседа.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ слегка замирающимъ голосомъ.

Дивны ночи въ глухомъ лѣсу!

Г л а в а XV

Не знаю долго-ли я спалъ, только сквозь сонъ мнѣ почудилось ворчаніе Брута.

Я поднялъ голову; Янъ уже прислушивался.

Брутъ, лежавшій между нами, глядѣлъ на чашу и глухо рычалъ.

Чуткая тишина стояла въ лѣсу; слабо обрисовывались стволы сосенъ, обступавшихъ полянку; дальше темень стояла непроницаемая.

Стараясь не зашумѣть, я нащупалъ рукою пистолеты, взялъ одинъ и, держа его наготовѣ, опять сталъ слушать.

Совсѣмъ издали донесся слабый стукъ; минуту спустя онъ замеръ.

— Телѣга это проѣхала! — прошепталъ мнѣ на ухо Янъ. — Дорога здѣсь, должно быть, близко!

Брутъ успокоился и опустилъ морду на лапы. Воображаемая опасность, стало быть, миновала. Улеглись и мы и скоро уснули.

Разбудилъ меня Янъ.

Стояла еще ночь.

Я поднялъ отяжелѣвшую отъ крѣпкаго сна голову, рука Яна трясла меня за плечо.

— Ш-ш-ш... зашипѣлъ онъ, стоя на четверенькахъ.

— Что такое?

Я приподнялся. Возбужденіе пріятеля передалось и мнѣ, сонъ слетѣлъ разомъ.

Янъ быстро пригнулъ меня къ землѣ и указалъ рукой на полянку.

Чуть порѣдѣвшіе сумерки позволили различить у болотца человѣка; немного поближе къ намъ показались еще двое. Они двигались медленно и молча вглядывались въ чащу, словно ища что-то.

Брутъ насторожился и хотѣлъ заворчать, но я схватилъ и сжалъ его морду лѣвой рукой, а правой отыскалъ пистолеть. Янъ тихо высвободилъ и положилъ передъ собою ружье; мы застыли, слѣдя за невѣдомыми пришельцами.

Они обыскали полянку у болотца и вступили на нашу. Двое изъ нихъ приближались, заглядывая въ кусты.

Еще нѣсколько мгновеній, и одинъ изъ неизвѣстныхъ выросъ у самой ели, подъ которой мы скрывались.

Мы затаили дыханье. Умный песъ, словно чуя неладное, не ворохнулся.

Неизвѣстный нагнулся и раздвинулъ вѣтви.

Крикни онъ: «здѣсь они», — мы бы выстрѣлили!

По счастью, этого не случилось. Въ нашемъ убѣжищѣ царилъ непроницаемый мракъ. Незвѣстный простоялъ нѣсколько секундъ чуть не надъ самыми головами у насъ, послушалъ, затѣмъ опустилъ колючія вѣтви и, безшумно ступая, пошелъ къ товарищамъ, осматривавшимъ противоположную сторону поляны.

Они посовѣтовались о чемъ то и зубчатый черный лѣсъ поглотилъ ихъ.

Съ добрый еще часъ неподвижно лежали мы, ловя каждый хрустъ сучка и вглядываясь въ чащу, гдѣ исчезли подозрительныя личности.

Янъ шепотомъ передалъ мнѣ слѣдующее.

Жажда разбудила его; онъ отыскалъ котелокъ, но воды тамъ не оказалось, — ее вылили всю на костеръ. Тогда онъ всталъ и направился къ болотцу, набралъ воды и только что началъ пить, какъ вдругъ его громко окликнули. Онъ оглянулся и увидалъ, что къ нему направляются какіе то люди.

— Эй, что за человѣкъ?! — крикнули ему.

Янъ нырнулъ въ кусты. Незвѣстные бросились за нимъ. Сообразительный Янъ, чтобъ не выдать нашего пріюта, описалъ сперва крюкъ и, отведя въ сторону преслѣдователей, осторожно подкрался подъ ель и разбудилъ меня.

Кто были эти люди, что они хотѣли, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Тишина царила ненарушимая. Мы улеглись по своимъ, выдавленнымъ во мху, ямкамъ, завернулись въ шинели и, держа въ объятіяхъ по пистолету, продремали остатокъ ночи.

Я проснулся передъ восходомъ солнца и ощутилъ жгучую боль вокругъ шеи; не понимая, въ чемъ дѣло, я схватился за нее рукой — стало еще больнѣе.

Янъ спалъ; я растолкалъ его и выбрался изъ-подъ теплаго навѣса ели. Охватило свѣжестью. Небо висѣло надъ лѣсомъ сѣрое, мутное.

Потягиваясь и зѣвая, выползъ Брутъ; за нимъ неохотно вылѣзъ и Янъ.

— Взгляни-ка! — заговорилъ я, обращаясь къ нему: — я не могу повернуть головы, такъ шея болитъ! Что тамъ такое?

— Ожогъ! — сказалъ Янъ, осмотрѣвъ меня, — купался вчера да не вытерся послѣ, вотъ и обожгло солнце!

Я осторожно растегнулъ куртку и взглянулъ на грудь; вся верхняя часть ея была точно обваренная; до покраснѣвшей, воспаленной кожи больно было дотронуться.

— Еще, погоди, пузыри пойдутъ! — побѣждалъ Янъ: — онъ, видимо, былъ не въ духѣ.

Мы умылись, закусили и отправились искать дорогу, по которой проѣхала ночью телѣга.

Сулившее непогоду небо стало давать блѣдно-голубые просвѣты; утро разгуливалось. Скоро на вершинахъ сосенъ заиграли лучи солнца.

Насъ окружалъ вѣковой боръ. Сѣдые ели становились все выше и развѣсистѣе: съ ними чередовались неохватныя даже для троихъ людей гиганты-сосны. Кое-гдѣ вздымались корни упавшія деревья.

Ни малѣйшаго звука не слышалось въ очарованной чащѣ. Для вершинъ ея было яркое утро, внизу же, гдѣ мы шли по

узловатымъ корнямъ, висѣли сумерки. Было холодно вато.

Янъ, надѣвъ пальто въ рукава, съ измятою фізіономіей, съ руками въ карманахъ и торчавшею кверху лѣвой половиной воротника, шелъ молча, съ недовольнымъ видомъ.

Я несъ проклятое ружье.

Брутъ шнырялъ въ кустахъ, и вдругъ мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ стойку. Я шепнулъ Яну, чтобъ онъ не шевелился, и сталъ красться къ Бруту.

Онъ стоялъ на лужайкѣ, среди невысокихъ холмовъ.

Съ ружьемъ наготовѣ, чуть дыша, я подобрался ближе и увидалъ, что песъ, жадно уписываетъ землянику: все видимое пространство впереди было усыпано красными ягодами.

Я подсѣлъ къ Бруту; къ намъ поспѣшилъ и Янъ.

Наѣвшись земляникой и набравъ про запасъ цѣлый котелокъ ея, мы по солнцу сообразили, что дорога должна идти приблизительно параллельно оставленной нами наканунѣ, и скоро мы пагали по ней. Темныя стѣны бора сопровождали насъ уже съ обѣихъ сторонъ. На встрѣчу не попадалось ни души.

Нѣсколько разъ я предпринималъ экскурсіи вглубь лѣса съ цѣлью поохотиться, но дичи не оказывалось.

Близъ полудня мы завидѣли большую избу въ нѣсколько оконъ; надъ крылечкомъ имѣлся укрѣпленный на столбахъ навѣсъ; на немъ на шестѣ торчала, видная издалика, елка—древняя эмблема питейныхъ заведеній. Сверхъ того, чтобъ неопытный путникъ какъ нибудь не ошибся и не миновалъ его, надъ

однимъ изъ окошекъ была прибита красная доска съ надписью: «корчма»; по бокамъ этого слова красовались двѣ уродливыя кружки съ неимоვნю высоко вспѣннымъ пивомъ.

Я еще никогда не бывалъ въ такихъ мѣстахъ и мнѣ захотѣлось заглянуть въ нее.

— Зайдемъ пообѣдать? — предложилъ я своему спутнику, и голосъ мой прозвучалъ не особенно обычно. — Отдохнемъ заодно немного?

Глаза у Яна разгорѣлись.

— Борща бы съѣсть? — живо сказалъ онъ. — Хорошо!

Онъ потеръ руки.

— Биѣштексъ лучше! — продолжалъ я. — Или колдуновъ, а?

Мнѣ показалось даже, что пріятный запахъ уже щекоталъ обоняніе; аппетитъ во мнѣ разыгрался неимоვნю. Мы несмѣло вступили въ полутемныя сѣни корчмы.

Я ожидалъ встрѣтить нѣчто необычайное: по крайней мѣрѣ кучу народа, трехъ-четырехъ пьяныхъ на полу съ разбитыми головами, разбросанныя вездѣ бутылки, пролитое вино, волны табачнаго дыма, гамъ, драку, — и вмѣсто этого очутился въ просторной, довольно чистой и приличной избѣ.

Стойка и полка съ виномъ отсутствовали; снѣдь и все прочее, какъ узналъ я послѣ, помѣщались въ подвалѣ. У задней стѣны сидѣла толстая русская печь; вдоль стѣнъ стояли лавки; въ углу, противъ окошка, находился длинный деревянный столъ. Темный потолокъ и толстыя балки, поддерживавшія его, были убраны зеленью.

На встрѣчу намъ съ лавки поднялся высокій и благообразный еврей-хозяинъ. Кромѣ насъ и его никого не было.

Я заказалъ обѣдъ.

Корчмарь, не сводя съ меня черныхъ проницательныхъ глазъ, внимательно выслушалъ мои перечисленія бифштекса, колдуновъ и борща. Это меня сконфузило. Еврей усмѣхнулся и мотнулъ головою.

— Ничего этого нельзя! — отвѣтилъ онъ. — Говядины нема. А можно яичницу сдѣлать, курицу тоже...

Я согласился и, чувствуя, что легкая краска проступаетъ у меня на лицѣ, поскорѣе отвернулся и сказалъ, чтобъ подали сперва молоко и хлѣбъ.

Еврей вышелъ.

Мы въ ожиданіи «настоящаго» обѣда, принялись снимать и складывать подъ окномъ на лавкѣ все наше имущество.

Какъ то странно было видѣть надъ собою потолокъ и чувствовать себя сидящимъ не въ лѣсу на землѣ, а въ комнатѣ за столомъ!

Гарнецъ молока и яичница исчезли почти мгновенно. Для Брута я спросилъ миску, въ которую влилъ другой гарнецъ молока и накрошилъ гору черного хлѣба.

Брутъ вылизалъ все на сухо, не оставивъ ни крошки; съ довольнымъ видомъ онъ усѣлся около стола и принялся колотить хвостомъ по полу.

Появленія курицы приходилось ждать долго: она еще кудахтала и металась по улицѣ; за ней, согнувшись и растопыривъ руки, летучею мышью, носилась какая то растрепанная еврейка.

Сидѣть безъ дѣла среди тишины въ корчмѣ было скучно. Я предложилъ осмотрѣть окрестности. Янъ отказался и, свернувъ въ видѣ подушки пальто свое, улегся на лавкѣ; лицо его приняло сытое и довольное выраженіе.

Я оставилъ его и отправился одинъ.

Услыхавъ, что я ухожу, Брутъ приподнялъ полусонную морду и поглядѣлъ на меня, — на ней выражалась нерѣшимость: онъ видимо хотѣлъ бы отдохнуть послѣ обѣда, а не таскаться опять по жарѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ то совѣстно казалось ему отпустить меня одного. Онъ всталъ и, опустивъ хвостъ, съ недовольнымъ видомъ поплелся за мною.

Съ вершины пригорка открылась даль.

Внизу синѣли, окруженные горами, озера, ихъ связывали между собою узкіе проливы. Я насчиталъ ихъ три.

Противоположные берега всѣ были изрѣзаны бухтами. Въ зеркальных водахъ отражались спускавшіеся съ горъ дубовые и хвойные лѣса; слѣва разстилались изумрудные плавни*).

Надъ крайнимъ, лѣвымъ отъ меня, озеромъ сѣрѣлъ на бугрѣ одноэтажный, повидимому, барскій домъ.

Я направился къ нему. Окна и двери оказались заколоченными; широкія деревянные ступени обветшали, низкій палисадикъ падъ озеромъ развалился. Обширный дворъ и цвѣтникъ заросли лопухами; близъ балкона сиротливо подымалъ изъ травы темно-красную головку одинокій георгинъ.

*) Густыя заросли камыша.

Съ любопытствомъ осмотрѣлъ я заброшенную усадьбу и спустился къ озеру. Подъ развѣсистыми кряжистыми вязами, мо-чившими корни въ водѣ, виднѣлся челнокъ. Я отвязалъ его и, управляясь однимъ весломъ, найденнымъ мною на днѣ его, поплылъ по озеру. Бруть остался лежать въ тѣни на берегу.

Солнце палило невыносимо.

Чтобъ еще больше не нажгло болѣвшую шею, я повязалъ ее платкомъ, но онъ раздражалъ кожу не менѣе солнца.

Глубина доходила до нѣсколькихъ сажень, но дно озера не походило на усыпанное мельчайшимъ пескомъ дно Гальвы, — отовсюду таращились коряги когда то рухнувшихъ въ воду деревьевъ, — вѣроятно дубовъ.

Мѣстами глазъ различалъ подъ водой вытянувшіеся громадныя, не въ объѣмъ человѣку, черныя какъ уголь, окаменѣвшіе стволы.

Покатавшись немного, я причалилъ къ вязамъ и привязалъ лодочку; въ воздухѣ парило; все предвѣщало грозу; возможность ея озаботила меня. Я полежалъ немного подъ деревьями и пустился въ обратный путь.

Глава XVI

Съ горы видно было, что съ сѣвера, застилая горизонтъ, быстро ползетъ огромная свинцовая туча. Небо кругомъ хмурилось.

Въ корчмѣ, когда я вошелъ въ нее, стояли сумерки; Янъ спалъ сномъ праведника.

Пускаться въ дорогу передъ грозой было нелѣпо. Поэтому я не разбудилъ его, а смахнулъ со стараго липоваго стола крошки и принялся размѣрять и завертывать въ отдѣльные бумажки заряды пороха.

Хозяинъ внесъ жареную, худую, какъ одичавшая кошка, курицу.

Я спросилъ еще хлѣба, сырого картофеля и, сложивъ все это въ наши мѣшки, расплатился.

Еврей ушелъ.

Сонъ и тишина царили въ корчмѣ, и за стѣнами ея; только милліоны мухъ жужжали на потолкѣ и стѣнахъ. Пролегавшая подъ окномъ дорога была совершенно безлюдна.

Вдали слабо прогрохоталъ громъ. Раскаты его приближались. Вдругъ грянулъ такой ударъ, что задребезжали стекла; молнія малиновымъ зигзагомъ черкнула по небу и крупныя капли дождя, какъ дробь, защелкали по стекламъ; по дорогѣ закурчавилась пыль.

Начался ливень. Сине-черная туча быстро неслась къ озерамъ и таяла, оставляя за собой прозрачно-сизую завѣсу, сотканную изъ нитей дождя.

Янъ спалъ и не слыхалъ ничего.

Грозовые удары ослабѣвали и удалялись. Лѣсъ, небо, воздухъ — все казалось задержанымъ сѣткой дождя.

Ливень продолжался. Казалось, конца не будетъ скучному выжиданію въ корчмѣ. Я походилъ немного, затѣмъ присѣлъ, положилъ на столъ руки и сталъ разсматривать проконопаченную мхомъ темную стѣну.

Скрипъ телѣги и конское фырканье коснулись, наконецъ, моего слуха, истомленного тишиной.

Я выглянулъ въ окно и увидалъ у корчмы одноколку съ запряженною въ нее пузатою маленькой лошадкой. Она неподвижно стояла подъ дождемъ, растопыривъ узловатые ноги и понутивъ голову; отвисшая нижняя губа ея нѣтъ, нѣтъ и ловила капли.

На ципочкахъ я подошелъ къ двери и чуть пріотворилъ ее.

Въ сѣняхъ, спиною ко мнѣ, въ мокрыхъ, прилипшихъ къ тѣлу, холщевой рубашкѣ и штанахъ стоялъ литвинъ; у порога разговаривалъ съ хозяиномъ усатый урядникъ, тоже мокрый насквозь.

Видъ его взволновалъ меня; я прислушался. Говорили о какихъ-то бѣглецахъ.

— Вдвоемъ они убѣжали! — разобралъ я слова урядника.

— Одинъ роялисть, другой прачкинъ сынъ. Вездѣ по гминамъ объявлено, чтобъ, чуть покажутся гдѣ, — задержать. Понялъ? Если къ тебѣ зайдутъ, не моги медлить, — сейчасъ дай знать. Награда обѣщана!

Меня обдало холодомъ. Дѣло шло о насъ!

Хозяинъ слушалъ молча и многозначительно и лукаво глядѣлъ на начальство.

— А какіе они, пане изъ себя будутъ? — спросилъ онъ, понизивъ голосъ. — И сколько награды? — онъ покосился на дверь.

Я быстро притворилъ ее; дверной крючекъ попался мнѣ на глаза; я накинулъ его на петлю и бросился будить Яна.

— Янъ, Янъ! — зашепталъ я, одною рукой тряся его, а другой, какъ попало, собирая и засовывая въ мѣшокъ вещи.

Янъ спустилъ ноги съ лавки и сѣлъ.

— Что такое? — съ испугомъ спросилъ онъ.

Разсказывать было некогда.

— Бѣжать надо! Скорѣе!

Я поднялъ оконную раму и выбрался на улицу; Янъ выскочилъ за мною, какъ угорь; мы похватали съ лавки оставшіяся на ней вещи, Брутъ однимъ прыжкомъ махнулъ къ намъ и мы, что было мочи, пустились бѣжать по дорогѣ къ Рудзишкамъ.

Дождь утихалъ, небо прояснивалось.

— Да что случилось?—проговорилъ, наконецъ Янъ, когда мы отбѣжали довольно далеко отъ корчмы.

Я передалъ слышанное.

— Вотъ оно что!—сказалъ Янъ. — А ты заперъ, говоришь, дверь?

— Заперъ.

Мы одновременно оглянулись, но преслѣдователей видно не было.

Дождь прекратился совершенно.

Миновавъ каменный столбъ, въ нишѣ котораго виднѣлась, одѣтая въ красное поблекшее платье, статуя Богоматери, мы добрались до лѣса и, скрывшись въ немъ, передохнули немного, а затѣмъ опять пошли быстрымъ ходомъ.

По прибитой дождемъ дорогѣ идти было легко. Густая листовенная чаща кругомъ ярко зеленѣла; всякая травинка казалась помолодѣвшею.

Оборачиваясь и ежеминутно прислушиваясь, мы сдѣлали версты три. Неожиданно снова хлынулъ дождь. По дорогѣ не попадалось ни одного дерева, подъ которымъ можно-бы было укрыться.

Версты четыре или пять пропутешествовали мы подъ ливнемъ. Ни надѣтыя въ рукава пальто, ни поднятые воротники, не помогали: вода протекала всюду. Начиная съ

сапогъ и кончая фуражкой и мѣшками съ провизіей, — все промокло насквозь.

Старый картузь Яна разбухъ и расползся блиномъ по всей головѣ; еще немного и онъ, казалось, лопнетъ отъ тяжести воды.

Физіономія Яна превратилась въ мрачную тучу, думаю, что и у меня видъ былъ не лучше; одинъ Брутъ чувствовалъ себя прекрасно и весело шлепалъ по лужамъ.

Мы молчали и поглядывали вверхъ, но желанные просвѣты не открывались; небо сплошь заволакивала осенняя муть, дождь билъ по листьямъ и однообразный шелестъ наполнялъ воздухъ.

— Гдѣ то мы заночуемъ? — прервалъ, наконецъ, молчаніе Янъ. — Въ деревню носа сунуть теперь нельзя, — схватятъ сейчасъ, а въ лѣсу подъ дождемъ...

Онъ не договорилъ и пожалъ плечами.

— Боръ если бы попался! — проговорилъ я, озираясь по сторонамъ. — Подъ елками сухо... У костра обсушились бы.

Но хвойные лѣса исчезли безслѣдно; куда ни проникалъ глазъ, вездѣ темная зелень дубовъ и вязовъ чередовалась со свѣтлыми березами; пространство между ними заполнялъ орѣшникъ.

Нѣсколько разъ мы сворачивали въ чащу и искали, гдѣ бы пріютиться и переждать непогоду, — но такого мѣстечка не оказывалось. Скользящая черная земля разѣзжалась подъ ногами; сырость стояла немовѣрная; съ деревьевъ лило, какъ сквозь рѣшета.

Часа черезъ полтора показались, наконецъ, какія то, крытыя соломой, убогія избенки.

Мы остановились, не зная на что рѣшиться.

Я перевелъ взглядъ на Яна и тутъ только замѣтилъ до какой степени подозрительно мы выглядимъ: изъ-подъ распахнутаго, по неимѣнію пуговицъ, выцвѣтшаго пальто Яна торчали рукоятки ножа и пистолета; мѣшки на плечахъ и грязные, мокрые костюмы довершали впечатлѣніе.

Мнѣ сдѣлалось вдругъ необычайно весело и я засмѣялся. Янъ глянулъ на меня и свирѣпо нахлобучилъ картузь себѣ на глаза. Черезъ минуту и онъ прыснулъ; мы шли и то хохотали, то злились на дождь и весь міръ.

Версты черезъ двѣ тропинка раздѣлилась; мы попали на перекрестокъ среди густой чащи березъ, ольхи и орѣшника.

Куда направиться, — налѣво или направо, — являлось загадкою.

— Вотъ такъ штука! — сказалъ Янъ, поглядѣвъ въ обѣ стороны.

Лѣсная глушь не давала отвѣта; только непрерывно шептались о чемъ то листья.

— Давай двинемъ направо — заявилъ Янъ. — Куда-нибудь да выберемся въ концѣ концовъ! Хорошо бы только отдохнуть да закусить!

Чувствовалъ это и я, но присѣсть, не смотря на весь просторъ кругомъ, было рѣшительно негдѣ.

Янъ заявилъ, что рисковать ему теперь нечѣмъ, и шлепнулся на мокрую траву; посидѣлъ онъ не больше минуты и поднялся снова.

— Ну и мѣста, чтобъ ихъ съ земли смыло! — произнесъ онъ, отряхиваясь. — Въ

рукава даже залило! По рѣчкѣ брести и то лучше бы было! Пойдемъ!

Мы отломили по краюшкѣ хлѣба и пустились по извивавшейся среди густой травы и кустовъ, едва замѣтной, тропинкѣ.

Дождь началъ прекращаться, но кусты и деревья съ усиѣхомъ замѣняли его; они обливали насъ съ головы до колѣнъ, высокая же трава доканчивала ихъ дѣло и мочила насъ съ колѣнъ до пятокъ.

Въ сапогахъ у меня хлюпало; у Яна при каждомъ шагѣ изъ прорваннаго праваго носка съ шипѣніемъ билъ фонтанчикъ.

Подъемъ духа, вызванный приключеніемъ въ корчмѣ, мало-по-малу началъ ослабѣвать; отдыхъ сталъ казаться какимъ-то недосигаемымъ, великимъ счастьемъ; мы уже не шли, а тащились.

Продлись дорога еще сколько-нибудь, и я, кажется, бросилъ бы ружье, поскидалъ бы съ себя ломившую кости одежду, ничкомъ повалился бы на мокрую траву и пролежалъ бы, не подымаясь, Богъ вѣсть сколько времени!

Но бываетъ конецъ и тропинкамъ! Она выбѣжала къ проѣзжей дорогѣ; за извилиной открылась довольно большая курная изба. Надъ нею торчала елка.

— Корчма! — ошипшимъ голосомъ воскликнулъ Янъ. Я такъ истомился, что не смогъ отвѣтить: не хватило голоса.

Глава XVII

У порога, въ сѣняхъ корчмы копошились оборванные еврейскіе ребятишки; посреди грязнаго земляного пола, въ одной разодран-

ной спереди отъ ворота до подола рубашонкѣ, сидѣлъ измазанный до нельзя самый младшій бутузъ и оралъ благимъ матомъ: обѣими руками онъ прижималъ къ сердцу краюшку черного хлѣба, а желтая хохлатая курица клевала ее, не смущаясь воплями. Слева изъ двери тянулъ морду и мычалъ рыжій теленокъ.

Я оттолкнулъ его и вошелъ въ корчму.

Въ низкой избѣ синими слоями висѣлъ дымъ; аромать скотнаго двора такъ и ударилъ въ носъ.

Молодая, но истощенная и растрепанная хозяйка опустила ухватъ, которымъ она воровчала горшки въ широкой печкѣ у входа, и уставилась на насъ. Подолъ рваной юбки ея былъ заткнутъ за поясъ; костлявую грудь прикрывалъ утратившій цвѣтъ лифъ, застегнутый только на одну верхнюю пуговицу: худыя руки были обнажены до плечъ.

Не обращая вниманія на ея удивленіе я добрался до лавки и скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на нее; за нами вошелъ Брутъ, раскрашенный всѣми цвѣтами грязи, какая только попадалась ему по дорогѣ.

— Я здѣсь не останусь!—проговорилъ я минуту спустя Яну. — Тутъ задохнуться можно!

Янъ угрюмо молчалъ и смотрѣлъ въ сторону.

— Что у васъ нѣтъ другого помѣщенія? — спросилъ я еврейку.

Та вдругъ уцѣпилась руками за косяки двери, порывисто, всѣмъ корпусомъ подалась въ сѣни, прокричала что-то звонкимъ пронзительнымъ голосомъ, затѣмъ откинулась обратно и, опять оцѣпенѣвъ, стала смотрѣть на насъ.

На зовъ явился огромный, суроваго вида богатырь-литвинъ. Еврейка быстро застрекотала на исковерканномъ литовскомъ языкѣ и, призванный служить переводчикомъ, крестьянинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что намъ нужно.

Я отвѣтилъ.

Услыхавъ родную рѣчь, литвинъ прояснился; угрюмое выраженіе на бритомъ лицѣ его исчезло, глаза освѣтились привѣтомъ и добродушіемъ.

Никакой отдѣльной коморки и даже чулана у еврейки не имѣлось. Не могъ ничего лучшаго предложить намъ и крестьянинъ, такъ какъ онъ жилъ въ той же корчмѣ.

Должно быть отчаяніе изобразилось на лицѣ моемъ, потому что онъ поспѣшилъ, добавить, что если я не хочу ночевать въ избѣ, то могу сдѣлать это въ принадлежащемъ лично ему сараѣ.

Мы съ радостью согласились и направились за крестьяниномъ.

Высокій и просторный сарай, сколоченный на живую руку изъ тонкихъ досокъ, находился шагахъ въ сорока на лужкѣ за дорогой; низкія перегородки раздѣляли его на три части, предназначавшіяся когда то для животныхъ. Изъ дальняго загончика справа отъ двери доносилось хрюканье, но это обстоятельство не смутило насъ.

Слѣва, въ крайнемъ отдѣленіи, желтѣла груда соломы.

Мы избрали его и я, попросивъ хозяина принести молока, такъ какъ нестерпимо хотѣлось пить, бросилъ вещи и принялся раздѣваться.

Куртку я едва содралъ съ себя; сапоги удалось снять только съ помощью отчаян-

ныхъ усилій Яна. Наконецъ я остался въ одномъ мокромъ бѣльѣ, отжалъ все снятое и развѣсилъ по загородкамъ въ сараѣ. Тоже сдѣлалъ и Янъ.

Было сыро и холодно. На дворѣ подымался вѣтеръ, въ щеляхъ стѣнъ и гдѣ то надъ нами посвистывало. Покрыться было нечѣмъ. Меня слегка знобило.

Только что мы зарылись въ солому, вошелъ нашъ литвинъ; въ огромныхъ ручищахъ онъ несъ кувшинъ молока, два стакана и два ломтища ржаного хлѣба. Подъ мышкой торчала засаленная, словно только что вытащенная изъ борща, подушка и старое одѣяло изъ лоскутьевъ.

Все это онъ добродушно предложилъ мнѣ; я поблагодарилъ и отказался.

Янъ, увидавъ, что я не беру, вскочилъ и ухватился за нихъ.

— Давай, давай!—заговорилъ онъ.—Какъ это не надо?!

Литвинъ улыбнулся, отдалъ одѣяло и подушку Яну, постоялъ нѣкоторое время около насъ, поглядѣлъ, какъ мы жадно припали къ стаканамъ съ молокомъ, затѣмъ забралъ опорожненную посуду, пожелалъ намъ добраго сна, вышелъ изъ сарая и притворилъ за собой скрипучую, щелястую дверь.

Я обвязалъ платкомъ болѣвшую шею, далъ хлѣба Бруту и зарылся опять въ солому.

Янъ устроился напротивъ меня; изъ соломы выглядывала только лежавшая на подушкѣ голова его. Сверху онъ покрылся одѣяломъ. Лицо Яна усмѣхалось.

— Хорошо!—говорилъ онъ, шурясь и поеживаясь.

Пріятная теплота тихо распространялась и по моему тѣлу; скоро я почувствовалъ, что кровь прилила и заиграла пятнами на лицѣ; я поднялся, снялъ мокрое пальто и накинулъ его на себя поверхъ слоя соломѣ.

Стало уютнѣе. Благодаря внутренней досчатой перегородкѣ, у которой устроились мы, на насъ не дуло; на вышинѣ же человѣческаго роста, изъ щелей наружныхъ стѣнъ, тянулъ сильный вѣтеръ.

— А вещи скоро просохнуть на сквознякѣ! — заговорилъ Янъ и вдругъ расхохотался.

Когда онъ находился въ теплѣ, на него всегда находила игривость.

— Чему ты?—спросилъ я.

— Да такъ!.. Какъ мы по лѣсу то брели!

И онъ опять залился мелкимъ, добродушнымъ смѣшкомъ сытаго и довольнаго человѣка.

Я промолчалъ и не слушалъ дальнѣйшей болтовни его. Скоро онъ стихъ. За сараемъ вылъ вѣтеръ, уныло шумѣли деревья.

Тяжелая дремота понемногу овладѣвала мной; въ отяжелѣвшей головѣ стоялъ странный гулъ.

Мнѣ казалось; я не сплю и вижу, что широкая дверь, вѣрнѣе ворота сарая, открыты и Оловскій урядникъ стоитъ и указываетъ на насъ пальцемъ; я даже различилъ серебряное кольцо на послѣднемъ; на дворѣ толпятся крестьяне.

Внѣ себя я вскакиваю и бѣгу прочь черезъ вдругъ появившійся предо мной новый проходъ.

За мной бросается погоня; я несусь къ лѣсу и скрываюсь въ чащѣ.

День стоитъ прекрасный. Поютъ птицы. Я вспоминаю, что въ сараѣ остался Янъ и оружіе и что надо выручить ихъ. И я, весь замирая, пробираюсь по кустамъ обратно; сарай вырисовывается передо мной, я уже ползу...

И вдругъ я приподнялся: меня кто-то ударилъ въ бокъ.

Стояла ночь; не видно было ни зги.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, не сознавая хорошенько, гдѣ я и сплю-ли и вижу-ли сонъ, или дѣйствительно толкнули меня, я ошарилъ вокругъ себя рукой и коснулся до чего-то огромнаго, живого и теплаго.

Оно, точно отъ электрическаго тока, метнулось съ глухимъ рыкомъ прочь, остановилось шагахъ въ десяти въ сторонѣ и захрюкало: то была свинья!

Весь дрожа, я легъ и опять закрылся соломой.

Голова у меня кружилась; я пытался заснуть, но не могъ; тогда я открылъ глаза и вперилъ ихъ во тьму. Свинья похрюкивала и чавкала гдѣ-то въ среднемъ загонѣ. На дворѣ разыгрывалась буря.

Мало-по-малу мной овладѣли воспоминанія; одинъ за другимъ стали всплывать сначала неясные, затѣмъ яркіе, окруженные сіяніемъ милые образы мамы, тети; волшебной картиной открылась освѣщенная лампадой дѣтская, слезы подступили къ горлу; голоса бури пробудили дремавшую во мнѣ совѣсть.

Словно бездонная пропасть раскрылась подъ ногами у меня; я понялъ всѣмъ существомъ своимъ, какое волненіе я причинилъ роднымъ и какъ беспомощенъ я, пріютившійся со своими нелѣпыми замыслами въ

дождливую почъ въ свиномъ хлѣвѣ среди глу-
хихъ лѣсовъ Литвы.

До боли ясно я созналъ, что никогда и
никуда мы не попадемъ и скорѣе смерть,
чѣмъ хоть какой-нибудь успѣхъ ждетъ насъ;
но даже смерть казалась воспаленному во-
ображенію моему лучше чѣмъ позоръ воз-
вращенія.

Слезы брызнули изъ глазъ моихъ; я за-
жалъ рукой ротъ, чтобъ сдержать рвавшіяся
изъ груди рыданія, спрятался съ головою въ
солому и плакалъ долго, горячо и неудержимо.

Г л а в а XVIII

— Вставай — весело кричалъ Янъ, тор-
моша меня. — День уже на дворѣ, въ путь
пора!

Я раскрылъ тяжелыя вѣки.

Въ распахнутую дверь полутемнаго са-
рая врывались лучи солнца.

— Одѣвайся, нечего лѣнтяйничать! —
безъ умолку болталъ Янъ, сбрасывая съ пе-
регородки ко мнѣ куртку и прочія вещи.

— Смотри какъ высохло, словно и не
было подъ дождемъ!

Я выбрался изъ-подъ соломы, сѣлъ и
медленно сталъ одѣваться; меня шатало отъ
слабости, голова болѣла, какъ отъ угара:
трепавшая меня ночью лихорадка давала
знать себя.

— А гдѣ Брутъ? — спросилъ я, и голосъ
мой поразилъ меня самого, такой онъ сталъ
слабый.

Янъ оглядѣлся.

— А и впрямь, гдѣ онъ? Брутъ, Брутъ!

Янъ засвисталъ.

Прошло съ минуту и зашуршала солома въ углу.

Я перевелъ туда глаза и увидалъ, что изъ-подъ нея вылѣзаетъ весь облѣпленный стеблями, заспанный Брутъ.

— Ишь, лѣнтяй! Отогрѣлся въ соломѣ! — сочувственно замѣтилъ Янъ.

— Гляди, — перебилъ я, — ты мѣшки разсыпалъ?

— Я? Батюшки мои!..

Янъ бросился къ нимъ.

— Весь хлѣбъ и картофель украли! Кто же это?!

— Свинья — отвѣтилъ я, сообразивъ въ чемъ дѣло: — она ночью ходила, я слышалъ!

— Чтобъ ее разорвало! Гдѣ она?

И онъ схватилъ стоявшій въ углу огромный колъ и побѣждалъ осматривать сарай.

По счастью для свиньи и для насъ, она отсутствовала; иначе, вѣроятно, пришлось бы не только накормить, но и заплатить за нее.

Высохшее платье съежилось; куртка едва сходилась на мнѣ и казалась спитою изъ лубка. Я съ усиліемъ застегнулъ ее на верхнюю пуговицу и почувствовалъ такую боль, что опять распахнулся. Всею грудъ и шею у меня покрывали огромные пузыри отъ ожоговъ; къ кожѣ нельзя было прикоснуться.

Съ трудомъ напялилъ я мокрые сапоги, — единственный непросохшій предметъ, и выбрался къ двери.

Въ среднемъ загончикѣ стояло два табурета; на одномъ изъ нихъ находилось молоко, хлѣбъ и стаканы.

— Я уже пилъ! — сказалъ Янъ. — Я давно всталъ, да жалко было будить тебя. Что, иль

не хорошо тебѣ? — добавилъ онъ, увидавъ мое лицо при солнечномъ свѣтѣ.

Я кивнулъ головою.

— Ничего, пройдетъ!

— Поѣшь, да молокахвати, — лучше станетъ, — замѣтилъ Янъ.

— Нѣтъ, не хочу... Чаю бы я теперь выпилъ?

— Что-жъ это можно!

Янъ захватилъ щепоть чая и бѣгомъ помчался въ корчму.

Я чувствовалъ себя такимъ разбитымъ, словно вмѣсто только что сдѣланныхъ десяти шаговъ прошелъ тридцать верстъ. Я присѣлъ на расшатанный табуретъ и сталъ ждать Яна.

Ночное отчаяніе и мрачныя предчувствія при свѣтѣ дня растаяли какъ и сама ночь. Мнѣ сдѣлалось стыдно своего малодушія.

Янъ вернулся съ безносимъ чайникомъ и съ ведромъ воды для умыванья.

Прикасаться къ холодной водѣ мнѣ не хотѣлось; все же я вымылся, помогъ продолжать эту операцію Яну и съ жадностью принялся за чай. Онъ немного подкрѣпилъ меня.

— Надо про дорогу разспросить, — сказалъ я. — Ты бы позвалъ, Янъ, хозяина!

— Не надо! — отозвался Янъ, отчищавшій изо всей силы стволъ ружья, покрывшійся отъ дождя яркими ржавыми пятнами. — Я уже выпросилъ, знаю!

— Ты? У кого?

— А у проѣзжихъ.

— Тутъ съ полчаса назадъ были Олькеникскіе. Надо на Олькеники сперва идти, — эта дорога туда ведетъ, а оттуда до Нѣмана рукой подать!

— Да кто эти проѣзжіе были, — литвины, евреи?

— Нѣтъ, поляки... Мѣщане должно быть! Я неодобрительно покачалъ головою.

— А вдругъ они пріѣдутъ и расскажутъ уряднику, что мы идемъ за ними?

— Ну, дались тебѣ урядники! Ты думаешь, такъ вотъ вчера въ такую погоду и поскакали давать знать о насъ: дѣла, братъ, не волки, въ лѣсъ не уйдутъ! Въ Олькеники мы напередъ вѣстей о себѣ придемъ!

Согласно добытымъ Яномъ свѣдѣніямъ, мы рѣшили измѣнить маршрутъ и идти на Меречь. Но, наученный опытомъ, я тщательно разузналъ про всѣ могущіе встрѣтиться перекрестки на пути и попросилъ затѣмъ продать намъ картофеля и хлѣба.

Все это нашлось у литвина въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Браня свинью и заодно съ ней хозяина, Янъ уложилъ возобновленную провизію въ сумки, повѣсилъ ихъ черезъ плечи себѣ, забралъ ружье и, разставивъ ноги, сталъ въ воротахъ съ видомъ разбойника.

Я едва заставилъ литвина взять деньги за съѣденное и забранное нами, распростился съ нимъ и вышелъ изъ, такъ хорошо послужившаго намъ, убѣжища.

Утро стояло сверкающее, чудесное.

Свѣжая, только что омытая дождемъ, изумрудная зелень придорожныхъ кустовъ казалась осыпанной горстями брилліантовъ; капли воды искрились и переливались тысячами разноцвѣтныхъ огней; по голубому небу стайкою лебедей плыли облачка.

Дорога углубилась въ лѣсъ. Повороты смѣнялись поворотами.

Лиственныя заросли скоро превратились въ хвойный перелѣсокъ; стали попадаться громадныя, косматыя шатры елей; за ними обрисовывались стволы лѣсныхъ гигантовъ-сосенъ. Боръ дичалъ съ каждымъ шагомъ.

Мы шли медленно, часто присаживались отдыхать.

Проснувшійся въ веселомъ настроеніи духа Янъ притихъ и грубовато-добродушнымъ обращеніемъ прикрывалъ нѣжность и внимательность ко мнѣ; онъ то набиралъ мнѣ ягодъ въ свою шапку, то вырѣзывалъ удобную палку, то, несмотря на протесты, ворчалъ и отбиралъ какую-нибудь вещь, которая, какъ казалось ему, тяготила меня.

На одномъ изъ приваловъ, когда я въ полномъ изнеможеніи опустился на мягкій мохъ на солнцепекѣ среди полянки, Янъ, хотѣвшій сѣсть рядомъ со мною, вдругъ застылъ въ согнутомъ положеніи.

— Смотри, смотри, — зашепталъ онъ, указывая впередъ пальцемъ.

Я приподнялся и увидалъ шесть-семь дикихъ козъ. Передняя насторожилась и за ней все стадо подняло стройныя шеи и головы; вожакъ ударилъ ногой, и сѣрожелтыя красавицы литовскихъ лѣсовъ умчались, какъ пухъ, унесенный бурей.

Около полудня мы наткнулись на бродившихъ по лѣсу длинномордыхъ, похожихъ на дикихъ, поджарыхъ свиней.

— Деревня близко, — замѣтилъ Янъ. — Не Олькеники-ли?

Дорога сдѣлала изгибъ и вывела насъ на небольшую песчаную полянку.

Низкая, рѣденькая, какъ татарская борода, рожь покрывала ее; невдалекѣ чернѣло нѣсколько крохотныхъ, тѣсно скученныхъ

избенокъ; ни куста, ни деревца не ютилось вокругъ нихъ; только грязные пустые дворики, напоминавшіе и видомъ и запахомъ свиныя закуты, примыкали къ улицѣ.

— Ну и хлѣба! — проговорилъ, оглядѣвшись, Янъ. — Слезы, а не поле!

Онъ, бѣднякъ самъ, очень неодобрительно, даже съ оттѣнкомъ презрѣнія относился всегда къ литвинамъ за ихъ смиренность и бѣдность.

Собственнаго хлѣба большинству литвиновъ не хватаетъ и на полгода; они возятъ въ города на продажу дрова, метлы, деревянную посуду, сплошь и рядомъ нанимаются въ батраки къ евреямъ — почти такимъ же нищимъ, какъ и они сами. Употребленіе въ пищу разныхъ кореньевъ и древесной коры вмѣсто хлѣба, въ той части Литвы, которую пересѣкали мы, — явленіе заурядное.

Дверь крайней избупки стояла отворенной; изъ нея широкой полосой тянулся синеватый дымъ.

На порогѣ, сгорбившись и надвинувъ на лобъ сѣрую войлочную шляпу, сидѣлъ пожилой литвинъ.

Мы остановились противъ него, и я окликнулъ его.

Оказалось, что до Олькеникъ оставалось еще порядочно, — сколько именно, — литвинъ не сумѣлъ опредѣлить.

— Хорошо быть на этомъ свѣтѣ паномъ, а на томъ свѣтѣ нищимъ! — философствовалъ Янъ, выходя изъ убогой деревни.

Боръ скоро разступился и выпустилъ насъ на словно снѣгомъ усыпанныя холмистыя поля; самъ онъ засинѣлъ влѣво и вправо по горизонту.

Впереди, насколько могъ обнять взглядъ, волнами разстилались бѣлыя поля гречихи. Невидимые жаворонки звенѣли въ небѣ; въ травѣ и въ воздухѣ жужжали пчелы.

Солнце жгло почти отвѣсными лучами.

Дорога мало-по-малу сошла въ низину и сочная зелень смѣнила бѣлую пелену. На ровныхъ лугахъ изрѣдка стали попадаться холмы. Наконецъ они опять взбугрили всю мѣстность.

Мы одолѣли самый высокій изъ нихъ, и увидали зеленныя поймы; вдали вылась и синѣла рѣка, — какъ мы узнали послѣ — Меречанка.

За однимъ изъ изгибовъ ея на горѣ берега виднѣлись главы и кресты костела, церкви и очертанія различныхъ строеній. То были Олькеники.

Часовъ около четырехъ, по расчету Яна, мы вступили на деревянный мостъ, перекинутый на жердяныхъ козлахъ черезъ узкую, поросшую кувшинками, болотистую Меречанку.

Олькеники — мѣстечко, но мнѣ они показались большимъ селомъ.

Середину его занимала огромная немощеная площадь; кругомъ ея тянулись бурые отъ лѣтъ и непогоды одноэтажные дома, крытые соломой и изрѣдка тесомъ. Съ противоположной стороны на площадь выступалъ старинный, обнесенный кирпичной оградой, сѣрый костелъ.

Площадь казалась пустыней. Если-бъ не пара полуголодныхъ еврейскихъ ребятишекъ да не нѣсколько свиней, сладостно нѣжившихся на солнцѣ, мѣстечко можно было бы счесть вымершимъ. Наглухо закрытыя в задвинутыя болтами ставни придавали мно-

гимъ домамъ видъ заколоченныхъ. Изъ ближайшаго довольно внятно доносилось не то пѣніе, не то бормотаніе; въ одно изъ оконъ выглянулъ еврей въ пестромъ талесѣ и съ молитвеннымъ ящикомъ на лбу; онъ съ озабоченнымъ видомъ посмотрѣлъ на насъ и, продолжая бормотать молитвы, скрылся снова.

Тутъ только я понялъ причину мертвой тишины мѣстечка: была суббота, день въ который не только глухихъ мѣстечекъ, но и большихъ городовъ Литвы и Польши нельзя узнать.

Чтобъ не идти на виду у всѣхъ по площади, мы свернули за уголъ ближайшаго дома и очутились въ безлюдномъ переулкѣ.

— Какъ же мы раздобудемъ хлѣба? — заговорилъ я. — Опасно вѣдь заходить въ дома?

— Корчму бы розыскать! — отозвался Янъ.— Да людей то никого не видно...

Не успѣлъ онъ договорить послѣдняго слова, какъ изъ сосѣдней калитки вышелъ одѣтый въ длинный лапсердакъ, въ черномъ бархатномъ картузѣ молодой франтъ-еврей.

Янъ спросилъ у него, гдѣ корчма, тотъ указалъ и съ любопытствомъ и нѣкоторымъ почтеніемъ сталъ разсматривать насъ и наше вооруженіе.

— А какъ намъ выйти на дорогу на Мерець?—продолжалъ Янъ.

Еврей отвѣтилъ, что надо пересѣчь мѣстечко и тогда увидимъ подъ горой корчму и дорогу.

Мы поблагодарили и скоро выбрались на окраину. Гора, на которой расположено мѣстечко, кончалась небольшимъ обрывомъ; внизу, шагахъ въ ста отъ него, темнѣла низ-

кая, но просторная корчма; мимо широкою лентою пролегла дорога, исчезающая дальше среди лѣсистыхъ горокъ.

У корчмы стояли двѣ повозки; запряженные въ нихъ буланые лошади ѣли лежавшіе вороха свѣжескошенной травы.

Г л а в а XIX

— Есть заѣзжіе! — промолвилъ Янъ, рассматривая корчму. — Какъ бы не нарваться на кого?..

Чтобъ не быть замѣченными изъ окошка, тускло смотрѣвшаго прямо на насъ, мы забрались въ бурьянъ, росшій близъ края обрыва, и расположились на отдыхъ.

Янъ и Брутъ плотно пообѣдали хлѣбомъ и печеными яйцами; я къ ѣдѣ не притронулся, мнѣ хотѣлось только пить, но воды не было.

Нѣтъ, нѣтъ, и я съ завистью посматривалъ влѣво на далекую, капризно изгибающуюся среди высокихъ песчаныхъ горъ, синюю Меречанку.

Прошло съ полчаса.

Янъ нѣсколько разъ выглядывалъ изъ лопуховъ, но повозки продолжали стоять у корчмы: никто не выходилъ изъ нея. Я предложилъ обогнуть ее задворкомъ, затѣмъ спрятаться одному въ лѣсъ, а другому, оставивъ оружіе и мѣшки, вернуться за покупками. Янъ одобрилъ мой планъ.

Справа передъ окнами корчмы разстилалось открытое поле; слѣва ее закрывали длинный сарай для лошадей и повозокъ и два низенькихъ плетеныхъ хлѣва. Пески позади

нихъ усѣивали рѣдкіе кусты репейника и колючекъ съ лиловыми цвѣтами.

Скрываясь въ густыхъ лопухахъ, мы ползкомъ спустились къ подошвѣ горы; караулившее насъ окно скрылось.

Мы поднялись на ноги и быстро пошли по задворку. Опасность почти миновала.

— Зря мы съ тобой на карачкахъ съ горы ползли!—весело и громко замѣтилъ Янъ, поравнявшись съ послѣднимъ хлѣвомъ.

И вдругъ оба мы вздрогнули и оборотились: въ узкомъ закоулкѣ между сараемъ и хлѣвомъ стоялъ человѣкъ. Увидавъ насъ, онъ быстро оправился и вышелъ за уголъ. На немъ были свѣтло-сѣрые съ черными клѣтками панталоны на выпускъ, бархатная синяя жилетка съ разводами и черный потертый пиджакъ. На грязной манишкѣ краснѣлъ галстухъ; свѣтлая растрепанная бороденка свидѣтельствовала, что владѣлецъ ея не мѣстный уроженецъ.

— А па-а-звольте узнать, куда вы идете? — обратился онъ къ намъ начальственнымъ тономъ.

Мы молча ускорили шагъ.

— Нѣтъ? — повысилъ голосъ незнакомецъ, обгоняя насъ, и, растопыривъ руки и ноги, сталъ передъ нами, полагая, должно быть, что его никакъ нельзя обойти.

Измятыя до нельзя манжеты, мутные и сѣрые на выкатѣ глаза и сильный винный запахъ обдавшій насъ, свидѣтельствовали, что незнакомецъ былъ сильно въ градусѣ.

Мы остановились.

— А тебѣ что за дѣло? — грубо спросилъ Янъ.

Лицо у него поблѣднѣло, маленькіе глазки потемнѣли и заблестали.

Неизвѣстный былъ одного роста съ нимъ, но такой жиденькій, что несмотря на геройскую позу и выпяченную впередъ грудь казался передъ здоровякомъ Яномъ пиглицей.

— Разговариваешь? А знаешь, кто я? — крикнулъ онъ.

— Кто?

— Я писарь! Ага?! Паспорта есть?

— А это видѣль?

Янъ поднесъ къ носу противника увѣсистый кулакъ. — Ишелъ прочъ, не то я тебя...

— Каррауль! — неистово завопилъ писарь. — Ратуйте!

— Бѣжимъ! — въ испугъ проговорилъ я и схватилъ хотѣвшаго уже вцѣпиться во врага Яна. — Брось его!

— Куда-а?! — закричалъ писарь, ухвативъ за руку Яна. — Вы—виленскіе бѣглецы! Сюда! Братики!

Янъ съ силой рванулъ свою руку, и писарь шлепнулся на землю, продолжая орать какъ недорѣзанный.

Мы во всю прыть бросились къ лѣсу.

Писарь вскочилъ и побѣждалъ къ корчмѣ.

— Задержать! — слышались его крики: — награду дамъ! Арестовать ихъ!!!

Человѣкъ шесть какихъ-то субъектовъ въ пиджакахъ, галдя и махая руками, высыпали на бывшее поле сраженія. Увидавъ насъ, всѣ, какъ были въ корчмѣ, разстегнутые и безъ шапокъ, помчались въ погоню. Писарь вскочилъ въ одну изъ повозокъ и, не разбирая дороги и хлеща изо всѣхъ силъ буланку, полетѣлъ на перерѣзъ, подскакивая отъ толчковъ чуть не на аршинъ вверхъ и вскидывая локтями, какъ крыльями; волосы его развѣвались.

Я неся, не чувствуя ногъ подъ собой.

Пистолетъ выпалъ у меня изъ-за пояса, Янъ уронилъ одинъ изъ двухъ нашихъ мѣшковъ съ провизіей, но подымать то или другое времени не было.

Погоня отстала шаговъ на триста; лѣсъ былъ уже близко.

Мы бурей ворвались въ кусты и скрылись отъ глазъ преслѣдователей.

На наше счастье лѣсъ оказался дубовый — въ сосенникѣ спрятаться было бы трудно.

Я задыхался. Сердце у меня не билось, а бѣшеннымъ ходуномъ ходило въ груди; въ глазахъ завертѣлись яркіе круги радужныхъ цвѣтовъ.

Мы пошли шагомъ; ноги у меня подламывались и дрожали.

Гнавшіеся, аукаясь, разсыпались цѣпью. Слышно было, какъ трещали вѣтви подъ ногами ихъ; я напрягъ остатки силъ и ускорилъ ходъ.

Мы попали въ положеніе зайцевъ: на насъ охотились загономъ! Куда мы могли выйти, какъ великъ лѣсъ, что за нимъ, — поле, рѣка-ли,—все было неизвѣстно.

— На дерево бы влѣзть! — вырвалось у меня.

— А Брута куда дѣтъ? — возразилъ Янъ. — Онъ выдастъ насъ!

Притаиться въ кустахъ не имѣло смысла: ихъ могли обшарить и наткнуться на насъ; — продолжать идти впередъ было страшно,—лѣсъ могъ окончиться, могъ, наконецъ, кто-нибудь направиться наперерѣзъ намъ и мы были бы пойманы.

Среди могучихъ, но молодыхъ еще дубовъ, нѣтъ, нѣтъ и попадались кряжистые многовѣковые гиганты.

Мы кидались къ нимъ, но ни норы подъ корнями, ни подходящаго дупла не оказывалось.

Вдругъ впереди блеснули просвѣты. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, и мы очутились на опушкѣ; за ней разстилалось огромное бѣлое поле гречихи!

Мы съ ужасомъ взглянули другъ на друга: гречиха была такъ низка, что притаяться въ ней могъ бы развѣ лишь заяцъ!

Значительно отставшіе отъ насъ преслѣдователи приближались; я различалъ голосъ писаря, улюлюкавшаго, какъ на настоящей охотѣ: медлить нельзя было ни минуты.

Я обѣжалъ глазами чащу и поспѣшилъ къ ближайшему дубу, обхватомъ сажени въ двѣ; въ густой и развѣсистой зелени его, показалось мнѣ, можно было укрыться.

— Лѣзь, скорѣй, Янъ!

— А ты?

— Лѣзь! — раздраженно прикрикнулъ я.

Разговаривать было некогда; Янъ во мгновение ока сѣлъ верхомъ на нижнюю вѣтвь.

Я ухватилъ Брута и, еле поднявъ его, передалъ Яну; съ большимъ трудомъ вскарабкался затѣмъ самъ и, помогая одной рукой Яну держать собаку, другой цѣпляясь за вѣтви, съ неимоверными усиліями сталъ подыматься выше.

Съ обонхъ насъ лилъ потъ; оружіе, мѣшки, а главное — тяжелый и плотный, какъ большая свинья, Брутъ такъ и влекли насъ къ землѣ. Я раза два чуть не сорвался и только стиснувъ руку до окостенѣнія и су-

дорогъ въ пальцахъ, удержался въ воздухѣ. Брутъ ошалѣлъ и не шевелился; онъ только часто моргалъ и жалобно заглядывалъ намъ въ глаза.

Саженьяхъ въ трехъ отъ земли мы одновременно замѣтили чернѣвшее въ стволѣ дуба отверстіе.

Дупло!

Янъ схватился за край его свободной рукой и заглянулъ во внутрь.

— Помѣстимся! — едва переводя духъ, проговорилъ онъ. — И чертъ тоже! — Обозванный такимъ именемъ Брутъ заискивающе лизнулъ его въ щеку.

— Глубокое? — шепотомъ спросилъ я.

— Нѣтъ, дно видно. Втиснемся. Ну-ка, приподымай его!

Мы приналегли, и посаженный кверху руками и плечами Брутъ, какъ кулъ съ мукой, опрокинулся, взвизгнулъ и исчезъ внутри дуба.

— Ффу... окаянный! — отдуваясь прошепталъ Янъ. — Лѣзь же, есть мѣсто.

— А ты гдѣ будешь?

— На верхушку взберусь. Возьми это къ себѣ!..

Въ дупло полетѣли мѣшокъ и ружье, и облегченный Янъ, какъ бѣлка, исчезъ въ густой листвѣ.

Я полѣзъ къ Бруту.

Дно дупла отступало приблизительно на аршинъ отъ отверстія. Я прыгнулъ внутрь и чуть не по колѣна ушелъ въ сухую и мягкую сердцевину.

Мелкая пыль отъ гнилушекъ окружила меня; я закрылъ глаза, зажалъ носъ, чтобы не расчихаться, и, поджавъ ноги, усѣлся рядомъ съ Брутомъ; снаружи насъ прикрывали

вѣтки. — А-ау, гей!!!... — доносились приближающіеся голоса.

— Не видать?

— Нѣтъ!

Я приподнялся и, не высовываясь наружу, глянулъ по направленію голосовъ.

Шагахъ въ десяти отъ нашего пріюта стояло на лужайкѣ трое преслѣдователей.

— Куда-жъ они дѣвались? Не прошли ли вправо?

— Туда на пересѣкъ наши взяли!

— А влѣво?

— И слѣва кто-то забѣжалъ. Да вотъ онъ!

Изъ кустовъ съ указанной стороны, показался растрепанный писарь.

Красный галстухъ его съѣхалъ на сторону, пиджакъ былъ растерзанъ.

— Поймали? — запыхавшись спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А вы?

— Нѣтъ.

— Такъ гдѣ жъ они?

— Кто ихъ знаетъ!

Писарь схватился за волосы.

— Чертъ бы васъ дралъ!—завопилъ онъ. Да передъ вами же они были, изъ-подъ носа награду выпустили! А-ахъ! Да ищите же, бѣгите скорѣй, проды анафемскіе!

И онъ врѣзался грудью въ затрещавшіе кусты.

Мы могли считать себя спасенными: обшарить каждую вершину въ лѣсу было невозможно и для нѣсколькихъ сотъ чловѣкъ!

Оставалось ждать сумерекъ и подъ ихъ покровомъ выбраться какъ-нибудь изъ опаснаго мѣста.

Голоса затихли.

Я постоялъ еще немного у отверстія своего убѣжища, затѣмъ присѣлъ и увидалъ лицо Яна.

— Ушли! — прошепталъ онъ. — Вправо всей ордой пустились. А вѣдь у одного пистолеть былъ! — внушительно и какъ бы съ опаской добавилъ Янъ.

— Это мой, — отозвался я. — Я потерялъ!

— Ээхъ! Це, це, це!.. И я мѣшокъ обронилъ! Что же у насъ осталось?

— Да ты иди сюда, — мѣсто найдется!

Янъ спустился, втиснулся между мной и Брутомъ и, передавая свои мысли и впечатлѣнія развязалъ уцѣлѣвшій мѣшокъ.

Тамъ были порохъ и пули; изъ сѣстнаго же сохранилось всего пять картофелинъ и фунта четыре хлѣба; все прочее, въ томъ числѣ соль и спички, погибло безвозвратно.

На лицо Яна набѣжали тѣни.

Я не сказалъ ни слова и даже не пошевелился. Испугъ, напрягавшій во мнѣ нервы, покинулъ меня и вслѣдъ за нимъ уходили и силы.

Я впалъ въ изнеможеніе; все тѣло у меня вдругъ покрылось испариной, горѣло и было.

Я оперся головой и плечомъ о стѣнку, кое какъ повернулся на бокъ и закрылъ глаза.

Полное равнодушіе ко всему овладѣло мной.

Глава XX

Злобное рычаніе Брута немного отрезвило меня; я приподнял вѣки и увидалъ, что Янъ держитъ пса за морду: извнѣ долетали глухіе голоса.

Я взялъ Брута на свое попеченіе, а Янъ поднялся и сталъ слушать.

— Право, собака ворчала!—различилъ я голосъ внизу.

— Да гдѣ, побойся Бога! Показалось тебѣ!..

— Нѣтъ, не показалось!

— Ну гдѣ же она можетъ быть? На деревѣ, что ли?

— А хоть бы и на деревѣ!..

Послышался смѣхъ.

— А можетъ на небо ее живою взяли? Эхъ ты, голова!

— Ладно!—упрямо повторилъ названный головою. — Обискать надобно здѣсь хорошенько. Э—э—ей! — всей грудью крикнулъ онъ, приставивъ должно быть руки ко рту. — Сюда!

Я услыхалъ трескъ сучьевъ.

— А? Что? Нашли? — раздался голосъ писаря.

— Нѣтъ. Только они гдѣ-то здѣсь. Собака, я слышалъ, ворчала!

— Собака? — писарь зачмокалъ губами и засвисталъ. — Кричите, братцы, громче, — она залаетъ!

Раздались дружные крики, свистъ и улюлюканье.

Шерсть на Брутѣ встала дыбомъ; онъ поднялся, чтобъ броситься вонъ изъ дупла, но я быстро ударилъ его по лбу и заставилъ лечь; глухое рычаніе застряло у него въ

горлѣ. Я распахнулъ куртку и, повалившись на пса грудью, засунулъ его морду къ себѣ за пазуху. Шумъ внизу утихъ,

— Деревья осматриваютъ! — шепнулъ Янъ.

— Лазятъ на нихъ?

— Нѣтъ, снизу глядятъ.. Въ сторону отошли теперь. — И онъ снова сталъ насторожѣ.

Орда преслѣдователей скоро опять собралась неподалеку отъ насъ.

Одинъ постучалъ палкой по нашему дубу; удары слабо отдались въ дуплѣ; благодаря тому, что оно находилось высоко, гула не было.

Мы не шелохнулись.

— Да нѣту, нѣтъ дупла! Удрали! — разочарованно проговорилъ одинъ изъ голосовъ.

— Даромъ только пріятную компанію нарушили!

— Да куда же они могли удрать?!

— Облаву! Облаву сгоню нынче же; сію минуту! — кипятился писарь.

— А именины какъ?

— И именины пропустимъ и съ пустыми руками вернемся! — мрачно добавилъ другой. — Гайда въ корчму!

Внизу грянулъ словно пушечный выстрѣлъ. Я вздрогнулъ.

Эхо далеко прокатилось по лѣсу.

Что такое? — чуть слышно спросилъ я Яна.

— Писарь это... Писарь вверхъ выпалилъ, — нагнувшись къ моему уху, отвѣтилъ Янъ.

Внизу поднялись споры и крики.

Наконецъ, писаря уговорили бросить поиски, и компанія стала удаляться. Янъ пристально слѣдилъ за ними.

— А вѣдь одинъ-то не ушелъ! — опять прошепталъ черезъ нѣсколько минутъ Янъ. — Въ кустѣ притаился!

— Пускай! — равнодушно отвѣтилъ я.

Янъ сѣлъ рядомъ со мной и замолчалъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и онъ вставалъ и, не приближая лица къ отверстию дупла, взглядывалъ внизъ.

Подкарауливавшій насъ неподвижно лежалъ на избранномъ имъ мѣстѣ. Только голова его поворачивалась изъ стороны въ стороны.

Время уходило медленно.

Я минутами задремывалъ, но слышалъ съ удвоенной чуткостью каждый шорохъ въ лѣсу. Лихорадка пожирала меня; Брутъ навалился на меня всѣмъ тѣломъ, и то пріятно согрѣвалъ меня, то начиналъ казаться нестерпимо натопленной печкой; я обливался потомъ, но продолжалъ прижимать его похрапывавшую морду къ груди.

Когда я нѣсколько отрезвился, дупло наполняла темнота.

Янъ стоялъ.

Я тронулъ его за ногу и онъ присѣлъ.

— Здѣсь этотъ?

— Здѣсь.

— Какъ же мы сдѣлаемъ?

Янъ энергично потряхнулъ волосами.

— Какъ? Да вѣдь не вѣкъ сидѣть намъ тутъ, стемнѣетъ совсѣмъ и уйдемъ!

— А наткнемся на того?

— Что же, вѣдь онъ одинъ. Пусть-ка поймаетъ насъ впотьмахъ!

— Какъ мы дорогу отыщемъ?

Янъ промолчалъ.

— Ничего,—проговорилъ я немного погодя, вспомнивъ, что Меречанка впадаетъ въ Нѣманъ. — Берегомъ рѣки пойдѣмъ. Только бы до него добраться!

— До рѣки-то доберемся!—увѣренно отвѣтилъ Янъ.

Отъ него дышало энергіей и вѣрой въ наши силы.

— Побойтся этотъ ночью одинъ въ лѣсу остаться!

— А если онъ не одинъ?

— Мѣсяца нѣтъ, не замѣтитъ! Вотъ что: я слѣзу первымъ и осмотрю опушку; коли наткнуся на кого,—побѣгаю по лѣсу, собью со слѣда да и опять къ тебѣ проберусь!

— Не попадись смотри!

— Еще чего!

Удалой Янъ безшумно исчезъ изъ дупла.

Прошло минутъ двадцать.

Я уже хотѣлъ отправиться на поиски друга, но слабый шорохъ по корѣ далъ знать, что онъ возвращается.

— Идемъ! — прошепталъ онъ, — всовывая голову въ дупло.

— Ружье оставимъ, — съ болѣзненнымъ раздраженіемъ сказалъ я: — оно только выдаетъ насъ... и тяжелое!

Янъ не возражалъ. Онъ надѣлъ на себя мѣшокъ, со страшными усиліями вытащили мы изъ дупла Брута и, не видя ни зги, ощупывая ногами вѣтви, стали совершать опасный спускъ.

Янъ наступилъ на сухой сукъ; онъ хрустнулъ, какъ пистолетный выстрѣлъ.

Мы обмерли и, затаивъ духъ, повисли на деревѣ; лѣсъ молчалъ, какъ мертвый.

Мы выждали нѣсколько времени и стали продолжать путешествіе. Наконецъ, я ощутилъ подъ ногой землю.

Мы спустили съ рукъ Брута, я обязалъ ему шею носовымъ платкомъ и, придерживая за импровизированный ошейникъ, крадучись, сталъ пробираться за Яномъ.

Тьма висѣла непроницаемая; на разстояніи вытянутой руки я едва различалъ стволы деревьевъ.

Янъ направлялся на слабый просвѣтъ къ опушкѣ мимо зловѣще молчавшаго куста, въ которомъ таился собутыльникъ писаря.

Янъ вдругъ остановился; я весь превратился въ слухъ.

Среди тишины слышался слабый и мѣрный храпъ. Нашъ врагъ спалъ!

Какъ тѣни, проскользнули мы къ опушкѣ, бѣгомъ спустились съ откоса бугра, на которомъ росъ лѣсъ, и зашагали по густой, мокрой отъ росы гречиxъ.

Открылось вызвѣздившее небо; смутно вырисовывались окрестности. Слѣва, вдали, затемняли небо какіе-то грозные изломы: то были горы надъ Меречанкой.

Мы напрямикъ держали на нихъ.

По пашнѣ идти было неудобно, но мы не обращали вниманія на такіе пустяки и радовались счастливому избавленію отъ новой опасности. Я поминутно срывалъ цвѣты гречиxи и обсасывалъ ихъ; роса славно утоляла жажду.

Но скоро ознобъ, а съ нимъ и слабость овладѣли мной.

Я замолчалъ и, ежась и кутаясь, старался не отставать отъ Яна.

— Что, опять тебя знобитъ? — спросилъ онъ, замѣтивъ мои вздрагиванья.

— Да, немного...

— Ничего, къ рѣкѣ придемъ, — сыщемъ мѣстечко, костеръ разведемъ.

— А спички гдѣ?

— Спички...

Янъ примолкъ.

Поля окончились. Мы вступили на пески и стали увязать въ нихъ по щиколку; кое-гдѣ по сторонамъ подымались низкіе можжевеловые кусты, я узналъ ихъ по сильному запаху.

Еще немного — и мы очутились на краю обрыва; внизу, среди темнаго луга, тускло блеснула окруженная заводами, прихотливо изогнутая Меречанка.

На довольно широкой поверхности ея отражались звѣзды.

За рѣкой высились острые горы; по изломамъ ихъ чернѣлъ лѣсъ.

Мы спустились на лугъ, по влажной травѣ добрались до одинокаго холма, высившагося надъ рѣкою и взобрались по крутому скату. На вершинѣ, среди можжевельника, росло какое то развѣсистое дерево; Янъ сорвалъ вѣтку и ощупалъ листья.

— Яблоня, — произнесъ онъ. — Вотъ за горой и устроимся у воды!

Я запротестовалъ. У воды всегда холоднѣе, а скрываться за горой не имѣя возможности развести костеръ было бессмысленно.

Янъ согласился со мной.

Мы сложили оружіе и вещи подъ яблоней и принялись ножами выкапывать себѣ въ песокъ постели. Янъ натаскалъ мнѣ откуда то сухого, какъ хворостъ, похожаго на древесные лишай, моха и выстлалъ имъ мое логовище.

Отъ ѣды я отказался. Янъ и Брутъ закусили вдвоемъ а я легъ, укутался съ головой въ шпнель, и тяжелое забытье сразу охватило меня. Холодъ разсѣялъ кошмаръ, душившій меня; я почувствовалъ, что жестоко озябли, только до колѣнъ прикрытыя, ноги. Страстно желая уснуть, я поджалъ ихъ и повернулся на другой бокъ, — стало еще холоднѣй, но уже всему тѣлу.

Я скорчился подъ пальто въ комокъ, — не помогало; лежать сдѣлалось, наконецъ, нестерпимымъ. Я скинулъ съ лица край пальто и сѣлъ.

Лунная безмолвная ночь стояла надъ міромъ.

Что то сказочное было въ изсиня-темномъ небѣ, въ сонной, зеркальной водѣ, въ серебряныхъ, свѣтлыхъ горахъ, увѣчаныхъ темными зубцами бора.

Надъ заводами дымился туманъ. Далеко за рѣкой мерцалъ костеръ, откуда то слѣва доносился едва слышный лай собакъ—признакъ близости деревни.

Нѣсколько минутъ я провелъ въ какомъ то очарованіи: невѣдомыя силы разомъ перенесли меня изъ дупла дерева въ волшебный міръ; затѣмъ, вздрагивая, я легъ снова. Сырость почти насквозь пропитала легкое пальто мое; оно совсѣмъ не грѣло.

Брутъ, точно огромный клубокъ, лежалъ немного въ сторонѣ, дрожалъ, и нѣтъ, нѣтъ, подымалъ лобастую голову и жалобно взвизгивалъ: бѣдному псу было не теплѣе, чѣмъ мнѣ.

Наконецъ онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, и попытался забраться подъ пальто. Я раскрылся совсѣмъ и поднялся на ноги. Онъ едва держали меня.

Янъ, надѣвъ свое пальто въ рукава, сидѣлъ, скорчившись подъ яблоней.

— Вотъ холодина!—стараясь унять внутренний ознобъ, проговорилъ я. — Спать страшно хочется!

Янъ глядѣлъ однимъ глазомъ; все прочее было у него укрыто.

— Чего спать, тутъ всю ночь бѣгать надо! — пробурчалъ онъ.

— Кабы костеръ разложить?

— Да... А поищи, можетъ найдешь гдѣнибудь у себя спичку?

— Искать, нѣту.

Я сталъ обшаривать свои карманы; они были пусты. Скорѣе для очистки совѣсти, чѣмъ ожидая найти что-нибудь, я вернулся къ оставленному на землѣ пальто и осмотрѣлъ его.

Въ боковомъ карманѣ я ощупалъ что-то длинное.

— Спичка!—радостно вскрикнулъ я, вынимая ее.

— Ну? Одна?

Янъ подскочилъ ко мнѣ.

— Одна!

— Собирай скорѣй хворостъ!

Мы пустились обшаривать холмъ и склоны его; при обманчивомъ лунномъ свѣтѣ производить это было трудно; я поминутно хватался за тѣни отъ кустовъ, принимая ихъ за сухія вѣтки.

Поиски не привели ни къ чему.

Ломать яблоню было жалко, и я принялся за можжевельникъ. Но онъ оказался упругимъ и колючимъ до мучительности. Янъ съ остервенѣніемъ дергалъ и рвалъ непокорные кусты и скоро подъ яблоней появились охапки вѣтокъ.

— Не замѣтили бы насъ! — сказалъ я, оглядываясь. — Деревня близко!

— Бѣсъ съ ними, пускай замѣтятъ! — отозвался Янъ. — Подумають, что ночное. Да и время позднее — спать теперь всѣ!

Мы зажгли своею драгоцѣнною спичкой мохъ, служившій мнѣ подстилкой, и сунули его въ груды вѣтокъ.

Костеръ долго не хотѣлъ разгораться; отъ смолистаго и сырого можжевельника длиннымъ столбомъ валилъ, пригибаясь къ лугу, густой и бѣлесоватый дымъ; наконецъ вспыхнули и затрещали, перебѣгая съ вѣтки на вѣтку, веселые огоньки. Мы безпрестанно подкидывали имъ новую добычу; изъ костра вырвалось, наконецъ, вверхъ огромное пламя и лизнуло нависшія надъ нимъ вѣтви яблони.

Янъ, Брутъ и я жались насколько возможно ближе къ нему.

Живительная теплота распространялась по одной половинѣ тѣла; другая пронизывалась холодомъ и нетерпѣливо ждала своей очереди грѣться.

Время отъ времени приходилось отправляться за новымъ запасомъ топлива: можжевельникъ сгоралъ, какъ солома.

— Чаю-бы выпить! мелькнула во мнѣ соблазнительная мечта, но ни чаю, ни котелка для воды не имѣлось.

Приблизительно до трехъ часовъ просидѣли мы, поддерживая огонь, и поглядывая на медленно блѣднѣвшее небо. Мѣсяцъ меркъ, словно уходилъ въ мутнѣвшую высь. Колыхавшаяся надъ рѣкой и заводами пелена тумана подымалась и ширилась. Луга исчезали.

Скоро туманъ коснулся и нашего холма и обвилъ подошву его; медлительные призраки волнъ вздымались, таяли въ воздухѣ и поглощали все на пути своемъ. Образовалось сплошное, непроницаемое для глаза, дымящееся и безшумное море.

Чудилось, что мы сидимъ у костра на вершинѣ заоблачной одинокой скалы; медленно клубятся и ползутъ, касаясь иногда ногъ нашихъ, облака, застилающія землю, таящуюся въ головокружительной безднѣ внизу.

Едва востокъ обозначился розоватой полоской, мы запагали въ западномъ направленіи.

Первоначальный планъ слѣдованія берегомъ Меречанки былъ оставленъ; она выписывала такія петли, что въ день не пришлось бы подвинуться и на пять верстъ впередъ.

Мы рѣшили идти напрямикъ; Нѣманъ былъ въ одномъ, много въ двухъ дняхъ пути отъ насъ.

Сѣро-мутное небо предвѣщало жаркій день.

Величавый боръ скоро принялъ насъ въ свои нѣдра, но сопровождалъ насъ не долго; его смѣнилъ низкорослый ельникъ и сосенки; песчаные невысокіе холмы кругомъ становились все обнаженнѣе.

Съ вершины одного изъ нихъ я замѣтилъ уходившую далеко влѣво, прямую какъ стрѣла, большую дорогу; я узналъ ее по аллеѣ изъ вѣковыхъ березъ и мощныхъ высокихъ сосенъ.

Кругомъ, сколько могъ охватить глазъ, разстилались холмистые пески съ рѣдкими унылыми перелѣсками. Возшедшее солнце

пріятно обогрѣло насъ; идти скоро стало тяжело. Несмотря на раннее утро, припекало сильно.

По небу не плыло ни облачка. Даль казалась блѣдно-бурою; словно дымъ сплошь заволакивалъ ее; воздухъ былъ неподвиженъ; не слышалось ни щебета птицъ, ни трещанья кузнечиковъ.

Я снялъ пальто и разстегнулся; зной дѣлался все нестерпимѣе.

Отъ бессонницы и утомленія въ головѣ у меня шумѣло.

Я предложилъ сдѣлать привалъ.

— И, знаешь что?—добавилъ я, — ночью мы все равно спать не сможемъ, такъ давай выспимся сейчасъ, а ночью идти будемъ: легче, и безопаснѣе!

Мелкія елки и можжевельникъ попадались все рѣже и рѣже; наконецъ передъ нами развернулась обнаженная, однообразная пустыня; словно властное слово заставило оцѣпенѣть разыгравшееся, бурное море, и оно застыло, поднявъ свои безпредѣльныя желтыя песчаныя волны.

Мы свернули къ одинокому, почти не дававшему тѣни можжевеловому кусту, и я даже не подложивъ ничего себѣ подъ голову, пластомъ легъ на горячій песокъ, уткнулся въ него щекой, раскинулъ руки, и сонъ тяжелый и непробудимый, охватилъ меня.

Глава XXI

Уже вечерѣло, когда я проснулся.

Неподалеку пылалъ костеръ. Пока я спалъ, Янъ отыскалъ гдѣ-то въ подкладкѣ

моего пальто еще пару спичекъ и, разведя огонь, усѣлся печь картофель.

Меня томила жажда.

— Попить бы, — проговорилъ я.

— Нѣту воды, — отозвался онъ, — вездѣ искалъ ее. Да ты хоть поѣшь; хуже тебѣ станетъ, не ѣвши?

Я всталъ, подошелъ къ Яну и опустился у костра; аппетита не было никакого, тѣмъ не менѣе я принудилъ себя одолѣть полъ-картофелины. Другую половину я отдалъ Бруту.

— Надо къ утру до Нѣмана добраться! — сказалъ Янъ, — хлѣба только одна корка осталась!

— Главное бы воды?.. — вымолвилъ я.

— По дорогѣ сыщемъ! — Яну видимо хотѣлось поддержать и ободрить меня.

Мы тронулись дальше.

Я шелъ черезъ силу, еле вытаскивая изъ песка ослабѣвшія ноги.

На темной сини неба всходила багровая полная луна; кое-гдѣ мигали мелкія искры звѣздочекъ. Отъ песка несло тепломъ: онъ отдавалъ зной, пріобрѣтенный днемъ отъ солнца.

Усѣянная безчисленными, полузатянутыми пескомъ валунами, желтая пустыня блѣднѣла; воздухъ и даль дѣлались прозрачнѣе.

Ночь предстояла чудесная, но я уже не думалъ ни о чемъ, и не хотѣлъ ничего, кромѣ покоя.

При свѣтѣ мѣсяца идти оказалось труднѣе, чѣмъ днемъ: глазъ не различалъ твердыхъ полосъ, обыкновенно обнажаемыхъ вѣтромъ среди песковъ и мы поминутно увязали въ наносахъ.

Пустыня молчала.

Безконечные, бѣлесоватые, какъ волны ковыля, пески окружали насъ со всѣхъ сторонъ; лунный свѣтъ поглощался ими; слабо озарялась поверхность пустыни — безконечная, беззвучная, мутная...

Изрѣдка Янъ обращался ко мнѣ съ какимъ-нибудь словомъ, я отвѣчалъ и мы оба умолкали и напряженно оглядывались.

Я неотступно думалъ о водѣ. Было жутко и безпокойно среди необъятнаго простора; куда ни обращалъ я глаза, отовсюду смотрѣло что то загадочное, проникавшее въ душу недвижнымъ взоромъ.

Бруть, бѣгавшій обыкновенно по сторонамъ, скромно держался вблизи меня.

Однообразный мутный цвѣтъ земли и воздуха утомлялъ глаза, а съ ними и все тѣло. Идти становилось все труднѣе, ноги чаще и глубже утопали въ зыбучемъ пескѣ.

Ни ручья, ни жилья не встрѣчалось.

Во рту, въ груди и въ горлѣ жгло: губы растрескались. Блѣдно-зеленоватые мягкіе лучи туманили мозгъ, пронизывали всю внутренность мою. Если-бъ была возможность хоть на минуту скрыться въ тѣнь, это нѣсколько успокоило бы, — но деревья и кусты отсутствовали.

Платье стало казаться тяжелымъ и неудобнымъ; я все передергивалъ плечами, стараясь оправить его на себѣ; ременный кушакъ рѣзалъ поясницу.

Янъ, молчаливый и сосредоточенный, шагаль рядомъ со мною.

Жажда, наконецъ, сдѣлалась невыносимой. Я готовъ былъ прокусить себѣ руку и выпить крови, чтобы хоть каплей чего-нибудь освѣжить спекшееся, сведенное судорогой горло, но не только воды — росы нельзя было найти нигдѣ.

Въ головѣ мутилось; я чувствовалъ, что начинаю шататься, и только неимовернымъ напряженіемъ воли заставлялъ себя вытаскивать обезсилѣвшія въ конецъ, тяжелыя гари ногъ изъ глубоко засасывавшего ихъ песка.

Единственная мысль огненнымъ колесомъ крутилась въ мозгу: «пить, пить!»

И вдругъ радость, безумная радость наполнила душу: впереди блеснула вода!

Она широкою полосою разстилалась слѣва въ ложбинкѣ.

Измученный, какъ и мы, Брутъ увидалъ ее тоже, и первый бросился къ ней.

— Вода! — хрипло вскрикнулъ я и побѣждалъ изъ послѣднихъ, неизвѣстно откуда взявшихся, силъ. Янъ устремился за нами.

Прибѣжали и остановились: передъ нами бѣлѣлъ песокъ; его рябили темносѣрые и совсѣмъ черные камни, бросавшіе отъ себя мелкія тѣни. Насъ обмануло зрѣніе!

Я сѣлъ на одинъ изъ большихъ валуновъ.

Если бы могъ, я заплакалъ бы отъ злости и разочарованія, но слезъ не было. Мы передохнули и тронулись дальше.

Прошло съ полчаса; Янъ всмотрѣлся опять влѣво и указалъ туда рукою.

— Вода! — еле вымолвилъ онъ.

Брутъ, опустивъ голову и хвостъ, плелся уже къ ней.

Дѣйствительно, въ небольшой низинѣ извивался широкій ручей, вѣрнѣе — мелкая рѣченка. Это не могъ быть обманъ зрѣнія: я слышалъ журчаніе воды вокругъ выставившихся всюду камней, видѣлъ зыблющуюся рябь на посеребренной поверхности.

Мы ускорили шаги.

Я уже предвкушалъ воду, ощущалъ ее во рту, чувствовалъ, съ какой жадностью припаду къ ней и буду пить, пить безъ конца!

Рѣченки не оказалось: стлался песокъ... сухой, безжизненный, покрытый камнями...

Съ ума можно было сойти въ ту ночь среди блѣдныхъ безконечныхъ равнинъ!

Лишь послѣ двухъ такихъ же испытаній зачуяли мы, наконецъ, воду, настоящую воду. Не увидали ее, а зачуяли: душный воздухъ чуть засвѣжѣлъ. Если-бъ не это, мы, можетъ быть, прошли бы мимо, не вѣря больше глазамъ своимъ.

Широкая поверхность ея темнѣла справа.

Мы припали къ ней, съ изступленіемъ хватая губами песокъ со дна, глотали ее безъ конца — теплую, почти парную.

Брутъ ворвался въ нее, остановился шагахъ въ десяти впереди насъ и жадно, ненасытно лакалъ вывалившимся, какъ у бѣшеннаго, языкомъ.

— Будетъ! — проговорилъ, наконецъ, Янъ, встряхивая меня за плечо.

Я отодвинулся шага на два и легъ на грудь; не было силы разстаться съ водой и уйти отъ нея. Все, каждый вершокъ тѣла требовалъ отдыха.

Бруть улегся въ водѣ и нѣтъ, нѣтъ, я слышалъ чавканье и лаканье его.

Полузабытье овладѣло мною.

Казалось, а можетъ и впрямь такъ было, гдѣ то вдали лилась заунывная пѣсня. Будто бы въ той же сторонѣ чернѣлъ лѣсъ, мелькали огоньки... И вдругъ почудилось, что я, раздѣтый, лежу дома на свѣжихъ простыняхъ, на кровати; отрадное ощущеніе разлилось по мнѣ...

Но кровать начала вращаться, сперва медленно, затѣмъ быстрѣе, быстрѣе... Спазмы тошноты подступили къ горлу. Я открылъ глаза, и головокруженіе прекратилось на мигъ.

Черезъ нѣкоторое время я не смогъ лежать и сѣлъ. Я обезсилѣлъ настолько, что голова у меня шаталась; я поддерживалъ ее рукою.

Опять захотѣлось пить; я подползъ къ водѣ и увидалъ Яна: онъ ничкомъ распластался на берегу; скорченные, какъ въ судорогѣ, пальцы разметанныхъ рукъ его врылись въ песокъ, забившійся ему въ лицо, въ волосы, за воротъ; Янъ спалъ и не ощущалъ ничего.

Прежде всего я окунулъ въ воду голову, но воды не хватило покрыть ее и до половины; тогда я принялся поливать себѣ лобъ и темя изъ горсти правой руки.

Душъ этотъ нѣсколько освѣжилъ меня; я жадно, безъ передышки, сталъ утолять жажду, хотя и почувствовалъ, что вода противная и пахнетъ коровами.

Головокруженіе прекратилось; силы слегка возстановились. Сонъ началъ валить меня, но я помнилъ, что надо къ утру добратся до Нѣмана и боролся съ искушеніемъ. И когда одолѣлъ, когда желаніе уснуть отле-

тѣло, — мнѣ вдругъ сдѣлалось легче. Показалось даже, что идти опять уже не составить труда для меня.

Я поглядѣлъ на Яна, и мнѣ жаль стало трогать его: онъ лежалъ жалкій, истомленный.

Однако пора было трогаться въ путь; я разбудилъ пріятеля. Онъ поднялъ голову, бессмысленно-тупо оглядѣлъ меня, наконецъ, вспомнилъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, поднялся и трясущимися руками медленно сталъ собирать раскиданныя вещи.

Я всталъ и хотѣлъ шагнуть впередъ, чтобы помочь ему, но ноги у меня подломились, какъ соломинки. Янъ подхватилъ меня и опустилъ на песокъ.

— Что съ тобой? — испуганно проговорилъ онъ, быстро разстегивая воротъ моей куртки. — Отзовись... милый!

Я слышалъ полный отчаянія голосъ его, но не отзывался. Мнѣ вдругъ сдѣлалось необычайно хорошо; точно крылья уносили меня куда-то въ прохладную и свѣтлую высь. Только продолжавшійся шумъ въ ушахъ мѣшалъ полному блаженству; я прислонилъ голову къ плечу спутника, и сознаніе оборвалось во мнѣ...

На этомъ я и закончу свои воспоминанія. Добавлю лишь нѣсколько словъ о томъ, что произошло впослѣдствіи.

Утромъ крестьяне находившейся неподалеку деревни наткнулись на Яна.

Онъ, сгорбившись, неподвижно сидѣлъ около огромной лужи, поддерживая на колѣняхъ мою голову; я лежалъ, какъ мертвый.

Мы заблудились съ нимъ въ Сахарѣ Литвы вблизи Меречи. Жара въ тѣ дни доходила до 40° R. Передъ самымъ концомъ нашего блужданія по дорогѣ въ

той же мѣстности проходила артиллерійская бригада, и двѣ лошади пали отъ солнечнаго удара.

Янъ до такой степени осунулся, такъ былъ убитъ и пораженъ мыслью о моей смерти, что едва добились отъ него отвѣта.

Обоихъ насъ доставили въ Вильно.

У меня оказался жесточайшій тифъ. Янъ отдѣлался только изнуреніемъ и испугомъ. Онъ со слезами выпросилъ у тети позволеніе хотъ разъ въ день заходить навѣщать меня, и ему позволили. Но я долго не узнавалъ никого.

Нечего и говорить, что выздоровленіе мое было встрѣчено общею горячею радостью. Ни вызванная телеграммой, перепуганная всѣмъ происшедшимъ мать, ни тетя, никто даже словомъ не упрекнулъ меня за то, что перенесли всѣ по моей винѣ.

Даже суровый Тадеушъ, освѣдомившись предварительно, нѣтъ ли кого при мнѣ, и узнавъ, что я одинъ, выставлялъ изъ корридора ко мнѣ въ комнату густые кусты усовъ и спрашивалъ:

— А ну, какъ себя чувствуете, панычъ? Вставайте, пойдѣмъ съ вами перепеловъ ловить! Шельма Брутъ все къ вамъ просится!

— Зайдите, зайдите, — говорилъ я, улыбаясь.

И Тадеушъ осторожно входилъ и впускалъ Брута.

Песъ съ ума сходилъ отъ восторга, но Тадеушъ не позволялъ ему бросаться на меня; давъ мнѣ поласкать Брута, Тадеушъ принималъ строгій видъ, садился на корточки, и начиналось показыванье собачьихъ фокусовъ.

Брутъ, какъ сумасшедшій, съ радостнымъ визгомъ скакалъ черезъ руки, кувыр-кался, умиралъ, смѣялся.

Я глядѣлъ и тоже смѣялся.

Довольный Тадеушъ прощался, желалъ мнѣ скорого выздоровленія и уводилъ опечаленную разставаньемъ собаку.

Черезъ нѣсколько недѣль, худой и слабый, какъ тѣнь, я всталъ съ постели.

Чтобъ хоть чѣмъ нибудь загладить происшедшее, я съ энергіей принялся за учебники, и въ августѣ мѣсяцѣ выдержалъ экзамень въ кадетскій корпусъ и уѣхалъ на Волгу въ Нижній.

Янъ въ Америкѣ. Онъ добился таки своего и отправился туда въ то время, когда я кончалъ корпусъ. Теперь онъ уже не просто Янъ, а мистеръ Джонъ—владѣлецъ желѣзодѣлательнаго завода

...Все, что пройдетъ, то будетъ мило, —
сказалъ великій поэтъ...

Много лѣтъ и верстъ отдѣляетъ теперь меня отъ описанныхъ дней и Литвы, но вотъ вспомнилъ о нихъ и вижу синее небо, сторожевыя сосны надъ желтымъ промывомъ оврага, слышу говоръ ихъ и гулъ земли отъ проносящихся поѣздовъ; изъ густого сада глядятъ окна стараго дома и лица тѣхъ, что давно ушли изъ него въ иной міръ...

Вѣчная память минувшему!

Того же автора :

1. ЦАРЬ БЕРЕНДЪЙ. Таежная побывальщина.
2. ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ. Очерки.
3. СНЫ ЗЕМЛИ. Романъ-хроника.
4. ЗАКАТЪ. Романъ.
5. СВЯТЫЯ ОЗЕРА. Недавнее прошлое.
6. ПОДЪ ШУМЪ ДУБОВЪ. Историческій романъ
7. ВОЛКИ. Историческій романъ Р а с п р о д а н о.
8. ГУСАРСКІЙ МОНАСТЫРЬ Историч. романъ. Р а с п р.
9. ВЪ ГРОЗУ. Историческій романъ
10. ЛЪСНАЯ БЫЛЬ. Историческій романъ. Р а с п р о д а н о.
11. ТО, ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМЪ. Разказы.
12. ДАЛЕКІЕ ДНИ. Воспоминанія 1870—90 г. г.
13. ДЕБРИ ЖИЗНИ. Дневникъ.
14. ТРАПЕЗОНДСКАЯ ЭПОПЕЯ. Дневникъ.
15. ПРОШЛОЕ. Изъ воспоминаній.
16. СИНОДИКЪ ПОГИБШИХЪ ЧАСТНЫХЪ КНИГОХРАНИЛИЩЪ.
17. ОБЗОРЪ ЗАПИСОКЪ, ДНЕВНИКОВЪ И ВОСПОМИНАНІЙ. 3 тома.
18. СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНІЕ. (Путешествіе въ Урянхай).
19. ЧЕРНОКНИЖНИКЪ. Разказы.
20. ПРИКЛЮЧЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ. Историческій романъ.
21. БЪГЛЕЦЫ. Приключенія. Изъ автобіографіи.

Главное представительство
Rīgā, Ieroču ielā 10, dz. 2.

Сибирское Книгоиздательство.

Librairie
M. DIDKOVSKY
RIGA.
Volska iela 43/45.